ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2023 №2 (43)

Научный периодический журнал

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

№ 2 (43) 2023

Scientific periodical

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

№ 2 (43) 2023

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК № 2 (43) 2023

Миссия. Северо-Восточный гуманитарный вестник является научным периодическим изданием, цель которого – введение в научный оборот и популяризация на территории Российской Федерации и за рубежом результатов фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии. Журнал издается с 2010 г.

Статус. Журнал включен в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук (ВАК РФ), базу данных Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS). Журнал является членом Международной ассоциации издателей научной литературы (Publishers International Linking Association) и участвует в проекте CrossRef. Каждой статье присваивается номер DOI (Digital Object Identifier).

Основные разделы и публикуемые в них темы по специальностям: 1. История и археология: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки); 2. Языкознание: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 3. Литературоведение и фольклористика: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки).

Рубрикация. В журнале также публикуются рецензии на научные издания, вышедшие за последние 5 лет и имеющие отношение к тематике журнала.

Главный редактор:

Ефремов Николай Николаевич, д.ф.н., ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

Боякова Сардана Ильинична, д.и.н., доцент, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Гоголев Анатолий Игнатьевич, д.и.н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Данилова Надежда Ивановна, д.ф.н., ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

Апросимова Юлия Юрьевна, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Ответственный за выпуск номера:

Сулейманов Александр Альбертович, к.и.н., ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Редакционная коллегия:

Абдуллаев С.Н., д.ф.н., профессор, Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, г. Караол, Кыргызстан

Антонов Е.П., к.и.н., доцент, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Бравина Р.И., д.и.н., профессор, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Бурцев А.А., д.ф.н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Васильева Н.М., к.ф.н., ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Винокурова Д.М., к.социол.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Габышева Л.Л., д.ф.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

ISSN (Print) 2218-1644	
Журнал зарегистрирован	Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.
Издатель:	Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Адрес издателя и редакции:	677027, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1
Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии:	igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru
Учредитель:	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

© ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2023

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК № 2 (43) 2023

Дмитриева Е.Н., д.ф.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Илларионов В.В., д.ф.н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Ларионова А.С., д.иск., доцент, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Мельничук О.А., д.ф.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Петров А.А., д.ф.н., профессор, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Покатилова Н.В., д.ф.н., профессор, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Попова Н.И., к.ф.н., доцент, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Романова Е.Н., д.и.н., ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Романова Л.Н., к.ф.н., ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Сивцева С.И., д.и.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Стручкова Н.А., к.и.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Сулейманов А.А., к.и.н., ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Филиппов Г.Г., д.ф.н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Хазанкович Ю.Г., д.ф.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д.и.н., профессор, ИГИиПМНС СО РАН

Аникин А.Е., д.ф.н., профессор, академик РАН, ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аргунова-Лоу Т.И., д-р антропологии, Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания

Балаш Дьюла Балог, д-р этнологии, профессор, Институт этнологии Венгерской академии наук, г. Будапешт, Венгрия

Бахтикиреева У.М., д.ф.н., профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Головнев А.В., д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН, МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Деревянко А.П., д.и.н., профессор, академик РАН, ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Жамсаранова Р.Г., д.ф.н., доцент, ЗабГУ, г. Чита, Российская Федерация

Кузьмина Е.Н., д.ф.н., профессор, ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ласло Каролi, д-р филологии, Майнцский университет им. И. Гутенберга, г. Майнц, Германия

Невская И.А., д.ф.н., доцент, ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Франкфуртский университет, Германия

Хироки Такакура, д-р социальной антропологии, Университет Тохоку, г. Сендай, Япония

Шишкин В.И., д.и.н., профессор, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Юрганова И.И., д.и.н., Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Литературный редактор: *Печетова Н.Ю.*, к.ф.н., СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

Английский текст: *Кочмар О.Н.*, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Верстка: *Степанова А.Н.*, ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Адрес учредителя:	677980, г. Якутск, ул. Петровского, д. 2
Телефон:	8 (411) 235–49–96
Распространяется	по подписке podpiska.pochta.ru. Index П2454
Тираж	300 экз.
Цена	свободная
Подписано в печать:	09.06.2023
Дата выхода в свет:	29.06.2023
Формат	60x90 $^{1}/_{8}$
Гарнитура	Таймс
Печать офсетная	Усл. п.л.17,7. Уч.-изд. л. 14,5.
Отпечатано	в типографии ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»

© ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2023

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES № 2 (43) 2023

Mission. The North-Eastern Journal of Humanities is a scientific periodical publication, the aim of the journal is to introduce into scientific circulation and popularize in the territory of the Russian Federation and abroad the results of fundamental and applied research in the field of languages, history and culture of the indigenous peoples of North Asia. The journal has been published since 2010.

Status. The journal is included in the bibliographic database of scientific publications of Russian scientists and Science Citation Index, the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science and doctor of science of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation should be published, the database of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS) and the Publishers International Linking Association and participates in the CrossRef project. Each article is assigned a DOI (Digital Object Identifier) number.

Main sections and topics published in them by specialties: 1. History and Archeology: 5.6.1. Russian History (Historical Sciences), 5.6.3. Archeology (Historical Sciences), 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (Historical Sciences); 2. Linguistics: 5.9.5. Russian Language. Languages of the Peoples of Russia (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences); 3. Literary Criticism and Folklore: 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.4. Folklore Studies (Philological Sciences).

Review. The journal also publishes reviews of scientific publications published over the past 5 years and related to the subject of the journal.

Editor-in-Chief:

Efremov Nikolai Nikolaevich, Dr. Sci. (Philology), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief:

Boyakova Sardana Ilinichna, Dr. Sci. (History), Associate Professor, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Gogolev Anatoli Ignatievich, Dr. Sci. (History), Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Danilova Nadezhda Ivanovna, Dr. Sci. (Philology), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Executive Secretary

Aprosimova Iulia Iurevna, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Executive Editor

Suleimanov Alexander Albertovich, Cand. Sci. (History), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Editorial Board:

Abdulaev S.N., Dr. Sci. (Philology), Professor, K.Tynystanov Issyk-Kul State University, Karakol, Kyrgyzstan

Antonov Ye.P., Cand. Sci. (History), Associate Professor, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Bravina R.I., Dr. Sci. (History), Professor, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Burtsev A.A., Dr. Sci. (Philology), Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Vasilieva N.M., Cand. Sci. (Philology), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Vinokurova D.M., Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Gabysheva L.L., Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Dmitrieva E.N., Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

ISSN (Print) 2218-1644	
The Journal was registered by	the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration record	ПИ № ФС77-76636 on September 02, 2019
Publisher:	Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Publisher's and editorial address:	Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo Str., 677027
E-mail:	igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru
Founder:	Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Centre "The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences"

© FRC YaSC SB RAS, 2023

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES № 2 (43) 2023

Illarionov V.V., Dr. Sci. (Philology), Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Larionova A.S., Dr. Sci. (Art), Associate Professor, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

*Melnichuk O.*A., Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Petrov A.A., Dr. Sci. (Philology), Professor, A. Herzen RSPU, Saint-Petersburg, Russian Federation

Pokatilova N.V., Dr. Sci. (Philology), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Popova N.I., Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Romanova E.N., Dr. Sci. (History), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Romanova L.N., Cand. Sci. (Philology), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Sivtseva S.I., Dr. Sci. (History), Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Struchkova N.A., Cand. Sci. (History), Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

Suleimanov A.A., Cand. Sci. (History), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Filippov G.G., Dr. Sci. (Philology), Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian

Khazankovich Iu.G., Dr. Sci. (Philology), Professor, M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian

Editorial Council:

Alekseev A.N., Chairperson, Dr. Sci. (History), Professor, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Anikin A.E., Dr. Sci. (Philology), Professor, Academician of RAS, IPh SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Argounova-Low T.I., Doctor in Anthropology, University of Aberdeen, Aberdeen, UK

Balash Dula Bagol, Doctor in Ethnology, Professor, Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary

Bakhtikireeva U.M., Dr. Sci. (Philology), Professor, PFUR, Moscow, Russian Federation

Golovnev A.V., Dr. Sci. (History), Professor, Corresponding Member of RAS, MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg, Russian Federation

Derevyanko A.P., Dr. Sci. (History), Professor, Academician of RAS, IAE SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Zhamsaranova R.G., Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Transbaikal SU, Chita, Russian Federation

Kuzmina E.N., Dr. Sci. (Philology), Professor, IPL SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Laslo Karoly, Doctor in Philology, University of Gutenberg, Mainz, Germany

Nevskaya I.A., Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, IPL SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation, University of Frankfurt, Germany

Hiroki Takakura, Doctor in Social Anthropology, University of Tohoku, Senday, Japan

Shishkin V.I., Dr. Sci. (History), Professor, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Shishkin V.I., Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk),

Urganova I.I., Dr. Sci. (History), Institute of Russian History RAS, Moscow, Russian Federation

Literary Editors: *Pechetova N.Iu.*, Cand. Sci. (Philology), M.K. Ammosov NEFU, Yakutsk, Russian Federation

English text: *Kochmar O.N.*, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Page-proofs: *Stepanova A.N.*, IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Founder's address:	Russia, Yakutsk, 2, Petrovskogo Str., 677980
Phone:	8 (411) 235–49–96
Subscription	Podpiska.pochta.ru Index П2454
Print circulation	300 copies
Price	Free
Signed for print:	09.06.2023
Release date:	29.06.2023
Format	60x90 $^{1}/_{8}$
Font	Times
Offset printing	Conditionally printed sheets 17,7. Publishing sheets 14,5.
Printed	in the Printing House of the FRS "YSC SB RAS"

© FRC YaSC SB RAS, 2023

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК № 2 (43) 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Сулейманов А.А. От ответственного за выпуск 8

История и археология

Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Филиппова В.В. Антропология традиционного образа жизни: к стратегиям исследований коренного населения сельской Якутии 10

Гончаров Н.С. Ресурсы этничности в локальных стратегиях освоения пространства северной Якутии 24

Григорьев С.А., Архипова А.И. Северные поселения в коммуникативном пространстве якутской Арктики: село Сиктях от века к веку 43

Досмурзинов Р.К. Шежире у казахов: мировоззренческий аспект 56

Языкознание

Осипов Б.Я. Коартикуляция в живой речи ламунхинских эвенов 69

Печетова Н.Ю., Никаева Т.М. Структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия) 78

Экба З.Н. Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах 89

Варламов А.Н. Фразеологизмы в эвенкийском фольклоре, отражающие законы родового общества 104

Васильева А.А. Функционирование терминов якутской национальной культуры в научных текстах на русском языке 115

Литературоведение и фольклористика

Румянцева Л.И. Рецепция поэзии Анны Ахматовой в творчестве якутских поэтов: к постановке проблемы 126

Рецензии

Желобцов Ф.Ф. Рецензия на книгу Л.Н. Жуковой «Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса)» [Отв. ред. А.А. Немировский]. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2022. 76 с.: взгляд востоковеда 133

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник» 139

ISSN 2218-1644

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES № 2 (43) 2023

CONTENT

Suleimanov A.A. From the executive editor 9

History and Archaeology

Vinokurova L.I., Sannikova Ya.M., Filippova V.V. Anthropology of the traditional lifestyle: strategies for researching the indigenous population of rural Yakutia 10

Goncharov N.S. Ethnical resources in local strategies development of Northern Yakutia 24

Grigorev S.A., Arkhipova A.I. Northern settlements in the communicative space of the Yakut Arctic: the history of Siktyah village through the ages 43

Dosmurzinov R.K. Shezhire as a worldview tradition of Kazakh people 56

Linguistic

Osipov B.Ya. Coarticulation in the living speech of the Lamunkhinsky Evens 69

Pechetova N.Yu., Nikaeva T.M. Structural and word-formation models of Russian-language oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia) 78

Ekba Z.N. Phytonyms of Arab-Persian origin in the Bashkir language and its dialects 89

Varlamov A.N. Idioms in Evenk folklore, reflecting the laws of tribal society 104

Vasilieva A.A. Functioning of the terms of the Yakut ethnic culture in scientific Russian texts 115

Literary Studies and Folklore Studies

Rumyantseva L.I. Reception of Anna Akhmatova’s poetry in the works of Yakut poets: (to the formulation of the problem) 126

Reviews

Zhelobtsov F.F. Book review by L.N. Zhukova "Yukagir-Chinese folklore-mythological parallels (to the question)" [Resp. ed. A.A. Nemirovsky]. St. Petersburg: Own Publ., 2022. 76 p.: Orientalist’s point of view 133

The manuscripts rules 139

От ответственного за выпуск

Настоящий номер продолжает серию выпусков журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник», посвященных осмыслению актуальных вопросов развития отечественного североведения и тюркологии.

В фокусе приоритетного внимания авторов номера находилась проблематика изменений, происходивших и происходящих в области языков, культуры, среды жизнедеятельности населения Северной Азии, а также разработка подходов к анализу происходящих трансформаций. Причины данных изменений традиционно лежат в плоскости факторов как внутренне вызревших, так и обусловленных внешними обстоятельствами: политическими решениями, особенностями администрирования, социально-экономическими реформами, глобализацией, динамикой климатического режима и многими другими.

В этой связи Л.И. Винокурова, Я.М. Санникова и В.В. Филиппова предлагают включиться в разработку нового направления научных изысканий – антропологии традиционного образа жизни. В ее рамках авторы представили группу первичных показателей, охватывающих характеристики, которые являются базовыми для традиционного хозяйства аборигенных этносов Северной Азии.

Н.С. Гончаров на основе материалов, которые он собирал в ходе полевых изысканий в арктических районах Якутии, достаточно убедительно показал, как изменения, произошедшие в законодательной базе, а также в общественном сознании на рубеже XX–XXI столетий, позволяют коренным малочисленным народам Севера использовать свой статус в качестве своеобразного ресурса для достижения необходимых целей.

С.А. Григорьев и А.И. Архипова в своей статье на основе привлечения разнообразного круга источников, включая авторские полевые материалы, продемонстрировали, как в течение XIX–XXI веков менялось арктическое село Сиктях, административно относящееся к Булунскому району Республики Саха (Якутия).

Р.К. Досмурзинов исследовал различные произведения устного народного творчества, в обобщенном виде называемые шежире, через призму их отражения в мировоззрении той или иной исторической эпохи развития казахского народа. Н.Ю. Печетова и Т.М. Никаева показали, к каким изменениям в топонимике Якутии привели появление русских землепроходцев, последующее заселение и освоение территории региона русскоязычным населением; А.А. Васильева достаточно интересно продемонстрировала взаимодействие русского и якутского языков в сахаязычных научных текстах.

Для того чтобы лучше оттенить и осознать происходящие либо произошедшие изменения, естественно, нужно анализировать исследовательские объекты также в их стационарном, стабильном состоянии. Решению данной задачи посвящена часть статей из второго и третьего разделов. Так, Б.Я. Осипов осуществил анализ живой речи ламунхинских эвенов и впервые обнаружил различные виды дополнительной артикуляции; А.Н. Варламов исследовал проблему бытования фразеологических единиц, отражающих социальные традиции родового общества в устном народном творчестве эвенков, их сохранность в условиях глобализации. З.Н. Экба рассмотрела проблематику генезиса фитонимов арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах; Л.И. Румянцева определила специфику восприятия творчества и личности А. Ахматовой якутскими поэтами В. Потаповой и Н. Харлампьевой.

Работа Ф.Ф. Желобцова посвящена осмыслению основных положений, представленных в книге Л.Н. Жуковой «Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса)», которая вышла в свет в 2022 г. и ориентирована на выявление возможных параллелей в юкагирском и китайском фольклоре.

Таким образом, в номере представлена проблематика, так или иначе охватывающая значительную часть этнической палитры Республики Саха (Якутия). Географически авторы опубликованных в номере статей представляют научные и научно-образовательные учреждения гг. Астаны (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан), Москвы (Институт языкознания РАН), Санкт-Петербурга (МАЭ РАН), Якутска (ИГИиПМНС СО РАН, СВФУ им. М.К. Аммосова).

Особо следует отметить, что журнал продолжает выполнение одной из своих главных миссий – предоставления трибуны для молодых, в том числе начинающих, исследователей. В этой связи коллектив редакции и редколлегии, подготовивший к публикации данный номер, желает скорейшей защиты диссертационных работ Н.С. Гончарову, Р.К. Досмурзинову и Б.Я. Осипову.

А.А. Сулейманов, к.и.н., с.н.с.
Центра арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН

From the Executive Editor

This issue continues a series of the journal issues "NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES", dedicated to the understanding of topical issues in the development of domestic Northern and Turkic studies.

The authors of this issue focused on the problems of changes that have taken place and are taking place in the field of languages, culture, the living environment of the population of North Asia, as well as the development of approaches to the analysis of ongoing transformations. The reasons for these changes traditionally lie in the plane of factors, both internally matured and caused by external circumstances: political decisions, administration features, socio-economic reforms, globalization, the dynamics of the climate regime, and many others.

In this regard, L.I. Vinokurova, Ya.M. Sannikova and V.V. Filippova are invited to join in the development of a new direction of scientific research this is the anthropology of the traditional way of life. The authors presented a group of primary indicators covering the characteristics that are basic for the traditional economy of the aboriginal ethnic groups of North Asia.

N.S. Goncharov, on the basis of materials that he collected during field research in the Arctic regions of Yakutia, quite convincingly showed how the changes that took place in the legislative framework, as well as in the public consciousness at the turn of the 20th – 21st centuries, allow the indigenous peoples of the North to use their status in as a kind of resource for achieving the necessary goals.

S.A. Grigoriev and A.I. Arkhipova in their article, based on the involvement of a diverse range of sources, including author's field materials, demonstrated how the Arctic village of Siktyakh, administratively belonging to the Bulunsky district of the Republic of Sakha (Yakutia), changed during the 19th – 21st centuries.

R.K. Dosmurzinov studied various works of oral folk art, in a generalized form called shezhire, through the prism of their reflection in the worldview of a particular historical era in the development of the Kazakh people. N.Yu. Pechetova and T.M. Nikayeva showed what changes in the toponymy of Yakutia led to the appearance of Russian explorers, the subsequent settlement and development of the territory of the region by the Russian-speaking population; A.A. Vasilyeva quite interestingly demonstrated the interaction of the Russian and Yakut languages in Sakha-language scientific texts.

In order to better shade and realize the changes that are taking place or have occurred, of course, it is necessary to analyze research objects also in their stationary, stable state. Part of the articles from the second and third sections is devoted to the solution of this problem. So, B.Ya. Osipov carried out an analysis of the living speech of the Lamunkha Evens and for the first time discovered various types of additional articulation; A.N. Varlamov studied the problem of the existence of phraseological units that reflect the social traditions of the tribal society in the oral folk art of the Evenks, their preservation in the context of globalization. Z.N. Ekba considered the problems of the genesis of phytonyms of Arab-Persian origin in the Bashkir Language and its dialects; L.I. Rumyantseva determined the specifics of the perception of creativity and personality of A. Akhmatova by Yakut poets V. Potapova and N. Kharlampyeva.

The work of F.F. Zhelobtsov is devoted to understanding the main provisions presented in Zhukova's book "Yukagir-Chinese folklore-mythological parallels", which was published in 2022 and is focused on identifying possible parallels in the Yukagir and Chinese folklore.

Thus, the issue presents that one way or another cover a significant part of the ethnic palette of the Republic of Sakha (Yakutia). Geographically, the authors of the articles published in the issue represent scientific and scientific-educational institutions of the years. Astana (Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Kazakhstan), Moscow (Institute of Linguistics RAS), St. Petersburg (MAE RAS), Yakutsk (IHRISN SB RAS, NEFU named after M.K. Ammosov).

It should be especially noted that the journal continues to fulfill one of its main missions – providing a platform for young researchers, including beginners. In this regard, the editorial staff and the editorial board, who prepared this issue for publication, wish N.S. Goncharov, R.K. Dosmurzinov and B.Ya. Osipov.

A.A. Suleimanov, Cand. Sci. (History),
Senior Researcher of the Center for Arctic Studies IHRISN SB RAS

2023; 2(43): 10-23 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ / HISTORY AND ARCHAEOLOGY

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.001
УДК: 572.02(571.56-22)

Антропология традиционного образа жизни: к стратегиям исследований коренного населения сельской Якутии

Л.И. Винокурова , ***Я.М. Санникова*** , ***В.В. Филиппова***

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация,
lilivin@mail.ru, sannikowa@mail.ru, Filippovav@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты комплексного изучения традиционного образа жизни. Новизна работы состоит в том, что в научный оборот впервые вводится такое направление, как антропология традиционного образа жизни (АТОЖ) в контексте подходов исторической и экономической антропологии. Антропология традиционного образа жизни – новое научное направление, исследующее условия, формы и показатели жизнедеятельности людей, проживающих в сельской местности, занятых преимущественно в традиционных отраслях хозяйства. Целью статьи является постановка проблемы исследования АТОЖ на примере хозяйственной деятельности коренного сельского населения Республики Саха (Якутия). Для достижения цели были решены следующие задачи: изучена историография по традиционному образу жизни, обозначены базовые показатели для исследования АТОЖ. Работа выполнена с применением традиционных общенаучных и исторических методов, подходов исторической и экономической антропологии, междисциплинарных исследований. Предварительно обоснованы предлагаемые подходы исторической и экономической антропологии в изучении заявленного направления. На данном этапе результатами проведенного исследования являются предложенные авторами четыре группы показателей, раскрывающих исторически освоенные ландшафты, реконструкцию расселения и динамику численности населения, характеристику традиционной хозяйственной деятельности и отношения человека к труду. Данные показатели, по мнению авторов, должны быть проанализированы в исторической динамике.

Ключевые слова: антропология традиционного образа жизни, традиционная хозяйственная деятельность, коренные народы, Якутия, природные ресурсы, расселение, сельское население, труд, повседневная жизнь, труженик сельского хозяйства

Для цитирования: Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Филиппова В.В. Антропология традиционного образа жизни: к стратегиям исследований коренного населения сельской Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 10–23. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.001

Anthropology of the Traditional Lifestyle: Strategies for Researching the Indigenous Population of Rural Yakutia

L.I. Vinokurova , ***Ya.M. Sannikova*** , ***V.V. Filippova***

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation,
lilivin@mail.ru, sannikowa@mail.ru, Filippovav@mail.ru

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of a comprehensive study of the traditional lifestyle. The scientific novelty of the article consists in the proposal of the scientific direction “anthropology of the traditional lifestyle” (ATL), studied in the context of approaches of historical and economic anthropology introduced by the authors for the first time into scientific circulation. The anthropology of the traditional way of life is a new scientific direction

© Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Филиппова В.В., 2023

that studies the conditions, forms and indicators of the life activity of people living in rural areas, employed mainly in traditional sectors of the economy. The purpose of the article is to formulate the problem of the study of ATL on the example of the economic activity of the indigenous rural population of the Republic of Sakha (Yakutia). To achieve the aim, the following tasks were solved: the historiography of the traditional way of life was studied; the first indicators for the study of ATL were identified. The work was carried out using traditional general scientific and historical methods, approaches of historical and economic anthropology, interdisciplinary research. The proposed approaches of historical and economic anthropology in the study of the direction of ATL are preliminarily substantiated. At this stage, the results of the study are the four groups of indicators proposed by the authors that reveal historically developed landscapes, the reconstruction of settlement and population dynamics, the characteristics of traditional economic activity and the attitude of a person to work. According to the authors, these indicators should be analyzed in historical dynamics.

Keywords: anthropology of traditional lifestyle, traditional economic activity, indigenous peoples, Yakutia, natural resources, settlement, rural population, labor, daily life, agricultural worker

For citation: Vinokurova L.I., Sannikova Ya.M., Filippova V.V. Anthropology of the Traditional Lifestyle: Strategies for Researching the Indigenous Population of Rural Yakutia. In: North-Eastern journal of humanities. 2023. №2 (43). Pp. 10-23. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.001 (In Russian)

I. Введение. В современном мире образ жизни коренного населения разных регионов Земли нередко сохраняет только элементы традиционного, сложившегося на основе хозяйственных занятий предков. Тем не менее определяющая роль именно традиционной основы, наличие функционирующего традиционного «стержня» материальной и духовной культуры для жизнедеятельности коренных этносов в большинстве случаев не оспаривается. Сохранность и трансляция традиционного образ жизни (ТОЖ) всегда зависят от текущих социально-экономических процессов, политики государства на каждом историческом этапе развития страны (или прежних колоний) по отношению к носителям коренной культуры, а также от степени приверженности самих этносов к ТОЖ. В условиях даже постиндустриальной цивилизации обществу следует помнить, что исторически человек сформировался как часть живой природы, в тесной связи с которой был создан весь его материальный и духовный мир. Несомненно, истоки не только базовых хозяйственных практик, но и ментальная, духовная сферы человеческой активности уходят своими корнями в мир традиционных культур. В этом плане можно говорить, что ТОЖ – это начало / основа человеческой истории, первичная суть социальной жизни, и данный многомерный культурно-антропологический феномен заслуживает непреходящего внимания.

В рамках статьи интерес к ТОЖ обоснован как общей актуализацией проблем изучения исчезнувших или уходящих традиционных культур мира на фоне ускоряющейся глобализации, так и историко-культурной особенностью Якутии как региона с относительно высокой сохранностью до XXI в. элементов традиционных культур коренных народов. При этом на материале Якутии специализированные комплексные исследования по истории ТОЖ коренных народов отсутствуют. Относительно разработанным направлением выглядит изучение традиционной хозяйственной деятельности коренного населения края в XX – начале XXI вв., что связано с кардинальными трансформациями в сфере региональной политики и экономики, с масштабным вмешательством государства в ТОЖ.

Период с 1900-х до 2000-х гг. действительно является для коренных народов Якутии насыщенным на события, изменившие весь уклад и повлиявшие на образ жизни. Исконный хозяйственный уклад жизни коренного населения, длительное время остававшегося исключительно сельским, был вынужден адаптироваться к меняющейся экономической среде с сохранением при этом собственного выработанного в природно-культурных условиях Якутии опыта. Отметим, что досоветский этап истории – это период относительного «невмешательства» в ТОЖ, практически естественного развития локальных культур, основанных на традиционном хозяйствовании. Мы исходим из того, что традиционный хозяйственный образ жизни коренных народов – это уникальное материальное и духовное явление исторически сложившегося образа жизни коренного населения региона, ос-

нованное на преемственности поколениями традиционных занятий, обеспечивающих их повседневную хозяйственную жизнедеятельность и сохраняющих их этнический мир.

В Якутии исконными хозяйственными занятиями являются следующие виды животноводства и промыслов: оленеводство, разведение крупного рогатого скота, табунное коневодство, рыболовство и охота. Земледелие является исторически поздним традиционным занятием в Якутии и рассматривается здесь лишь в контексте землепользования на посевных площадях. Ведущие традиционное хозяйство в изучаемый период пережили несколько волн государственных реформ: так, после революции 1917 г. из единоличных хозяйств были сформированы коллективные хозяйства (колхозы), затем советские хозяйства (совхозы), а в постсоветский период и по настоящее время животноводство и промыслы сосредоточились в экономических субъектах разных форм собственности: сельскохозяйственные организации (в основном государственные или муниципальные предприятия, в данную категорию включены сейчас и родовые общины) и крестьянские хозяйства. Отметим, что личные подсобные хозяйства населения сохранились, пережив все времена. В настоящее время у занимающихся традиционными отраслями хозяйств Якутии двойственное положение: официально они числятся хозяйствующими субъектами аграрной экономики, а с гуманитарной позиции они представляют собой социокультурный / историко-культурный феномен как часть ТОЖ коренных народов.

Таким образом, авторами предлагается научное направление – антропология традиционного образа жизни, которое в контексте подходов исторической и экономической антропологии исследует условия, формы и показатели жизнедеятельности коренного населения, проживающего в сельской местности и ведущего преимущественно традиционный хозяйственный образ жизни. *Целью* данной работы является постановка проблемы исследования АТОЖ на примере хозяйственной деятельности коренного сельского населения Якутии. В этом свете актуализированы анализ существующей литературы по проблематике и обсуждение его результатов, что поставлено в качестве одной из задач предпринимаемого исследования. Также назрела необходимость структурирования предлагаемого научного направления АТОЖ, в связи с чем выделены первичные показатели для изучения ТОЖ.

II. Материалы и методы. Изучение антропологии ТОЖ на данном этапе хозяйственного образа жизни коренных народов подразумевает подходы исторической и экономической антропологии.

Историко-антропологический подход проявляется в постановке проблемы, в ориентации на определенную историографическую традицию, в ракурсе представления получаемых результатов. Обновление и расширение проблематики исследований позволяет историкам обратиться к изучению повседневности, жизненной практики в различных ее формах, дополнить антропологическим измерением историю управленческих институтов, экономической политики, социальных отношений. С учетом вектора развития исторической антропологии в сторону культурологической истории в самом широком смысле ее понимания в поле исследования попадают культурные практики и репрезентации [Кром, 2010: 180–189]. При таком подходе удается вовлечь в научный оборот ранее не используемые историками источники.

Для анализа особенностей традиционных хозяйственных занятий с точки зрения взаимодействия тружеников по поводу производства продукции, связанной с вложением труда и удовлетворения желаний, обеспечивающих материальные и нематериальные ценности, востребованы методы экономической антропологии. Изучение традиционного производства, распределения и потребления, характеристику социальной структуры, процессов экономических и социальных изменений можно расширить через призму экономической антропологии, и здесь будет использоваться структурный анализ и анализ процессов в конкретном обществе, в нашем случае сельского населения Якутии, в определенный период или в течение длительного времени [Шредер, 1999: 10–11]. В этом плане антропологические направления в рамках исследования комплекса проблем уделяют большое внимание экономическому и социальному поведению человека и сообщества, в котором материальные мотивы могут не играть решающей роли, подчиняясь ментальной / этической / духовной стороне жизнедеятельности.

Антропологическое исследование ТОЖ коренных народов раскрывает экономическое и социальное поведение человека и сообщества, в котором материальные мотивы могут не играть решающей роли, подчиняясь ментальной / этической /духовной стороне жизнедеятельности.

Исследования антропологии ТОЖ включают в себя интегративный анализ на основе традиционных общенаучных и исторических методов, дополненный методами комплексных и междисциплинарных исследований; наиболее привлекательны в этом плане теперь уже вполне традиционные для подходов исторической и экономической антропологии статистический метод, приемы устной истории и другие. Изучение таких компонентов традиционного образа жизни, как участие в трудовой деятельности, особенности ведения традиционных отраслей хозяйства осуществляется на базе результатов проведенных опросов, глубинных и экспертных интервью.

Источниковой базой исследования ТОЖ служат неопубликованные и опубликованные архивные документы по истории Якутии, детально анализируются материалы всероссийских переписей населения, сельскохозяйственных переписей, статистические документы за период XX – начало XXI вв. Используется большой массив материалов полевых исследований, собранных в ходе научных командировок и экспедиций, материалы периодической печати, краеведческая, научно-популярная, в отдельных случаях и художественная литература.

III. Результаты и обсуждение. В рамках статьи проблема изучения традиционной хозяйственной деятельности коренного сельского населения Якутии рассмотрена в историко-антропологическом ключе, сформированном сложившимися мировыми и отечественными тенденциями в изучении ТОЖ.

В первую очередь был осуществлен анализ литературы, наиболее близкой к выбранной теме АТОЖ. Представляется приемлемым условно разделить ее на труды по исследованию систем сельского расселения, традиционного хозяйства и социального развития села. Актуализация темы диспропорций регионального развития в мире обусловила интерес к системам расселения населения. В исследованиях систем сельского расселения активно расширяется комплексный подход, в основе методологии которого лежит изучение взаимосвязей сельских поселений, ландшафтных комплексов и социально-экономических систем [Колосовский, 1947; Пилясов, 2010; Панков, 2011]. Интересны работы М.В. Рагулиной, в которых рассматриваются историко-географические проблемы формирования этноконтактных стратегий в природопользовании, развитие локальных вариантов жизнеобеспечения на примере народов Прибайкалья[1]. Имеется ряд исследований разных лет с анализом системы расселения Якутии во взаимосвязи с природно-географическими и социально-экономическими условиями (М.Ю. Присяжный, Т.С. Мостахова, Е.Г. Егоров и др.)[2].

Изучение традиционного хозяйства и социального развития сельского сообщества происходит вокруг комплементарных исследований. В фокусе научного интереса находится проблема развития сельского хозяйства в целом, при этом процесс осмысления вопросов аграрного развития страны и регионов практически непрерывен, несмотря на экономические и социальные сложности и негативы в отрасли [Никольский, 2003; Буздалов, 2005; Покровский, 2009; Безнин, Димони, 2019].

Именно в силу последних высока востребованность исследований этнографов и антропологов, прежде всего труды по традиционному природопользованию, основанные на этногеографическом и этноэкологическом принципах изучения, по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН, экспертные исследования по «антропологии добывающей промышленности» [Крупник, 1989; Клоков, 1999, 2001; Jernsletten и др., 2002; Ямсков, 2000; Мурашко, 2011; Соколова, 1990; Сирина, 1999; Василькова и др., 2011; Мартынова, 2012].

[1]Список публикаций М.В. Рагулиной на платформе elibrary.ru: URL: eLIBRARY.RU - Рагулина Милана Владимировна - Список публикаций (дата посещения: 31.03.2023)

[2]С работами данных авторов можно ознакомиться на платформе elibrary.ru: Присяжный М.Ю. URL: eLIBRARY.RU – Присяжный Михаил Юрьевич – Список публикаций (дата обращения: 31.03.2023); Мостахова Т.С. URL: eLIBRARY.RU – Мостахова Татьяна Семеновна – Список публикаций (дата обращения: 31.03.2023); Егоров Е.Г. URL: eLIBRARY.RU – Егоров Егор Григорьевич – Список публикаций (дата обращения: 31.03.2023)

Отдельную ценность представляет серия работ постсоветской школы российского крестьяноведения, изучающих аграрное производство, социальную сферу сельских поселений в российской глубинке [Шанин, 1992; Рефлексивное крестьяноведение, 2002; Голоса крестьян, 1996]. В отечественных работах нового поколения признано, что все потрясения, пережитые российскими сельскими общинами, не могли не сказаться на духовных, нравственных устоях ее населения. В качестве примера можно привести монографию Л.Н. Денисовой [Денисова, 1996], посвященную жизни деревни Нечерноземья в 1960–1980-е годы и труды О.М. Вербицкой [Вербицкая, 2017], в том числе ее монографию о сельской семье на этапе социально-экономических трансформаций. Близки к теме статьи работы сибирских аграрников: в частности, исследования по проблемам раскрестьянивания в Сибири, по проблемам истории крестьянских семей и дворов в Сибири, коллективные монографии по стратегиям хозяйственного освоения Сибири, их реализации в советский период, о выборе путей и методов модернизации в ходе преобразования аграрного строя Сибири в XX в. [Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1991; Ильиных, 1998; Очерки истории…, 2001; Мобилизационная стратегия…, 2013; Проекты преобразования…, 2015 и др.].

В отдельных монографиях и сборниках рассматриваются вопросы положения коренных малочисленных народов арктических регионов, обозначены возможные механизмы адаптации их традиционной хозяйственной системы, проблемы взаимодействия традиционного и промышленного природопользования с точки зрения практического применения разработанных концептуальных направлений развития Арктики и Севера [Арктика на пороге…, 2000; Арктика. Интересы России…, 2002; Додин, 2005; Мархинин, 1993; Современные проблемы…, 2000].

Для исследований ТОЖ важны работы по аспектам социально-экономического положения коренных малочисленных народов арктических регионов, истории и современности адаптации их традиционной хозяйственной системы, взаимодействия традиционного и промышленного природопользования на разных уровнях и в государственно-правовом поле. Для антропологии ТОЖ коренных народов Якутии интересны работы зарубежных специалистов по арктическим общинным феноменам как в исторической ретроспективе, так и в последние десятилетия. Важные аспекты занятости, социальной мобильности, образования и гендера в сообществах коренных народов Арктики и Севера, включая Якутию, затронуты в англоязычных коллективных и авторских публикациях [Scott, 2011].

На различные элементы социальной реальности в советской Арктике, проблемы адаптации коренного населения Российской Арктики, Севера и Сибири к меняющимся условиям современных вызовов обращаются и зарубежные специалисты, речь о которых пойдет подробнее в последующих работах авторов.

Для реконструкции истории ТОЖ, включая традиционное хозяйство, социальные отношения и развитие человеческих ресурсов в сельской Якутии, принципиально важны результаты исследований якутских специалистов. Так, в пионерных работах И.А. Аргунова [Аргунов, 1985; Аргунов, 1988] освещены социальная сфера, социо-демографические и культурные характеристики сельского населения Якутии в XX в. Историю аграрного развития Якутии в второй половине XX в., участие сельского населения в аграрном производстве, его трудовую активность в колхозах и совхозах Якутии, вопросы общественной и творческой самореализации сельских тружеников, первый этап аграрной реформы 1990-х гг. скрупулезно исследовал С.И. Ковлеков [Ковлеков, 1992; Ковлеков, 1993; Ковлеков,1999]. Свое видение экономического развития северного села, рационального использования природных ресурсов, сельскохозяйственного районирования региона предложил Н.Н. Тихонов [Тихонов, 1996], выделив концептуальные направления своих изысканий. В 1980-е – 1990-е гг. состоялся ряд научно-практических конференций, посвященных проблемам Арктики и Севера. По различным аспектам социального развития сельского населения Якутии опубликованы работы Л.И. Винокуровой[1], обозначившей вопросы реализации человеческо-

[1]Винокурова Л.И. URL: eLIBRARY.RU – Винокурова Лилия Иннокентьевна – Список публикаций (дата посещения: 31.03.2023)

го потенциала коренного населения, этнохозяйственной самореализации северных меньшинств, хозяйственно-культурного сосуществования традиционного хозяйства с экономикой динамичных современных технологий в контексте этносоциального развития Якутии. Комплексной интерпретации феномена ТОЖ коренных народов Якутии способствуют труды сотрудников ИГИиПМНС СО РАН, в которых исследованы вопросы развития традиционных отраслей, социальные и демографические проблемы коренных малочисленных народов Якутии в условиях рыночных отношений, интеграция в общероссийскую культуру; разработаны современные проблемы изучения и развития Арктики, в историко-этнографическом плане освещены текущие вызовы для развития традиционного хозяйства, изучены процессы этносоциального и этнического развития коренного населения Якутии.

Для концептуализации исследования антропологии ТОЖ востребованы результаты исследований, проблемно или хронологически проливающие свет на различные интересующие нас аспекты: прежде всего работы в различных областях гуманитарных (исторических, социологических, филологических), естественных, экономических, сельскохозяйственных и других наук. С работами авторов настоящего исследования, в той или иной мере затрагивающими проблематику АТОЖ на основе работ предшественников и современных исследователей, можно ознакомиться на их личных страницах в elibrary.ru[1].

Таким образом, в результате анализа литературы обнаруживается исследовательский вызов, заключенный в длительном и продолжающемся накоплении научных знаний о традиционной жизнедеятельности коренных народов в смежных областях, изучающих по отдельности природно-хозяйственные, территориальные, демографические и этнокультурные вопросы при слабом присутствии связующего их антропологического подхода. Данный познавательный «разрыв» наиболее заметен, как ранее отмечалось, в двойственности социального статуса лиц, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования. С одной стороны, они являются ординарными субъектами аграрного и промыслового секторов экономики, а с другой стороны – представителями архаичного традиционного хозяйственного уклада, являющегося уникальным культурно-историческим феноменом. Понимание необходимости дальнейшей разработки проблемы и доступности достаточного круга источников, как впервые вводимых в научный оборот, так и ранее опубликованных, интерпретируемых с расширением подходов, позволяет структурировать направление антропологии традиционного образа жизни. В этом направлении представлена проблема исследования традиционной хозяйственной деятельности коренного сельского населения в период XX – начало XXI вв.

Исходя из проблемной ситуации, авторы на данном этапе исследования сосредоточились на выделении именно тех показателей, которые приложимы для общей оценки / характеристики традиционного хозяйства вне зависимости от официальной типологии в определенный исторический период. Выделенные нами следующие показатели являются базовыми для традиционного хозяйствования как части ТОЖ коренных народов.

Природные условия и земельные ресурсы. Природные условия, оставаясь в глобальном смысле незыблемыми, за изученный период времени циклично претерпевали и продолжают испытывать воздействие климатических изменений. При оценке земельных ресурсов региона для поселенческого и аграрного использования следует подвергнуть ревизии тезис об огромной территории Якутии, не учитывающий наличие естественных природных и социальных ограничений для землепользования, лимитирующих размеры пригодного для жизни пространства. Почти 80 % территории лежит севернее 60 ° с. ш., а 40 % – за Полярным кругом. Горы и плоскогорья занимают 2/3 поверхности региона. Равнины и низменности в общей сложности составляют только 1/3 территории. За исключением небольших участков на юго-западе, почти вся Якутия находится в зоне вечной мерз-

[1]Винокурова Л.И. URL: eLIBRARY.RU - Винокурова Лилия Иннокентьевна - Список публикаций (дата посещения: 11.04.2023); Санникова Я.М. URL: eLIBRARY.RU - Санникова Яна Михайловна - Список публикаций (дата посещения: 11.04.2023); Филиппова В.В. URL: eLIBRARY.RU - Филиппова Виктория Викторовна - Список публикаций (дата посещения: 11.04.2023)

лоты. Более 70 % территории покрыто тайгой, остальное – лесотундра, тундра, арктическая пустыня. Площадь заселенных и освоенных земель незначительна. Редкая заселенность территории способствует сохранению относительно нетронутой природы, которая пока еще остается важным ресурсом для экономического и культурного развития республики. В XX столетии именно наличие уникальных природных ресурсов, особенно промышленного сырья, обусловило зарождение добывающей промышленности как основного направления развития производительных сил и преобразования экономико-географического положения Якутской республики. На наш взгляд, именно сочетание природно-климатических условий и специфики экономического освоения края сформировало особую аграрную систему в регионе, служившую этносохраняющей нишей для коренного населения.

Сельское население и система его расселения. Система расселения в сельской местности определялась расположением сенокосных угодий и источников питьевой воды. Хозяйства якутских скотоводов обычно находились вблизи закрепленных за ними земельных наделов (на аласах, по берегам рек и речек). Крестьяне-земледельцы образовывали поселки в 5, 10 и даже 30 дворов. На Севере расстояние между поселениями измерялось не десятками, а сотнями километров. Оленеводы, охотники и рыбаки вели кочевой образ жизни, перемещаясь с одного угодья на другое. Один-два раза в год они наведывались в редкие населенные пункты [Аргунов, 1988]. Специфика сельского расселения на основе сельскохозяйственной 1917 года и Всесоюзной 1926 года переписей показывает особенности дисперсного проживания коренного населения, в тот период преимущественно сельского. В 1917 г. на примере трех южных округов картина выглядела следующим образом: в 17 улусах и 47 кочевых родах (не все население кочевых родов было включено в перепись) 224962 человека сельского населения проживали 53340 хозяйствами в 2085 местностях (урочищах, селениях, станциях) 284 наслегов по 1055 родам и 24 сельских обществ и одного ведомства. Это понимание дисперсной особенности расселения сельского населения на всей территории Якутии в 7 выделенных округах лучше видно на данных 1926 г.: в 28 улусах, 28 сельских обществах, 10 самостоятельных наслегах, 9 отдельных русских селениях, 4 алданских районах, 2 волостях, 1 селе, 2 зимних кочевьях проживали 272971 человек сельского населения в 67119 домохозяйствах по 11743 местностям (из них в 4963 местностях проживали менее десяти человек в каждом) по 446 сельским наслежным советам (наслегам) (подсчитано по Соколову и представлено по итогам переписи 1926 г.) [Всесоюзная перепись...].

Затем в течение XX века система расселения сельского населения трансформировалась вследствие проводившейся социально-экономической политики: коллективизация положила начало поселкованию, и хотя к 1941 г. только 1/9 часть населения жила в селах, в послевоенное и последующее время второй половины столетия окончательно сформировались сельские населенные пункты в наслегах районов, организованных на основе улусов и обществ в 1930-е гг. Концентрация сельского населения в центральных усадьбах колхозов, позже совхозов и их отделений внесла изменения в систему расселения. Несмотря на трансформации советского периода, выраженные в основном в закрытии некоторых населенных пунктов, практически каждое село сохраняло так или иначе исконные корни наслежного проживания сельского населения. К началу 1960-х гг. процесс образования поселков в основном был завершен. К этому времени сложились три типа сельскохозяйственных поселений: колхозные центры, бригадные поселки и прифермерные поселения. В связи с укрупнением колхозов и последующим преобразованием их в совхозы в 60-е гг. XX в. в республике началась реконструкция совхозных поселков, которая имела плановый централизованный характер. К концу 1970-х гг. 80,4 % сельского населения Якутии проживали в поселках при центральных усадьбах и отделениях совхозов. В сущности, современные сельские поселения соответствуют той схеме расселения. В скотоводстве и табунном коневодстве работники ферм, сенокосных бригад выезжали в летние месяцы на пастбища и угодья, расположенные в отдалении от населенных пунктов, тем самым повторяя исконно сложившиеся полуоседлые маршруты летовки при еще дисперсном аласном расселении. Оленеводы же практически продолжали вести кочевой образ

жизни, организуя маршруты колхозных и совхозных стад, исходя из требований перехода на оседлый образ жизни. По сути, данный процесс объективно так и не был грамотно завершен ни как политика государства, ни как предлагаемый для коренных народов новый образ жизни. Постсоветский период внес свои коррективы в дальнейшее развитие данного явления. Несмотря на весь катастрофический системный кризис, который отразился на сельском населении и тружениках аграрного сектора в полной мере, для коренного населения республики начало экономических трансформаций было вплетено в процессы возрождения традиционного землепользования саха и общинно-родового землевладения коренных малочисленных народов Севера – эвенков, эвенов, чукчей, юкагиров, долган. В Республике Саха (Якутия) основное направление аграрной реформы на разгосударствление и интенсивное создание крестьянских хозяйств в качестве главных хозяйствующих субъектов России получило искреннюю поддержку части сельских тружеников как идея возвращения к земле и частному крестьянскому и родовому общинному труду в традиционном хозяйстве. Такое отношение было характерно не для всех российских регионов [История Якутии, 2021: 501].

Как результат советской политики перевода населения на оседлый образ жизни и укрупнения хозяйств на сегодня в Якутии насчитывается 13 городов и 582 сельских населенных пункта. Кроме этого, низкая плотность и неравномерное расселение сельского населения зависят от вида занятия, связанного с природно-климатическими условиями. В Якутии распространение имеют зональные и высотно-поясные ландшафты. Для традиционных форм хозяйствования характерно зональное природопользование, зональное распределение имеют оленеводство, скотоводство и коневодство, охота же является повсеместной.

Размещение промышленных поселений в основном развивается за пределами освоенных в прошлом сельскохозяйственных районов. Однако суждение, что до недавнего времени в земельном отношении горная промышленность не претендовала на высокопродуктивные сенокосы, пастбища и пахотные земли, отходит в прошлое.

На территории Якутии природно-климатические условия ограничивают развитие сельского хозяйства, особенно земледелия. Для свиноводства и птицеводства, являющихся выгодными, в суровых условиях требуется вложение больших средств в строительство капитальных отапливаемых помещений, что удорожает их продукцию, сводя на нет практически всю выгоду. Соответственно в условиях Якутии наиболее выгодными являются именно отрасли традиционной хозяйственной деятельности.

Особенности жизнедеятельности хозяйств на основе их традиционных занятий. Оставляя изменение положения хозяйств на протяжении всего периода изучения для отдельного представления, обратим внимание на традиционные хозяйственные занятия, сформировавшие первоначально специфичную систему расселения. Хозяйства Центральной Якутии к началу XX века, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., основывались преимущественно на развитии скотоводства и коневодства, а также на земледелии. По данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., в северных округах в этот период ведущим было традиционно оленеводство. Нужно также иметь в виду, что охотничий и рыболовный промыслы были неотъемлемой частью комплексного по своей сути практически любого хозяйства Якутии, а на севере края промыслы были самостоятельными направлениями в хозяйственной жизни коренного населения. Животноводство давало 62,4 % общей валовой продукции сельского хозяйства края, земледелие – 13,2 %, охота и рыболовство – соответственно 16,4 и 8,0 %. К 1917 г. в трех южных округах Якутии – Якутском, Вилюйском, Олекминском – насчитывалось 53340 хозяйств (51900 наличных). По трем округам совсем без скота было 3,9 % (2088) всех хозяйств, без рабочего скота – 23,8% (12714), без коров – 5,4 % (2899). Всего поголовье домашних животных составляло в трех округах 614190 голов. В структуре поголовья лошади составляли 20,6 % (126586 голов), крупный рогатый скот – 78,0 % (479366 голов), олени – 1,1 % (6845 голов), свиньи – 0,2 % (1060 голов), овцы – 0,05 % (333 головы) [Соколов, 1925].

В приполярных округах перепись была проведена только в 1926–1927 гг., и учет поголовья показал особенности в традиционном хозяйстве

Севера Якутии. Сразу отметим, что количество хозяйств и населения по результатам Приполярной переписи отличается от данных Всесоюзной переписи 1926 г., видимо, здесь речь идет о наличных хозяйствах и населении. В трех северных округах – Булунском, Верхоянском, Колымском – было насчитано 5651 хозяйство, 198173 головы оленей в стадах, 9705 взрослых собак, 11441 голова маточного крупного рогатого скота, 3170 голов рабочих лошадей [Похозяйственная перепись...]. В трех северных округах специально охотничьим промыслом занимались 4847 (85,8 %) хозяйств, рыболовным – 4342 (76,9 %).

Вследствие политики массовой коллективизации сельского хозяйства за 1930-е гг. было организовано 1160 колхозов, объединивших 96,6 % всех хозяйств. На их долю приходилось 99,9 % посевных площадей. С 1928 по 1940 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 555193 до 314441 голов (на 43,4 %), поголовье лошадей увеличилось с 179259 до 193743 голов (на 7,5 %). Основную роль в материальном положении сельского населения играло наличие скота в хозяйстве. Если на 1 января 1940 г. бескотные хозяйства составляли 4,6 % от общего числа, то на 1 января 1943 г. их было уже 45,2 %, бескоровные хозяйства – 10,6 % в 1940 г. и 51,2 % в 1943 г. Уничтожение подсобного хозяйства как единоличников, так и колхозников стало результатом выполнения завышенных планов госпоставок прежде всего за счет личного скота. По данным официальной статистики, за 1940–1945 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 314,4 тыс. до 304,5 тыс. голов (на 3,1 %), лошадей – с 193,7 тыс. до 132,3 тыс. голов (на 31,7 %), поголовье оленей увеличилось с 201,5 тыс. до 256,3 тыс. голов (на 21,4 %). В послевоенное время преобразование колхозов в совхозы, начавшееся в конце 1950-х годов, завершилось полным огосударствлением аграрного сектора экономики республики в 1970-е годы. В совхозный период главной отраслью сельского хозяйства республики оставалось животноводство, наряду с ним развивались свиноводство и птицеводство. За совхозами были закреплены мясомолочное и молочное направления, которые сочетались либо с овощеводством, либо картофелеводством, либо с клеточным звероводством или пушным промыслом на севере. С 1945 по 1990 гг. количество поголовья крупного рогатого скота увеличилось с 304,5 тыс. до 409,2 тыс. голов (на 25,6 %), поголовье лошадей – с 132,3 тыс. до 199,5 тыс. (на 33,7 %), оленей с 256,3 тыс. до 361,6 тыс. голов (на 29,1 %) [Статистический ежегодник...].

В первый постсоветский период произошло самое катастрофическое снижение количества поголовья: с 1990 г. по 2000 г. крупного рогатого скота – с 409,2 тыс. до 289,7 тыс. голов (на 29,2 %), лошадей – с 199,5 тыс. до 129,5 тыс. голов (на 35,1 %), оленей – с 361,6 тыс. до 156,2 тыс. голов (на 56,8 %). В первые 15 лет XXI в. количество поголовья крупного рогатого скота уменьшилось с 289,7 тыс. до 187,2 тыс. голов (на 35,4 %), поголовье лошадей увеличилось с 129,5 тыс. до 176,6 тыс. голов (на 26,8 %). Поголовье оленей изменилось с 156,2 тыс. до 156,0 тыс. голов, при этом некоторое увеличение поголовья оленей до 200,3 тыс. голов (на 22,0 %) в 2010 г. сменилось спадом (на 22,1%) [Там же].

На 1 июля 2016 г. в скотоводстве поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий составляло 244568 голов: в сельскохозяйственных организациях – 43932 головы, в крестьянских хозяйствах и ИП в сельском хозяйстве – 66214, в личных хозяйствах населения – 134267. Поголовье лошадей в табунном коневодстве республики составляло 242645 голов: в сельхозорганизациях – 63092, в крестьянских хозяйствах – 49811, в личных хозяйствах – 86395. Поголовье оленей в домашнем оленеводстве составляло 172773 головы: в сельхозорганизациях – 162258, в крестьянских хозяйствах – 500, в личных хозяйствах населения – 10015.

По добыче в охотничьем и рыболовном промыслах мы пока не приводим обобщенных данных, источники по их структурированию требуют тщательной дальнейшей работы в силу непростой задачи их выявления за весь период изучения.

Человек и труд в повседневной хозяйственной деятельности. Данный условный показатель может быть раскрыт в количественных и качественных параметрах, связанных с анализом динамики активности трудоспособного населения, непосредственно принимающего участие в аграрном и промысловом труде. В комплексном хозяйстве региона на протяжении

всего изучаемого периода исторически сложились этнокультурные приоритеты традиционных занятий, прошедшие испытание адаптацией к меняющимся реалиям государственной аграрной политики. На наш взгляд, именно на уровне повседневности есть возможность проследить и проанализировать, как менялась культура труда у представителей коренных народов на разных этапах рассматриваемого периода. Из целого комплекса характеристик данного показателя особый интерес представляют степень сохранности среды традиционного хозяйственного мира и оценка самими тружениками собственного образа жизни. Исследования сложного, многослойного взаимодействия людей с природой и друг с другом в ходе хозяйственной деятельности, пронизанного принадлежностью к этническим культурам коренных народов, видится важной составляющей освещения ТОЖ в Якутии.

IV. Заключение. Таким образом, авторы предлагают структурировать исследования традиционного образа жизни коренного сельского населения определенного региона страны / мира в ракурсах исторической и экономической антропологии. На материалах Якутии как региона проводимых исследований предпринимается попытка обозначить антропологию традиционного образа жизни на примере его основы – традиционных хозяйственных занятий коренных народов на протяжении последних почти ста лет. В связи с этим предложена группа первичных показателей, охватывающих именно те характеристики, которые являются базовыми для традиционного хозяйства коренного населения.

В целом природные условия и земельные ресурсы с присущими региону особенностями климата и ландшафта являются естественной средой зарождения и развития хозяйственного уклада коренного населения. В этих условиях исторически сложившаяся система расселения сельского населения определяла особенности жизнедеятельности, основанной на традиционных занятиях. Самоценность традиционного хозяйства поддерживается отношением представителей коренных народов к своему труду как к повседневной культурной практике, сохраняющей этнический мир каждого из них. Наряду с пониманием важности этих показателей, мы осознаем неизбежность дополнений или их корректировки в ходе дальнейшей работы. В частности, необходимо расширение направления антропологии традиционного образа жизни с точки зрения его культурных компонентов / составляющих, что потребует широкого сотрудничества специалистов.

Несомненно, в территориальных рамках Якутии как региона наших научных поисков прошедшие сто лет были отмечены несколькими волнами радикального вторжения государства в относительно естественный ход развития традиционного хозяйства коренных народов и их образа жизни. Удивительно то, что, несмотря на все трансформации XX – начала XXI вв., до сих пор коренные этносы Якутии сохраняют зримые контуры традиционного образа жизни в первую очередь благодаря традиционному хозяйствованию. Люди сберегают хозяйственные занятия предков, а они, в свою очередь, хранят их в качестве представителей самодостаточной в своей жизнестойкости человеческой культуры. В этом свете по антропологии ТОЖ могут быть исследованы различные хронологические периоды, отдельные этнические группы, локальные или общие явления в представленной сфере жизнедеятельности.

Антропология традиционного образа жизни включает то многообразие материальных и духовных явлений, которые как на глобальном, так и на локальном уровнях могут быть исследованы специалистами с совершенно разных сторон. Здесь возможны новые аспекты или актуализация вопросов, которые ранее уже разрабатывались, именно с точки зрения историко- и экономико-антропологических подходов; плодотворной станет интерпретация ТОЖ как в контексте аграрной истории, так и в целом экономической, социальной истории и других научных направлений.

Предлагаемый путь видится масштабным и длительным, но он оправдан необходимостью объединения усилий специалистов гуманитарных наук по обогащению антропологическими подходами поля исторических изысканий. Апробация методов и подходов, результаты комплексного междисциплинарного изучения станут новым опытом освещения ТОЖ коренных народов Якутии и могут быть спроецированы на другие этнокультурные области страны или мира.

Дополнительные источники и принятые сокращения:

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том 7: Дальне-Восточный край. Якутская АССР. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 167–168.

Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926–1927 гг. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929.

Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. Выпуски I и II с картой. Иркутск, 1925. Выпуск 2. 99 с.

Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2021. 561 с.

АТОЖ – антропология традиционного образа жизни

ТОЖ – традиционный образ жизни

Список литературы:

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. Якутск: Кн. изд-во, 1988. 232 с.

Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / И.С. Грамберг, Д.А. Додин, Н.П. Лаверов и др. СПб.: Наука, 2000. 247 с.

Арктика. Интересы России и международные условия их реализации [Авт. кол.: Ю.Г. Барсегов, В.А. Корзун, И.М. Могилевкин (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 2002. 356 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х гг. М.: Ленанд, 2019. 608 с.

Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, исторические тенденции, современные представления. М.: Academia, 2005. 343 с.

Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2011. 268 с.

Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 408 с.

Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах [Сост. Е.М. Ковалев]. М.: Аспект-Пресс, 1996. 411 с.

Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: Изд. центр ИРИ, 1996. 216 с.

Додин Д.Д. Устойчивое развитие Арктики. Проблемы и перспективы. СПб: Наука, 2005. 383 с.

Ильиных В.А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 42–48.

История Якутии: в 3 т. Т. III [Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. С.И. Боякова]. Новосибирск: Наука, 2021. 592 с.

Клоков К.Б., Шустров Д.Н. Традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство Таймыра. М., 1999. 124 с.

Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Ч. 1. Республика Саха (Якутия). СПб., 2001. 87 с.; Ч. 11. Север Средней Сибири. СПб., 2001. 140 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 200 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. 120 с.

Ковлеков С.И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991–1995 гг. // Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991–1996 гг.): проблемы коренных преобразований. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1999. С. 76–110.

Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. Сборник Шестой. География хозяйства СССР (1917–1947). М.: Географгиз, 1947. С. 133–168.

Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.: кол. моногр. [Отв. ред. Н.Я. Гущин]. Новосибирск: Наука, 1991. 489 с.

Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; М.: Квадрига, 2010. 214 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 270 с.

Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012. 132 с.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев. Манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Новосибирск: Наука, 1993. 205 с.

Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.): кол. моногр. [Отв. ред. А.И. Тимошенко]. Новосибирск: Параллель, 2013. 381 с.

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 10-23

Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. 2011. № 3. С. 90–105.

Никольский С.А. Аграрный курс России: мировоззрение реформаторов и практика аграрной реформы в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М.: КолосС, 2003. 375 с.

Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы [Т.М. Бадалян, В.А. Ильиных (отв. ред.), И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева]. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. 186 с.

Панков С.В. Сельские поселения: теория и практика регионального исследования. Тамбов: Издательский дом ТГУ им Г.Р. Державина, 2011. 406 с.

Пилясов А.Н. Как использовать идеи Н.Н. Колосовского для нового экономического районирования постиндустриальной России // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2010. С. 67–72.

Покровский Н.Е. Сельские регионы российского Севера: что в будущем? // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 58–68.

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации: кол. моногр. [Отв. ред. А.А. Николаев]. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 295 с.

Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др. [Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова]. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. 588 с.

Сирина А.А. Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? М.: ИЭА РАН, 1999. № 126. 21 с. (Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии)

Современные проблемы традиционного природопользования народов Севера. Материалы Международной конференции (Москва, 19–21 мая 1999 г.). М., 2000. 178 с.

Соколова З.П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов. М: ИЭА РАН, 1990. 19 с.

Тихонов Н.Н. Северное село. Новосибирск: Наука, 1996. 384 с.

Шанин Т. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. М.: Прогресс-Академия, 1992. 430 с.

Шредер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 192 с.

Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Издательский дом «Стратегия», 2000. С. 172–185.

Jernsletten J-L.L., Klokov K. Sustainable Reindeer Husbandry. Tromso, 2002. 157 p.

Scott L.C. Agrarian Reform in Russia: The Road from Serfdom. In: Cambridge Univer sity Press, 2011. 402 p.

References:

Argunov I.A. *Social'naya sfera obraza zhizni v Yakutskoj ASSR* [The social sphere of lifestyle in the Yakut ASSR]. Yakutsk: Book of publ., 1988. 232 p. (In Russian)

Argunov I.A. *Social'noe razvitie yakutskogo naroda (istoriko-sociologicheskoe issledovanie obraza zhizni)* [Social development of the Yakut people (historical and sociological study of lifestyle)]. Novosibirsk: Science Publ., 1985. 319 p. (In Russian)

Arktika na poroge tret'ego tysyacheletiya (resursnyj potencial i problemy ekologii) [The Arctic on the threshold of the third millennium (resource potential and environmental problems)]. I.S. Gramberg, D.A. Dodin, N.P. Laverov, etc. St Petersburg: Science Publ., 2000. 247 p. (In Russian)

Arktika. Interesy Rossii i mezhdunarodnye usloviya ih realizacii [The Arctic. Interests of Russia and international conditions for their implementation]. Author's Col.: Yu.G. Barsegov, V.A. Korzun, I.M. Mogilevkin (ed.), etc. Moscow: Science Publ., 2002. 356 p. (In Russian)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyj stroj Rossii v 1930-1980-h gg.* [The agrarian system of Russia in the 1930s – 1980s.]. Moscow: Lenand Publ., 2019. 608 p. (In Russian)

Buzdalov I.N. *Agrarnaya teoriya: konceptual'nye osnovy, istoricheskie tendencii, sovremennye predstavleniya* [Agrarian theory: conceptual foundations, historical trends, modern ideas]. Moscow: Academia Publ., 2005. 343 p. (In Russian)

Denisova L.N. *Ischezayushchaya derevnya Rossii: Nechernozem'e v 1960-1980-e gody* [The disappearing village of Russia: Non-Chernozemye in the 1960s-1980s]. Moscow: Publ. of the Center of IRI. 1996. 216 p. (In Russian)

Dodin D.D. *Ustojchivoe razvitie Arktiki. Problemy i perspektivy* [Established breeding of the Arctic. Problems and prospects]. St. Petersburg: Science Publ., 2005. 383 p. (In Russian)

Golosa krest'yan: Sel'skaya Rossiya XX veka v krest'yanskih memuarah [Peasant Voices: Rural Russia of the XXth Century in Peasant Memoirs]. [Comp. E.M. Kovalev]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 1996. 411 p. (In Russian)

Ilyinykh V.A. *Tendencii i etapy processa raskrest'yanivaniya v Sibiri v sovetskij period (k postanovke problemy)* [Trends and stages of the

process of depeasantization in Siberia in the Soviet period (to the formulation of the problem)]. In: Humanities in Siberia. 1998. № 2. Pp. 42-48. (In Russian)

Istoriya Yakutii [History of Yakutia] Vol. 3. Edit. S. Boyakova. Novosibirsk: Science Publ., 2021. 592 p. (In Russian)

Jernsletten J-L.L., Klokov K. Sustainable Reindeer Husbandry. Tromso, 2002. 157 p.

Klokov K.B. *Olenevodstvo i olenevodcheskie narody Severa Rossii. CH. 1. Respublika Saha (Yakutiya); CH.11. Sever Srednej Sibiri* [Reindeer husbandry and reindeer herding peoples of the North of Russia. Part 1. The Republic of Sakha (Yakutia). S-Pb., 2001. 87 p.; Part 11. North of Central Siberia]. St. Petersburg, 2001. 140 p. (In Russian)

Klokov K.B., Shustrov D.N. *Tradicionnoe olenevodchesko-promyslovoe hozyajstvo Tajmyra* [Traditional reindeer-breeding and commercial economy of Taimyr]. Moscow, 1999. 122 p. (In Russian)

Kolosovsky N.N. Proizvodstvenno-territorial'noe sochetanie (kompleks) v sovetskoj ekonomicheskoj geografii [Industrial-territorial combination (complex) in Soviet economic geography]. In: *Voprosy geografii. Sbornik Shestoj. Geografiya hozyajstva SSSR (1917-1947)* [Questions of Geography. The 6th Collection. Geography of the economy of the USSR (1917-1947)]. Moscow: Geografgiz Publ., 1947. Pp. 133-168. (In Russian)

Kovlekov S.I. Agrarnaya reforma v Respublike Saha (Yakutiya) v 1991-1995gg. [Agrarian reform in the Republic of Sakha (Yakutia) in 1991-1995]. In: *Suverennaya Respublika Saha (Yakutiya) (1991-1996 gg.): problemy korennyh preobrazovanij* [Sovereign Republic of Sakha (Yakutia) (1991-1996): problems of radical transformations]. Yakutsk: IGI AN RS (Ya) Publ., 1999. Pp.76 –110. (In Russian)

Kovlekov S.I. *Sel'skoe hozyajstvo Yakutii (1946–1970gg.)* [Agriculture of Yakutia (1946 – 1970)]. Yakutsk: YANC SB RAS Publ., 1992. 200 p. (In Russian)

Kovlekov S.I. *Sel'skoe hozyajstvo Yakutii (1971-1985gg.)* [Agriculture of Yakutia (1971-1985)]. Yakutsk: YANC SB RAS Publ., 1993. 120 p. (In Russian)

Krest'yanstvo i sel'skoe hozyajstvo Sibiri. 1960–1980-e gg. [The peasantry and agriculture of Siberia. 1960-1980s]: Col. monogr. Edit. N.Ya. Gushchin. Novosibirsk: Science Publ., 1991. 489 p. (In Russian)

Krom M.M. *Istoricheskaya antropologiya* [Historical anthropology]. S-Pb.: Publishing House of the European University in St. Petersburg; Moscow: Quadriga, 2010. 214 p. (In Russian)

Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethnoecology]. Moscow: Science Publ., 1989. 270 p. (In Russian)

Markhinin V.V., Udalova I.V. *Etnos v situacii vybora budushchego. Po materialam sociologicheskogo issledovaniya obraza zhizni hantov, nencev. Mansi Nizhnevartovskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga* [Ethnos in the situation of choosing the future. Based on the materials of a sociological study of the lifestyle of the Khanty, Nenets. Mansi of Nizhnevartovsk district of Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Novosibirsk: Science Publ., 1993. 205 p. (In Russian)

Martynova E.P., Novikova N.I. *Tazovskie nency v usloviyah neftegazovogo osvoeniya* [Tazovsky Nenets in the conditions of oil and gas development]. Moscow: Publ. of IP A.G. Yakovlev, 2012. 132 p. (In Russian)

Mobilizacionnaya strategiya hozyajstvennogo osvoeniya Sibiri: programmy i praktiki sovetskogo perioda (1920–1980-e gg.) [Mobilization strategy of economic development of Siberia: programs and practices of the Soviet period (1920-1980-ies)]: Col. Monograph. Edit. A.I. Timoshenko. Novosibirsk: Parallel Publ., 2013. 381 p. (In Russian)

Murashko O.A. Korennye narody Arktiki i "narody Severa": istoriya, tradicii, sovremennye problemy [Indigenous peoples of the Arctic and the "peoples of the North": history, traditions, modern problems]. In: *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economics]. 2011. № 3. Pp. 90-105. (In Russian)

Nikolsky S.A. *Agrarnyj kurs Rossii: mirovozzrenie reformatorov i praktika agrarnoj reformy v social'no-istoricheskom, ekonomicheskom i filosofskom kontekstah* [Agrarian course of Russia: the worldview of reformers and the practice of agrarian reform in socio-historical, economic and philosophical contexts]. Moscow: KolosS Publ., 2003. 375 p. (In Russian)

Ocherki istorii krest'yanskogo dvora i sem'i v Zapadnoj Sibiri. Konec 1920-h – 1980-e gody [Essays on the history of the peasant household and family in Western Siberia. The end of the 1920s – 1980s.]. Edit. T.M. Badalyan, V.A. Ilyinykh, I.B. Karpunina, A.P. Melentyeva. Novosibirsk: IDMI Publ., 2001. 186 p. (In Russian)

Pankov S.V. *Sel'skie poseleniya: teoriya i praktika regional'nogo issledovaniya* [Rural settlements: theory and practice of regional research]. Tambov: Publ. of TSU named after G.R. Derzhavin, 2011. 406 p. (In Russian)

Pilyasov A.N. *Kak ispol'zovat' idei N.N. Kolosovskogo dlya novogo ekonomicheskogo rajonirovaniya postindustrial'noj Rossii* [How to use the ideas of N.N. Kolosovsky for the new economic zoning of post-industrial Russia]. In: Theory of socio-economic geography: current state and prospects of development: materials of the International Scientific Conference. Rostov on Don, 2010. Pp. 67-72. (In Russian)

Pokrovsky N.E. *Sel'skie regiony rossijskogo Severa: chto v budushchem?* [Rural regions of the Russian North: what's in the future?]. In: Social Sciences and modernity. 2009. № 1. Pp. 58-68. (In Russian)

Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya Sibiri v XX v.: vybor putej i metodov modernizacii [Projects of

transformation of the agrarian system of Siberia in the XX century: the choice of ways and methods of modernization]. Edit. A.A. Nikolaev. Novosibirsk: Sibprint Publ., 2015. 295 p. (In Russian)

Refleksivnoe krest'yanovedenie. Desyatiletie issledovanij sel'skoj Rossii [Reflexive peasant studies. A Decade of Research in Rural Russia]. Edit. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov. Moscow: MVSHSEN, ROSSPEN Publ., 2002. 588 p. (In Russian)

Schroeder H. *Ekonomicheskaya antropologiya* [Economic Anthropology]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1999. 192 p. (In Russian)

Scott L.C. *Agrarian Reform in Russia: The Road from Serfdom.* Cambridge Univer sity Press, 2011.402 p.

Shanin T. *Velikij neznakomec. Krest'yane i fermery v sovremennom mire: Hrestomatiya* [The Great Stranger. Peasants and farmers in the modern world: A Textbook]. Moscow: Progress-Academy Publ., 1992. 430 p. (In Russian)

Sirina A.A. *Rodovye obshchiny malochislennyh narodov Severa v Respublike Saha (YAkutiya): shag k samoopredeleniyu?* [Tribal communities of indigenous people of the North in the Republic of Sakha (Yakutia): a step towards self-determination?]. Moscow: IEA RAS Publ., 1999. 21 p. (In Russian)

Sokolova Z.P. *Aktual'nye voprosy sovremennogo razvitiya ekonomiki i kul'tury hantov* [Actual issues of modern development of economy and culture of Khanty]. Moscow: IEA RAS Publ., 1990. 19 p. (In Russian)

Sovremennye problemy tradicionnogo prirodopol' zovaniya narodov Severa [Modern problems of traditional nature management of the peoples of the North]. Materials of the International Conference (Moscow, May 19-21, 1999). Moscow, 2000. 178 p. (In Russian)

Tikhonov N.N. *Severnoe selo* [Northern village]. Novosibirsk: Science Publ., 1996. 384 p. (In Russian)

Vasil'kova T.N., Evaj A.V., Martynova E.P., Novikova N.I. *Korennye malochislennye narody i promyshlennoe osvoenie Arktiki (Etnologicheskij monitoring v Yamalo-Neneckom avtonomnom okruge)* [Indigenous people and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. M.; SHadrinsk, 2011. Moscow-Shadrinsk: Shadrinsky House of Print., 2011. 268 p. (In Russian)

Verbickaya O.M. *Sel'skaya sem'ya na etape social'no-ekonomicheskih transformacij 1985-2002 gg.* [Rural family at the stage of socio-economic transformations 1985-2002]. Moscow: IRI RAS; Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 408 p. (In Russian)

Yamskov A.N. *Tradicionnoe prirodopol'zovanie: problemy opredeleniya i pravovogo regulirovaniya* [Traditional nature management: problems of definition and legal regulation]. In: Legal anthropology. Law and Life. Moscow: Publ. "Strategy", 2000. Pp. 172-185. (In Russian)

Сведения об авторах:

Винокурова Лилия Иннокентьевна – к.и.н., в.н.с. Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; г. Якутск, Российская Федерация;
https://orcid.org/0000-0002-5779-6893;
lilivin@mail.ru

Санникова Яна Михайловна – к.и.н., с.н.с. Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; г. Якутск, Российская Федерация;
http://orcid.org/0000-0002-7430-8783;
sannikowa@mail.ru;

Филиппова Виктория Викторовна – к.и.н., с.н.с. Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; г. Якутск, Российская Федерация;
http://orcid.org/0000-0002-3900-918X;
Filippovav@mail.ru

Information about the author:

Vinokurova Liliya Innokentievna – Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Center for Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Yakutsk, Russian Federation;
https://orcid.org/0000-0002-5779-6893;
lilivin@mail.ru

Sannikova Yana Mikhailovna – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Center for Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Yakutsk, Russian Federation;
http://orcid.org/0000-0002-7430-8783;
sannikowa@mail.ru

Filippova Victoria Viktorovna – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Center for Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Yakutsk, Russian Federation;
http://orcid.org/0000-0002-3900-918X;
Filippovav@mail.ru

2023; 2(43): 24-42 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.002
УДК: 316.334.55(571.56)

Ресурсы этничности в локальных стратегиях освоения пространства северной Якутии*

Н.С. Гончаров

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Nikola.gon4arov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности использования ресурсов этничности коренными сообществами северной Якутии. Исследование основано преимущественно на данных, собранных автором в ходе полевой работы на территории Аллаиховского и Нижнеколымского районов Республики Саха (Якутия) среди эвенов, юкагиров, чукчей, русских старожилов. Целью работы является исследование значения этничности на территории северной Якутии в качестве адаптивного механизма местного населения, позволяющего получать дополнительные материальные и символические ресурсы, отстаивать локальные интересы и реализовывать программы развития региона. Исходя из поставленной цели, определены следующие задачи: 1) исследовать региональный опыт реализации проектов, апеллирующих к этничности, на примере указанных улусов; 2) отразить связь ресурсов этничности с повседневностью местных жителей в условиях экономической и природной нестабильности; 3) соотнести рассмотренные примеры с выбранным концептуальным подходом. Статья базируется на методах полевого этнографического исследования (наблюдение, интервью), насыщенном описании, структурно-типологическом методе. Концептуальным инструментом выступает понятие этнического социального капитала, под которым понимается набор материальных и символических ресурсов, воспринимаемых группой людей как этнические и таким образом позиционируемых для достижения целей отдельных лиц и социальных групп. По П. Бурдье, смысл производства связей в рамках социального капитала заключается не в трансформации социального статуса, как предполагают обряды перехода, но в увеличении связей и присоединении дополнительных ресурсов. В таком случае локальные проекты развития, основанные на использовании этничности, могут рассматриваться как стратегии приумножения социального капитала и как механизм его конвертации в материальные и символические блага. Следовательно, использование этничности оказывается важным способом производства, получения и эксплуатации ресурсов на севере Якутии, влияющим на повседневную жизнь местного населения. В статье показано, что этничность направлена не только на пассивную демонстрацию достигнутого статуса, она выступает также важным инструментом действия, нацеленным на преобразование текущего состояния группы.

Ключевые слова: коренные народы, юкагиры, эвены, чукчи, этнический социальный капитал, Якутия, Аллаиховский район, Нижнеколымский район

Для цитирования: Гончаров Н.С. Ресурсы этничности в локальных стратегиях освоения пространства северной Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. №2(43). С. 24–42. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.002.

*Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг., проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (рук. А.В. Головнёв).

© Гончаров Н.С., 2023

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 24-42

Ethnical Resources in Local Strategies Development of Northern Yakutia

N.S. Goncharov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russian Federation, Nikola.gon4arov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the features of the use of ethnicity resources by the indigenous communities of the Northern Yakutia. The study is based on the data collected by the author in the course of fieldwork in the Allaikhovskii and Nizhnekolymskii regions of the Republic of Sakha (Yakutia) among the Evens, Yukaghirs, Chukchis, and Russian old-timers. The aim of the article is to study the importance of ethnicity in the territory of the Northern Yakutia as an adaptive mechanism of the local population, which makes it possible to obtain additional material and symbolic resources, defend local interests and implement programs for the development of the region. Based on the aim, the following tasks are defined: 1) explore the regional experience of implementing projects that appeal to ethnicity; 2) reflect the connection of ethnicity resources with the everyday life of local residents in conditions of economic and natural instability; 3) correlate the considered examples with the chosen conceptual perspective. The article is based on the methods of field ethnographic research (observation, interview), rich description, structural-typological method. The conceptual tool is the concept of ethnic social capital, which is understood as a set of material and symbolic resources perceived by a group of people as ethnic and thus represented. According to Bourdieu, the meaning of the production of connections within the framework of social capital lies not in the transformation of social status, as the rites of passage suggest, but in increasing connections and adding additional resources. In this case, local development projects based on the use of ethnicity can be considered as strategies to increase social capital and as a mechanism for its conversion into material and symbolic benefits. Consequently, the use of ethnicity turns out to be an important way of producing, obtaining and exploiting resources in the north of Yakutia, influencing the daily life of the local population. Ethnicity is aimed not only at a passive demonstration of the achieved status; in addition, it is an important instrument of action aimed at transforming the current state of the group.

Keywords: Indigenous peoples, Yukaghir, Even, Chukchi, ethnic social capital, Republic of Sakha (Yakutia), Allaikhovski district, Nizhnekolymski district

For citation: Goncharov N.S. Ethnical Resources in Local Strategies Development of Northern Yakutia. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 24–42. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.002 (In Russian)

I. Введение. Население северной Якутии для адаптации к современным экономическим, социальным и экологическим реалиям нередко обращается к ресурсам этничности. Полевые материалы показывают, что для представителей коренных малочисленных народов (эвенов, юкагиров, чукчей, а также рассматриваемых в статье наряду с ними русскоустьинцев[1]) 1990-е

[1]К коренным малочисленным народам в рамках статьи отнесены представители народов, входящих в список, утвержденный Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Кроме того, в одном ряду с этими народами в статье рассматриваются русскоустьинцы, поскольку в соответствии с законом Республики Саха (Якутия) от 15 апреля 2004 г. 133-3 № 269-III «О распространении положений Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустьинцев)», русскоустьинцы на республиканском уровне тоже отнесены к КМНС. Однако, как сообщает С.И. Боякова, «лишь через пять лет, исходя из редакции Федерального закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" от 05.04.2009 № 40-ФЗ п. 3 ст. 3, о том, что "положения настоящего Федерального закона могут распространяться на лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов", окончательно был принят Закон РС(Я) о приравнивании русских арктических старожилов к коренным малочисленным народам Севера» [Боякова, 2016: 151-152]. Об этом же пишет С.Е. Никитина [Никитина, 2015: 104)]; см. Закон Республики Саха (Якутия) «О распространении положений ▷

гг. стали периодом активного поиска новых способов этнической саморепрезентации. Это нашло отражение в ряде локальных инициатив по созданию родовых общин, приданию улусам (районам) национального статуса, проведению съездов коренных народов, этнически окрашенных праздников и др. В настоящее время значение ресурсов этничности тоже весьма высоко.

Целью работы является исследование значения этничности на территории северной Якутии в качестве адаптивного механизма местного населения, позволяющего получать дополнительные материальные и символические ресурсы, отстаивать локальные интересы и реализовывать программы развития территории. Исходя из поставленной цели, мы выделяем следующие *задачи*: исследовать региональный опыт реализации проектов, апеллирующих к этничности, на примере указанных улусов; отразить связь ресурсов этничности с повседневностью местных жителей в условиях экономической и природной нестабильности; соотнести рассмотренные примеры с выбранным концептуальным подходом.

Теоретическая значимость статьи определяется использованием концепции социального капитала в контексте изучения вопросов этничности на севере Якутии. Анализ современных стратегий освоения пространства коренными народами через теоретическую рамку социального капитала, разработанную П. Бурдье (2002), позволяет обнаружить актуальное значение этничности в системе жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Якутии. Кроме того, развиваемый в статье подход принимает во внимание нестатичность исследуемых явлений и вносит вклад в развитие языка описания подвижных этнографических категорий, таким образом согласуя их с перманентными изменениями в социальном и экологическом пространстве региона.

Практическая значимость публикации заключается во введении в научный оборот новых материалов, отражающих социальные процессы в российской Арктике. Они могут оказаться актуальными не только для представителей академического сообщества, но и для административных лиц, ответственных за развитие северных труднодоступных районов России, поскольку проливают свет на специфические стратегии освоения данного пространства. Стремительно меняющиеся социально-экономические и экологические условия, в которых живут арктические сообщества, требуют пристального внимания от исследователей в силу скорости происходящих трансформаций и их многогранности [Энергия Арктики и Сибири…, 2020]. Переосмысление роли этничности в этом процессе является актуальной этнографической задачей на текущем этапе, поскольку позволяет сформировать более объемное видение факторов, из которых выстраиваются социальные отношения и практики жизнеобеспечения коренного населения в регионе.

Проблемы этничности фигурируют в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. Ее связь с социальной стратификацией отражена в текстах Н. Глэзера и Д.П. Монихен [Glazer, Moynihan, 1975], Ф. Паркина [Parkin, 1979], С.А. Арутюнова [Арутюнов, 1990], М.В. Саввы [Савва, 1997], Л.М. Дробижевой [Дробижева, 2002] и др. Проблемы политического ресурса этничности проанализированы в работах Дж. Ротшильда [Rothschild, 1981], Д. Горовитца [Horowitz, 1985], Т. Гурра [Gurr, 1993]. В российском контексте этот ракурс получил отражение в трудах М.Н. Губогло [Губогло, 1998], В.А. Тишкова [Тишков, 2003], В.А. Ачкасовой [Ачкасова, 2016], А.Г. Здравомысловой и А.А. Цуциева [Здравосмыслова, Цуциев, 2003], О.Н. Максимовой [Максимова, 2015], М.А. Игошевой [Игошева, 2019] и др.

Особенности юридического статуса коренных народов, а также связанные с ним практические и теоретические проблемы, изучали М.С. Куропятник [Куропятник, 2002], С.Н. Харючи [Харючи, 2004], А.В. Головнёв и Т.С. Киссер [Головнёв, Киссер, 2022], ряд других исследователей. Проблематику ресурсов этничности

▹ Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации "на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустьинцев)"» в ред. Закона РС(Я) от 15.10.2009 743-З № 377-IV).

В статье мы исследуем, каким образом юридически закрепленный статус «коренного народа» влияет на проекты развития территорий, поэтому, например, в приведенный список не включены якуты.

через призму консюмеризма и «сувениризации» культуры рассматривали Е.В. Перевалова, Т.С. Киссер и Ю.С. Конькова [Перевалова и др., 2021]. В поле зрения исследователей в контексте «этнических штудий» попадали: феномен власти [Перевалова, 2019; Перевалова, Киссер, 2021], этноблогинг [Белоруссова, 2018; Головнев, 2021], сакральные ландшафты [Березницкий, 2021], технические инновации [Pelto, 1973; Konstantinov, 2009; Stammler, 2009], этническое предпринимательство [Новикова, 2020]. В фокусе перечисленных исследований оказываются ненцы, ханты, манси, долганы, нанайцы, орочи, удэгейцы и иные народы, относящиеся к коренным малочисленным группам и проживающие на территории России от крайних северо-западных рубежей до Сахалина.

Возросший в последние годы интерес среди российских этнографов к проблематике этничности был концептуализирован А.В. Головнёвым в качестве направления «новая этнография» [Головнёв, 2021: 22]. Классические исследования этничности на территории интересующего нас региона представлены в первую очередь трудами И.С. Гурвича [Гурвич, 1966; Гурвич, 1977], аспекты идентичности русских старожилов региона основательно отражены в монографии Н.Б. Вахтина, Е.В. Головко и П. Швайтцера [Вахтин и др., 2004]. Многосторонним и плодотворным анализом этнических процессов отличаются работы якутских этнографов Л.Н. Жуковой [Жукова, 2009; Жукова, 2012], Е.Н. Романовой [Романова, 2014], В.В. Филипповой [Филиппова, 2007], В.И. Шадрина [Шадрин, 2009], А.А. Сулейманова [Сулейманов, 2017; Сулейманов, 2021] и других ученых.

Следует отметить, что концепция социального капитала П. Бурдье уже использовалась К.С. Григорьевой [Григорьева, 2017] для анализа этничности как социального барьера и ресурса в Краснодарском крае, однако исследовательницу интересовали в первую очередь вопросы влияния этничности на социальные процессы, в то время как мы анализируем ресурсы этничности в качестве инструмента развития пространства труднодоступных районов Крайнего Севера Якутии. Кроме того, отличие предлагаемой работы от материалов К.С. Григорьевой обусловлено разной этнической спецификой изучаемых групп.

В качестве концептуального инструмента мы будем использовать понятие этнического социального капитала. Термин «социальный капитал» получил широкое распространение в социологии и антропологии после выхода в свет трудов П. Бурдье, который определял это понятие как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [Бурдье, 2002: 66]. В предлагаемой работе этническим социальным капиталом является набор материальных и нематериальных ресурсов, которые воспринимаются группой людей как этнические и таким образом репрезентируются, что позволяет данной группе или определенным лицам получать материальные и иные блага.

II. Материалы и методы. Статья основана на материалах, полученных в ходе двух экспедиций: в Аллаиховском районе в августе–сентябре 2019 г. и в Нижнеколымском в марте–апреле 2021 г. Сбор материала в Аллаиховском районе осуществлялся в административном центре – поселке городского типа Чокурдах и в селе Русское Устье. Главной транспортной и хозяйственной артерией района является река Индигирка, на левом берегу которой расположен Чокурдах. Его население составляет 2111 человек [Численность населения Российской Федерации… 2021], всего в районе проживает 2726 человек [Там же]. В Русском Устье числится около 128 жителей [Численность населения Российской Федерации… 2018]. Основные этнические группы составляют представители якутского, русского и эвенского народов, кроме них, в районе проживают юкагиры, эвенки, украинцы, буряты, чукчи и др. [ПМА, 2019]. Русское Устье является местом проживания преимущественно русского населения, возникшим в XVII в. в период продвижения Российского государства на Северо-Восток Азии [Фольклор Русского Устья, 1986].

Чокурдах – относительно молодой населенный пункт, возникший в рамках советского проекта поселкования и перевода на оседлость в 1936 г., куда были переселены представители местных сообществ: оленеводы, рыбаки, охотники. Наряду с этим он активно заселялся приезжими людьми из европейской части СССР и

Сибири. В настоящее время жители Чокурдаха преимущественно заняты не в производственных отраслях, а в таких областях деятельности, как ЖКХ, частная торговля, административная и социальная сферы. На территории поселка находится порядка 15 магазинов, функционируют средняя общеобразовательная школа, интернат, детские сады, аэропорт, дом культуры, библиотека, музей, дизельная электростанция, котельные, районная больница и иные объекты инфраструктуры.

В то же время практически все мужское население (и доля женского) занимается рыболовством и охотой. Как сообщают А.Б. Неустроева и соавторы, в настоящее время большинство традиционных хозяйств народов Севера оформлены в виде некоммерческих организаций: родовых общин и объединений малочисленных народов (ассоциации, союзы) [Неустроева и др., 2020: 221]. В 2019 г. на территории Аллаиховского района действовало пять родовых общин [Количество действующих родовых общин на территории Республики Саха (Якутия)…]. Несмотря на активно протекавшие в XX в. процессы седентаризации и модернизации, «традиционные промыслы» до сих пор остаются неотъемлемыми маркерами данной территории. В Аллаиховском районе, начиная с 1990-х гг., интенсифицировались добыча и сбыт мамонтового бивня.

Второй областью экспедиционной работы был Нижнеколымский район Якутии: сс. Андрюшкино, Колымское и пгт. Черский. Численность населения района – 4214 человек [ПМА, 2021]. Административным центром является поселок городского типа Черский. В 2021 г. по официальным данным в нем проживало около 2514 человек [Численность населения Российской Федерации…, 2021] разной этнической принадлежности. Большую часть составляет русское население, представители коренных народов численно уступают им. Помимо типичного сельского набора занятости, местные жители работают в морском порту Зеленый Мыс, на автопредприятии «Колымтранс», в аэропорту. В Черском расположен известный в районе Арктический колледж народов Севера, где обучают и «традиционным» специальностям (существует направление обучения «оленевод»), связанным с локальными промыслами, и профессиям, предполагающим работу на современном оборудовании; в будущем планируется открыть направление подготовки в сфере IT. Возможность получить профессиональное образование делает поселок привлекательным не только для местных выпускников, но также вызывает интерес у молодых людей из других районов республики. Несмотря на приближенные к городским условия проживания, население активно занимается рыболовством и охотой, собирает грибы и дикоросы, использует промысловые участки в окрестностях, некоторые трудятся в оленеводстве. По данным на 2019 г., в районе функционировало пять родовых общин [Количество действующих родовых общин на территории Республики Саха (Якутия)…]. Их роль в экономических и культурных процессах жителей исследуемых населенных пунктов весьма велика и будет более подробно рассмотрена ниже.

В с. Андрюшкино проживает 740 человек [ПМА, 2021], этническая структура представлена эвенами, якутами, юкагирами, чукчами, ненцами, долганами и некоторыми другими немногочисленными группами. Данное село является одним из двух мест компактного проживания юкагиров в Якутии, а Олеринский наслег, центром которого выступает Андрюшкино, имеет статус национального юкагирского муниципального образования [Филиппова и др., 2020]. Основные сферы занятости местных жителей представлены областью образования, культуры, здравоохранения, администрацией, ЖКХ, дизельной электростанцией; из локально специфического выделяется оленеводство, рыболовство, охота и добыча мамонтового бивня. В селе находится 5 магазинов, пекарня, нерегулярно функционирующая точка Якутоптторга – организации, которая занимается доставкой ключевых пищевых продуктов в отдаленные населенные пункты Якутии по «социальным» ценам.

В Колымском проживает 750 человек, в этническом отношении население представлено чукотской, эвенской, якутской, юкагирской, русской группами и некоторыми другими народами. Село является административным центром Халарчинского чукотского национального наслега и единственным в республике местом компактного проживания чукчей. Помимо оленеводства, охоты и рыболовства, ключевые экономические ниши составляют сферы образования, культуры, здравоохранения, ЖКХ, электро-

энергетики и административной деятельности [ПМА, 2021].

Полевые материалы представлены дневниками и записями интервью с местными жителями, которые проводились в разных условиях: в квартирах, на промысловых участках, в процессе совершения хозяйственных практик, при перемещении на автомобиле, лодке, самолете и т. д. В качестве основных методов исследования применялись наблюдение, интервьюирование (глубинное и полуструктурированное), анкетирование, фиксация материала посредством полевого дневника, фото-, видео- и аудиоустройств, а также проводилась работа с документальными источниками.

III. Результаты и обсуждение. Рост этнического и локального самосознания, обозначившийся в конце XX в. на территории всего Советского Союза, а затем постсоветского пространства, безусловно, нашел яркое выражение в Якутии. Этот процесс привел, в частности, к трансформации названий населенных пунктов, муниципальных образований и районов. Одним из таких примеров выступает возвращение селу Полярное исторического названия Русское Устье, которое было изменено в 1940-х гг. при переносе старого Русского Устья на нынешнее место. Возвращение названия было связано с кипучей деятельностью исследователя, краеведа, партийного работника и уроженца Русского Устья Алексея Гавриловича Чикачева, который провел большую работу по организации масштабного празднования 350-летия села в 1988 г., когда и произошло возвращение исторического названия поселения. Как пишут Н.Б. Вахтин, Е.В. Головко и П. Швайтцер, активность А.Г. Чикачева была направлена на то, «чтобы превратить русскоустьинцев из “не вполне русских” (какими они были в глазах приезжих) в “самых русских” из всех» [Вахтин, Головко, Швайтцер, 2004: 89]. Для достижения этой цели поднимались архивы и соответствующая литература с последующей публикацией популярных и научных трудов, устанавливались памятники первопроходцам, снимались документальные фильмы и пр. [Там же]. На локальном уровне ярким примером важной роли местной идентичности является событие, относящееся к юбилейному для села 1988 году, когда родившуюся в Русском Устье девочку родители назвали Рустиной в честь возвращенного названия населенного пункта.

Юридической победой борцов за русскоустьинскую идентичность и культуру является принятие закона Республики Саха (Якутия) от 15 апреля 2004 г. № 269-III «О распространении положений Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустьинцев)». Впрочем, действие закона вступило в силу лишь пять лет спустя – после выхода редакции Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 05.04.2009 № 40-ФЗ п. 3 ст. 3, в котором сообщалось, что «положения настоящего Федерального закона могут распространяться на лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов», окончательно был принят Закон РС(Я) о приравнивании русских арктических старожилов к коренным малочисленным народам Севера» [Боякова, 2016: 151–152]. Принятие этого закона связано с потенциальным предоставлением местным жителям расширенных прав в области традиционного природопользования. В настоящее время в структуре Ассоциации коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) действует Ассоциация русских старожилов [Ассоциации КМНС РС(Я)], включающая старожильческое население сс. Русское Устье и Походск (Нижнеколымский район). В 2021 г. в Якутске прошел первый съезд Ассоциации русских арктических старожилов «Полярное вече», в рамках которого важным пунктом обсуждения стал вопрос о включении арктических старожилов «в список лиц, относящихся к коренным малочисленным народам РФ» [Русские арктические старожилы…].

Таким образом, ресурсы локальной идентичности жителей Русского Устья выступают в качестве социального капитала, способствующего реализации инициатив в локальном и республиканском масштабе, и, более того, становятся инструментом взаимодействия с федеральным юридическим полем. Узнаваемая региональная специфика села, ставшая своеобразным «брендом», приводит к отделению символических

аспектов от пространственных. Так, фольклорные и культурные коллективы «русскоустьинцев» существуют не только в самом Русском Устье и Чокурдахе, но и в Якутске. В интервью АКМНС РС (Я) от 2018 г. председатель расположенной в Якутске общественной организации «Русскоустьинцы» Т.Н. Шкулева назвала следующие результаты работы организации: «За период своей деятельности наладили культурные связи с Великим Новгородом, т. к. мы являемся потомками выходцев из этого древнего города, сохранили уникальный пласт древней русской культуры в далекой Якутии. Мы пошили национальные костюмы, оказываем помощь в устройстве студентов в общежитие, издали пять книг по культуре и истории русских старожилов. Реализовали четыре проекта по грантам, постоянно участвуем в республиканских мероприятиях и т. д.». Давая ответ на вопрос о том, что еще нужно сделать для продвижения прав русских старожилов, Т.Н. Шкулева ответила: «Нужно добиваться включения русских арктических старожилов в федеральный перечень КМНС...» [Татьяна Шкулева: Сохраним свою идентичность]. Следовательно, выделяются три уровня «русскоустьинскости», распределяющиеся соответственно в с. Русское Устье, пгт. Чокурдах и Якутске, с характерными для них «этнопроектами», причем если для самого Русского Устья характерны более «этнографические» и детальные разработки, направленные на анализ материальной культуры и социальной организации (в том числе на современном этапе, о чем красноречиво говорит доклад жительницы села Полины Ивановны Чикачевой на конференции «Сибирские чтения» в 2022 г. – «Из прошлого в будущее: особенности образа жизни и ценности современных русскоустьинцев» [Международная конференция XII Сибирские чтения…]), то, удаляясь от села, в большей степени наблюдается работа с образами русскоустьинской культуры и русскоустьинцев в формате фольклорных коллективов, институциональных и юридических инициатив[1].

Важным этапом социальной жизни коренных малочисленных народов Якутии в конце XX в. стал новый виток развития инициатив этнического самоуправления. Так, в 1998 г. был принят Закон Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского народа». Суктул представляет собой «муниципальное образование в форме сельского поселения, в пределах которого осуществляется местное самоуправление, в местах компактного проживания юкагиров» [Филиппова и др., 2020: 269–270]. Данный закон определяет экономические, правовые, финансовые аспекты местного самоуправления юкагирского народа в Олёринском и Нелемнском наслегах. Однако первый вариант закона не принес значительных результатов. Он неоднократно редактировался, и, хотя до сих пор не привел к масштабным преобразованиям (согласно исследованию группы ученых в 2013 г., около 75 % респондентов, опрошенных в Андрюшкино и Нелемном, считают, что с получением национального статуса в жизни села ничего не изменилось), все же стал знаковой вехой в социально-политической жизни юкагиров [Там же: 271–272].

Помимо того, что Олеринский наслег обладает статусом юкагирского национального муниципального образования, должность главы наслега тоже имеет юкагирское наименование – *аниджэ* (вождь). На момент полевых исследований в 2021 г. главой наслега была Римма Гавриловна Макарова, которая определяет свою этническую принадлежность как «якутка / саха», однако это не создавало для нее препятствий в том, чтобы параллельно являться аниджэ, то есть «юкагирским вождем». Такая ситуация может показаться парадоксальной для внешнего наблюдателя, но в селе никто не высказывал недоумения и критики по этому поводу. Подобное совмещение разных регистров воспринимается населением нейтрально, оно выступает механизмом наращивания социального капитала, с помощью которого появляется возможность получить дополнительные материальные или символические ресурсы для развития и поддержания села [ПМА, 2021].

Научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН В.И. Шадрин посове-

[1]Речь идет о тех, кто соотносит себя с русскоустьинцами. Именно среди таких групп людей мы выделяем эти три уровня. О социально-культурных процессах у русских старожилов низовьев р. Колымы см. [Антонов, 2014].

товал нам обратить внимание на проблему разрушительных паводков, особенно в селе Аргахтах Среднеколымского района, расположенного по соседству с Нижнеколымским районом. Дело в том, что данная проблема очень болезненна для Андрюшкино, Колымского и Аргахтаха, однако если для первых двух населенных пунктов существует способ привлечения административного и медийного внимания через актуализацию их национального статуса, то Аргахтах является якутским селом (якуты не входят в список КМНС и поэтому не обладают некоторыми преференциями, имеющимися у коренных малочисленных народов), и, соответственно, оно находится в стороне от медиаповестки. Селу не уделяется внимание со стороны СМИ и республиканской администрации в таком объеме, как в ситуации с Андрюшкино и Колымским, у его жителей нет возможности привлечь общественное внимание, используя этнический ресурс подобно соседям. Жителям Андрюшкино, например, данный социальный капитал позволяет отстаивать свои интересы в вопросах переноса села на новое место. После очередного наводнения в 2017 г. встал вопрос о переселении жителей Андрюшкино на территорию, расположенную неподалеку от пгт. Черский, то есть на расстояние более 400 км. Проблема обсуждалась на высоком административном уровне. Жители села были преимущественно против, поскольку вынужденный переезд разрушил бы их тесные связи с малой родиной и землей предков, дестабилизировал и без того хрупкую экономическую систему. В итоге апелляция к селу как месту компактного проживания юкагиров позволила отстоять текущее расположение Андрюшкино, и более столь решительно вопрос о переселении не поднимался.

После распада СССР традиционные сельскохозяйственные отрасли региона оказались в глубоком кризисе. Но тогда же стали возникать новые формы социально-экономической организации коренного населения. С конца 1980-х гг. в Якутии развивается движение по созданию родовых общин коренных народов (а также русских старожилов), которые пришли на смену совхозным отделениям и в рамках которых декларировалось создание новых форм развития и сохранения традиционной культуры местного населения [Винокурова и др., 2019]. В 1990 г. произошло первое собрание юкагиров с. Андрюшкино, на котором было принято решение создать этническое хозяйственное объединение. В результате возникла юкагирская община «Чайла». Ее основной задачей было сохранение традиционных промыслов тундренных юкагиров (охота, рыболовство, оленеводство), а также развитие коневодства, пошива меховой одежды и пр. Со временем возникали и другие общины, происходило их слияние и ликвидация. Планы местных активистов натолкнулись на неблагоприятные экономические реалии. Ликвидация совхоза и советской инфраструктуры, увеличение стоимости ресурсов, снижение общего уровня дисциплины и мотивации работников – все это постепенно приводило к упадку в хозяйственных отраслях. В настоящее время в Андрюшкино действует сельскохозяйственный производственный кооператив «Олеринский». Его основная деятельность – оленеводство – находится в непростом экономическом положении. Даже государственная поддержка помогает только частично, о чем говорит продолжающийся спад численности поголовья [Филиппова и др., 2020: 203], который удалось остановить лишь в последние 2-3 года.

Эвенский лидер из Чокурдаха Иван Степанович Семенов[1] (1945 г.р.) в 1989 г. создал первую, по его словам, общину в Якутии [ПМА, 2019]. В 1989 г. информант собирался выйти со своей оленеводческой бригадой из совхоза и образовать кооператив. Он мотивировал своих товарищей на этот шаг словами о том, что родовые эвенские земли находятся в запустении, поэтому необходимо бросить силы на то, чтобы исправить сложившееся положение. Администрация совхоза предложила инициативным оленеводам остаться внутри совхоза в форме кооператива. Иван Степанович согласился, поскольку понимал, что община к тому моменту не была готова к автономному существованию. Однако спустя год, в 1990 г., они все же покинули совхоз.

Первоначально община переживала экономический рост, заработная оленеводов была больше, чем в совхозе. Через цепочки знакомых в административных кругах осуществлялись

[*]Имя изменено.

поставки техники: из Нижнего Новгорода привозили лодки, моторы и прочие ресурсы. В интервью И.С. Семенов неоднократно подчеркивал заботу со своей стороны об оленеводах, проявлявшуюся в материальном обеспечении общины: он приобрел для нее телевизор, спутниковую тарелку, стремился создать более удобные для жизни и работы условия. Венцом его деятельности стал проект строительства поселка для оленеводов на Индигирке, примерно на 40 км ниже Чокурдаха. Информанту удалось найти финансирование; полученные средства были направлены на поиск пригодного для строительства места, возведение комфортабельного жилья и коммуникаций. Иван Степанович считал необходимым дать почувствовать оленеводам, что выпасать оленей и жить с комфортом – вполне достижимая цель [ПМА, 2019].

В поселке, названном Новый Ойотунг (Ойотунг расположен пятью километрами выше по Индигирке; он был закрыт в 70-е годы прошлого века, а его жителей переселили в образованное тогда же село Оленегорск), было воздвигнуто 10 двухэтажных домов «канадского типа». Несмотря на успешное начало, строительство так и не было завершено, поскольку в силу ряда обстоятельств финансирование проекта прекратилось. Были установлены столбы электропередач, но провода провести не успели, посреди единственной улицы (которая так и не стала полноценной улицей, а представляет собой часть тундры, с двух сторон ограниченную коттеджами) до сих пор стоит брошенная поржавевшая техника. Несколько поодаль находятся покинутые балки строителей и баня [ПМА, 2019]. В настоящий момент все дома, за исключением дома И.С. Семенова, несмотря на их новизну и потенциальную комфортабельность, находятся в заброшенном состоянии. Из многих похищены окна, элементы санузлов, двери и пр. Родственник информанта разобрал свой дом и перевез его в Чокурдах. Супруга Ивана Степановича неоднократно предлагала мужу поступить так же, но он неизменно отклонял ее предложения.

Незавершенность системы коммуникаций является одной из главных причин, по которым данное место оказывается «недопроизведенным» в качестве поселка [De Boeck, Plissart, 2004; Ssorin-Chaikov, 2016]: в нем не живут оленеводы, там нет света, отсутствует подача воды. Такое промежуточное состояние способствует тому, что и осваивается это пространство хаотично – разбирается и перевозится на новое место, разграбляется или функционирует в качестве промыслового участка. Рядом с Новым Ойотунгом растет большое количество голубики, собирать которую приезжают жители Чокурдаха. Кроме того, Новый Ойотунг часто используется И.С. Семеновым в качестве перевалочного пункта на пути к рыболовецкому участку, расположенному ниже по течению Индигирки. Вместе с людьми кочует их инвентарь, чайники для кипячения воды, одежда, емкости для воды и т. д. Внутри дома в Новом Ойотунге действуют те же нормы, что и в рыболовецкой избе, несмотря на то что предполагалось создание пространства иного качества – постоянного жилого дома.

В данном примере переплелись идеи экономической автономности [Maclean, 1994], повышения качества жизни, возрождения родовых территорий и развития традиционного хозяйства. Пример Нового Ойотунга можно назвать показательным, поскольку это характерная черта многих индигенных проектов развития территорий постсоветского периода: в 1990-е гг. чаще всего создаваемые общины дробились, распадались, разорялись [ПМА, 2019; 2021]. В настоящее время в Аллаиховском районе оленеводство находится в упадке, поэтому поселок для оленеводов потерял свою актуальность. Впрочем, Иван Степанович не утрачивает оптимизма. В ходе многочасовых бесед он делился текущими планами, которые связаны с созданием неподалеку от Нового Ойотунга туристического комплекса с гостиницей и оборудованными площадками для спортивного туризма.

В современной Якутии родовые общины остаются актуальной формой хозяйственной деятельности, в рамках которой реализуются традиционные отрасли хозяйства: оленеводство, рыболовство, охота. Однако с момента появления данной формы самоорганизации в 1990-х гг. возникало много вопросов относительно ее дефиниции и статуса. А.А. Сирина писала, что «главными “идеологами” создания новой терминологии были ученые и государственные чиновники РС(Я). Основной тезис состоял в том, что понятия общины, рода, племени не устарели и “являются основой для внутренней структуры и самоопределения народов Севера”. Од-

нако ни в первом, ни в более позднем варианте Закона не даются пояснения, почему община определена как “родовая”, “родоплеменная”» и «в поправках к закону 1996 г. был введен еще один “мифологический” научный термин – “родоплеменная” община. Неблагодарным занятием было бы искать ее в реальной жизни» [Сирина, 1999: 9]. Скептическую позицию в этом вопросе разделяют Н.Б. Вахтин и соавторы: «зачастую за названием [община – Н.Г.] ничего, кроме названия, и не скрывалось» [Вахтин, Головко, Швайтцер, 2004: 227].

Фактически многие общины являются производственными кооперативами и занимаются коммерческой деятельностью. В интервью глава производственного кооператива кочевой родовой общины коренных малочисленных народов Севера «Олеринский» сообщил следующее: «У нашей общины деятельность оленеводческая и рыболовецкая. Это не община в прямом смысле слова, а производственный кооператив, потому что община – это структура, которая занимается некоммерческой деятельностью, а у нас коммерческая. “Община” – это для галочки. Она обеспечивает наших оленеводов продуктами, топливом, платит зарплату, дает спецодежду – бесплатно. Республиканское финансирование позволяет покрывать эти затраты, но есть свои обязательства, которые не всегда удается исполнить. Появляются долги…» [ПМА, 2021].

Тем не менее производственные кооперативы (или общины) обладают важным экономическим и социальным потенциалом для населения рассматриваемых территорий, вне зависимости от их этнической принадлежности. Жители села Колымское в интервью неоднократно сообщали, что местная община «Турваургин» является «градообразующей», поскольку формирует основные рабочие места для трудоспособного мужского населения, позволяет поддерживать социальную солидарность внутри села, мотивирует людей оставаться в Колымском, занимаясь традиционным видом хозяйства. Кроме того, «Турваургин» создает необходимый социальный капитал для привлечения дополнительного внимания и ресурсов из Якутска, о чем будет еще сказано ниже.

В Русском Устье большинство мужчин, в том числе пенсионеры, занимаются рыболовством в местном производственном кооперативе. Глава общины обеспечивает работников необходимыми снастями, помогает в обустройстве промысловых участков, доставляет на заказ лодки, моторы, снегоходы и иную технику. Рыбаки имеют возможность приобрести товар в долг, в качестве выплаты которого, по желанию работника кооператива, будет засчитан будущий улов. Сфера деятельности общины простирается и за пределы трудоустроенных в ней промысловиков – на всех жителей села. Так, кооператив содержит сельский магазин («общинский»), в котором любой желающий может приобрести социально значимые товары (крупы, соль, сахар и пр.) по сниженным ценам. Следовательно, использование ресурсов этничности (в том числе русской старожильческой) позволяет создавать институциональные формы экономической деятельности в виде производственных кооперативов – общин. Увеличение связей кооператива с сельской повседневностью дает возможность получать дополнительные пищевые, технические, промысловые и иные виды ресурсов. В данном случае для местных жителей важным оказывается не академическое соответствие названия институционализированной формы деятельности ее содержанию, а увеличение потенциала действия в локальных условиях [Энергия Арктики…, 2022].

Еще одним свойством этнического социального капитала является его инерция, просматриваемая на примере развития оленеводства в Якутии. Как сообщали информанты, в Аллаиховском районе раньше, чем в других административно-территориальных единицах республики, исчезли домашние олени после реформ 1990-х гг. [ПМА, 2019]. В советский период местный совхоз отличали высокие хозяйственные показатели. Так, в 1989 г. общая численность стада была около 20 тысяч голов. Оленеводы считали, что если они разобьют стадо по родовым общинам, то увеличат свою прибыль и получат желаемую свободу экономических действий. Однако они не рассчитали всех рисков и к началу 2000-х годов полностью утратили поголовье. В.В. Филиппова и соавторы отмечают, что первоначальный экономический подъем общин в первой половине 1990-х гг. сменился упадком на рубеже веков в связи с форсированным переходом на нерегулируемые рыночные отношения, повлекшим резкое увеличение цен

на топливо, запчасти, снаряжение и продовольствие. Возник «разрыв хозяйственных связей» и утрата контроля ситуации на республиканском уровне, что привело к прекращению племенной работы, ослаблению ветеринарного обслуживания и разрушению транспортной инфраструктуры [Филиппова, 2007; Методика составления технологической карты..., 2017: 7; Филиппова и др., 2020: 198–199].

Районная администрация неоднократно предпринимала попытки восстановить стадо. В 2019 г. из Усть-Янского района в Аллаиховский в очередной раз доставили 48 голов домашних оленей [Как оленеводство вновь появилось в Аллаиховском улусе], но и этот опыт не привел к положительному результату. Когда мы находились в с. Колымское в 2021 г., там же присутствовал глава с. Чкалов (Аллаиховский улус). Он сообщил, что несколько человек из Чкалова в скором времени отправятся на обучение к оленеводам в Усть-Янский район, однако, по имеющимся у нас данным, положительного результата снова не последовало. Желание восстановить поголовье домашних оленей характерно не только для административных лиц, но и для бывших оленеводов, ассоциирующих район и его население с данным видом традиционного хозяйства.

Основной проблемой, судя по интервью, является неправильная методика повторного одомашнивания животных на новой территории. Дело в том, что оленей приобретают либо в Нижнеколымском, либо в Усть-Янском районе, затем в короткие сроки животных перегоняют на территорию Аллаиховского района (с. Оленегорск или с. Чкалов), откуда они довольно быстро убегают. По словам оленеводов, желание поскорее доставить животных на новое место является главной ошибкой. Вместо того, чтобы перегонять их постепенно, давая оленям возможность адаптироваться к иному ландшафту и чужим людям, их решительно ведут в незнакомые места, откуда испуганные животные стремятся вернуться домой. Очередные поиски отколовшегося стада в 2022 г. закончилась трагедией – два человека из родовой общины «Берелех» погибли [Пропавших оленеводов спасти не удалось…]. Однако попытки восстановить былые сельскохозяйственные показатели снова и снова продолжаются, в районе много людей, которые имели опыт оленеводства. Они, несмотря на время и неудачи, продолжают соотносить себя с этим видом деятельности и видеть в нем потенциал развития родных территорий. В 2022 году оленеводством в районе занимались две общины, а численность животных составляла 2550 голов [Айсен Николаев…].

Этнически обусловленные встречи людей на уровне села способны приобретать республиканский масштаб. Так, в апреле 2021 г. в Колымском проходил Третий съезд чукчей Республики Саха (Якутия), на который, несмотря на пандемию, приехало довольно большое количество человек из разных регионов, в том числе из Чукотки и Москвы. На съезде, помимо местных делегатов, выступали (онлайн) заместитель председателя правительства Якутии, чиновники различных республиканских министерств, а также личный визит нанес министр по развитию Арктики и делам народов Севера Якутии. Посредством апелляции к этничности съезд создал возможность привлечь к небольшому арктическому селу значительное внимание высокопоставленных чиновников и озвучить актуальные вопросы, связанные с ограничениями в сфере рыболовства, проблемами инфраструктуры, оленеводства, преподавания национальных языков в школах и т. д. Важную роль здесь играет деятельность общины «Турваургин», создающей и поддерживающей «примордиальные» основания – оленеводческий и охотничий комплекс, – которые являются важной составляющей частью этнических репрезентаций. Стоит отметить, что, кроме чукотских съездов, с 1992 г. раз в три года в Якутии проходят съезды юкагирского народа, на которых обсуждаются вопросы, касающиеся культуры, языка, экономических условий проживания сообщества и иные аспекты. Последний, VI Съезд юкагиров, состоялся в с. Андрюшкино в 2019 году [В Нижнеколымском улусе прошел съезд юкагирского народа].

Зачастую в этническую форму облечены общие проблемы социально-экономического характера: например, износ жилья (что весьма актуально, если учесть тот факт, что в 2019 г. в Чокурдахе 80 % жилых построек были в аварийном состоянии [ПМА, 2019]), низкое качество воды и медицинского обслуживания. В таком случае явления, маркированные символом этнического, приобретают статус капитала

и языка, используя который можно добиваться проработки некоторых вопросов, решение которых без этого инструмента коммуникации было бы затруднено. Он относительно понятен на административном уровне в силу его институционализации и конвенциональности, ведь местные жители апеллируют к федеральной или республиканской правовой базе и конкретному закону № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» [Федеральный закон…].

Выстраивание сети коммуникаций между локальным этническим сообществом и внешним миром во многом происходит благодаря индивидуальным усилиям энергичных личностей [Головнёв и др., 2016]. Это неоднородный и непрямой процесс, ведь у каждого лидера собственная история, свой путь к обретению «этнического» языка и способам его репрезентации: через общение с национальной интеллигенцией и постепенное (или внезапное) осознание своей роли в сообществе; посредством саморефлексии и через желание помочь близким, благодаря образованию и работе в сфере культуры / управления; у одних лидеров этническое самосознание «просыпается» в молодости, другие приходят к пониманию значения подобных вопросов с возрастом.

Показательным в данном отношении является пример О.Г. Антиповой[1] из Жиганска. Во многом благодаря ее инициативе в 2009 г. Жиганский район получил статус «национального эвенкийского» района. Как рассказывала Ольга Григорьевна Антипова, в 1990-е гг. экономическая ситуация в регионе была плачевной, и тогда на волне подъема этнических форм самоуправления она стала вынашивать мысль о придании родному району национального статуса, что могло бы, по ее мнению, создать стимул развития территории. Этой идеей О.Г. Антипова поделилась с главой района. После бурных обсуждений, расколовших локальное сообщество, большинство все же оказалось на стороне Ольги Григорьевны, и после голосования в 2009 г. район приобрел национальный статус. Информантка считает, что эта мера приободрила население Жиганска и дала возможность привлечения в район новых ресурсов, которые актуальны для всех жителей вне зависимости от этнической принадлежности. По словам О.Г. Антиповой, эта кампания стала для нее «революцией», направленной на улучшение качества жизни местного населения. В ходе нашей беседы в 2019 г. она поставила в тот же ряд «революционных» событий референдум о запрете продажи алкогольной продукции на территории Жиганска, инициированный ее сыном и временно утвердивший в 2018 г. указанное ограничение [Жители Жиганска проголосовали за «сухой» закон]. Как нам удалось понять из интервью, именно осознание Ольгой Григорьевной собственной эвенкийской идентичности, повлекшей рефлексию на предмет своего места в сообществе, ответственности перед окружающими людьми и возможностей изменить их жизнь к лучшему, стало стимулом реализованных инициатив [ПМА, 2019]. Следовательно, в этом примере развитие территории оказывается неотделимым от переживания собственной этнической принадлежности человека, выражающейся в юридических и – шире – пространственных преобразованиях.

IV. Заключение. Таким образом, категория этничности сквозь призму социального капитала оказывается зыбким феноменом, который принимает разные формы в зависимости от контекста. Местные жители умело пользуются этой неоднородностью. Например, этнический праздник в условиях северной Якутии представляет собой не столько репрезентацию сконструированных концептов, сколько коммуникативный сгусток, создающий социальную плотность [Mauss, 1979], а следовательно, и возможность собрать родственников и гостей из других сел и даже городов (на съезд чукчей в Колымском в 2021 г. приехали люди из Билибино, Певека (Чукотка), Аллаиховского района, Якутска, соседних сел, из Москвы), привлечь внимание административных лиц, заявить о себе, своих проблемах и планах. Коммуникативная множественность подобных событий позволяет объединить людей и вплести в развлекательную программу сугубо утилитарное мероприятие – как было сделано в Чокурдахе в 2019 г., когда в Международный день коренных народов мира после танцев, песен и музыки была проведена

[1]Имя изменено.

консультация с представителем районной инспекции охраны природы, во время которой местным жителям разъяснили изменения в законодательстве, касающиеся промысловой деятельности.

Основываясь на материалах этнических общин Краснодарского края, К.С. Григорьева констатирует, что «превращение этничности в социальный ресурс зачастую является обратной стороной преград, воздвигаемых перед той или иной этнической общиной, и служит способом их преодоления» [Григорьева, 2017: 99]. Эмпирические данные из труднодоступных населенных пунктов северной Якутии демонстрируют иную ситуацию. Здесь также имеются «преграды», но они воздвигаются не столько перед определенным этническим сообществом, сколько перед жителями этих территориально изолированных поселков с дефицитом ресурсов, угасающей инфраструктурой и нестабильной экономической ситуацией вне зависимости от этнической принадлежности (хотя последняя тоже имеет значение). В связи с этим и ресурсы этничности играют специфическую роль, во многом направленную на преодоление «преград» именно такого характера.

М.В. Демидова, осмысляя концепции капитала П. Бурдье и К. Маркса, пишет: «Символический капитал не может существовать отдельно от материального, так как символический капитал без референтов, то есть его носителей, в качестве которых выступают как социальные, так и производственные единицы, был бы равносилен существованию знака без референта, то есть существованию симулякра» [Демидова, 2014: 31]. Высказанная идея актуальна и для этнического социального капитала в Якутии, который не замыкается в себе, но находит материальное, социальное, символическое выражение. Как писал П. Бурдье, для социального капитала существование сети связей не является априорным состоянием, возникшим «раз и навсегда в результате первоначального акта институционализации». Напротив, связи выступают результатом перманентных практик по «институциональному оформлению, ключевые моменты которого обозначаются соответствующими обрядами институционализации (часто неверно описываемыми как обряды, связанные с изменением социального статуса)» [Бурдье, 2004: 530]. Следовательно, смысл производства связей в рамках социального капитала заключается не в трансформации социального статуса, как то предполагают обряды перехода, но в увеличении связей и присоединении дополнительных ресурсов, что становится возможным благодаря установлению и поддержанию полезных и длительных отношений [Там же]. В таком случае локальные проекты развития, основанные на использовании этничности, могут рассматриваться как стратегии по увеличению социального капитала и в качестве механизма его конвертации в материальные и символические блага. Использование этничности оказывается важным способом производства, получения и эксплуатации ресурсов на севере Якутии, влияющим на повседневную жизнь местного населения. Предложенный подход рассмотрения этничности позволяет выйти за пределы дихотомии «примордиальное / сконструированное» и концептуализировать этничность в качестве регионального инструмента освоения пространства. Важно подчеркнуть, что в рассмотренных примерах этничность выступает не в качестве эксклюзивного фактора, работающего по принципу «свои–чужие» и, соответственно, исключающего «чужаков»; напротив, зачастую в северной Якутии фактор этничности обладает инклюзивными свойствами, что проявляется через участие в «этнопроектах» представителей совершенно разных этнических групп. Кроме того, материальные блага, полученные в результате конвертации ресурсов этничности, становятся достоянием в том числе тех, кто не является представителем коренных малочисленных народов.

С одной стороны, этнический социальный капитал в Аллаиховском и Нижнеколымском районах является важным способом коммуникации с внешним миром, конвенциональным языком, который понятен широкой общественности и, что особенно важно, бюрократическому сектору; с другой стороны, это способ организации социальных и хозяйственных процессов внутри локального сообщества. Этничность направлена не только на пассивную демонстрацию достигнутого статуса, она выступает также важным инструментом действия, нацеленным на преобразование имеющегося состояния.

Дополнительные источники и принятые сокращения:

Методика составления технологической карты, расчета нормативных затрат по стадному содержанию оленей в Республике Саха (Якутия). Методическое пособие. Якутск: Государственный комитет Республики Саха (Якутия) по делам Арктики, Федеральное агентство научных организаций, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени М.Г. Сафронова», 2017. 206 с.

Айсен Николаев: Аллаиховский район получит поддержку для увеличения поголовья оленей. URL: https://minsel.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3323008 (дата обращения: 20.02.2023).

Ассоциации КМНС РС (Я). URL: http://yakutiakmns.org/struktura?ysclid=le3098qzdt20007606 (дата обращения: 02.12.2022).

В Нижнеколымском улусе прошел съезд юкагирского народа. URL: https://ysia.ru/v-nizhnekolymskom-uluse-proshyol-sezd-yukagirskogo-naroda (дата обращения: 12.12.2022).

Жители Жиганска проголосовали за «сухой» закон. URL: https://ysia.ru/zhiteli-sela-zhigansk-proveli-referendum/?ysclid=lbkwj8tuaa606035531 (дата обращения: 12.12.2022).

Как оленеводство вновь появилось в Аллаиховском улусе. URL: https://ysia.ru/kak-olenevodstvo-vnov-poyavilos-v-allaihovskom-uluse (дата обращения: 26.09.2020).

Количество действующих родовых общин на территории Республики Саха (Якутия) по состоянию на 2019 год по данным информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации. URL: https://arktika.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2246375?ysclid=lfa83t30a5984741804 (дата обращения 10.12.2022).

Международная конференция XII Сибирские чтения «Ресурсы Арктики и Сибири: техники, технологии, жизнеобеспечение». URL: https://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2022/mezhdunarodnaya_konferenciya_xii_sibirskie_chteniya_resursy_arktiki_i_sibiri_tehniki_tehnologii_zhizneobespechenie?ysclid=le2zu4m5t4236111109 (дата обращения: 11.12.2022).

Пропавших оленеводов спасти не удалось. Их тела обнаружены недалеко от берега Хромской губы. URL: https://kmns.ru/blog/2022/08/12/пропавших-в-якутии-оленеводов-из-общи/?ysclid=lbky6jle6x811208442 (дата обращения: 12.12.2022).

Русские арктические старожилы избрали председателя своей Ассоциации и приняли резолюцию съезда. URL: http://yakutiakmns.org/archives/16183?ysclid=le30731xid624551668 (дата обращения: 10.12.2022).

Татьяна Шкулева: Сохраним свою идентичность. URL: http://yakutiakmns.org/archives/8965?ysclid=le305nyrug367909079 (дата обращения 05.10.2022).

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/?ysclid=lbkse6rh5d647482934 (дата обращения: 12.12.2022).

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2018. 566 с.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2021.

АКМНС – Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство

КМНС – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока

ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Аллаиховский улус, Республика Саха (Якутия), пгт. Чокурдах, с. Русское Устье, август–сентябрь 2019 г. Полевой дневник.

ПМА 2021 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Нижнеколымский район Республики Саха (Якутия), с. Андрюшкино, с. Колымское и пгт. Черский, март–апрель 2021 г. Полевой дневник.

РС (Я) – Республика Саха (Якутия)

Список литературы:

Антонов Е.П. Самосознание русских старожилов Нижней Колымы в контексте экономической и социокультурной трансформации // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 7. С. 122–128.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1990. 247 с.

Ачкасова В.А. Политическая мобилизация в этнических конфликтах // Вестник Московского университета. 2016. № 5. С. 37–49. (Сер. 12. Политические науки)

Белоруссова С.Ю. Нагайбаки в киберпространстве // Кунсткамера. 2019. № 1. С. 71–77. DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-71-77

Березницкий С.В. Этнокультурные проекции сакральных ландшафтов у коренных народов Амура и Сахалина // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 211–231. DOI: 10.31250/2618-86 0 0-2021-4(14)-211-231

Боякова С.И. Правовой статус и этническая идентичность русских арктических старожилов Якутии // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4(10). С. 145–153.

Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Том 3. № 5. С. 60-74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения: 22.12.2022).

Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики [Сост. и науч. ред. В.В. Радаев]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 519–536.

Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004. 290 с.

Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Сулейманов А.А., Филиппова В.В., Григорьев С.А. Аборигенные сообщества Российской Арктики в XX веке: власть и номады Якутии // Научный диалог. 2019. № 2. С. 188–203. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-188-203

Головнёв А.В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24

Головнёв А.В., Киссер Т.С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 6–32. DOI: 10.31250/2618-86 0 0-2022-3 (17)-6-32

Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 142–148.

Головнёв В.А. Медиатрансформации в этнографии и рождение этноблогинга (на примере хантов реки Тромъёган) // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 186–210. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-186-210

Григорьева К.С. Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. Т. 26. № 1. С. 81–102.

Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 258 с.

Демидова М.В. «Символический капитал» П. Бурдье и «Капитал» К. Маркса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 27–32.

Дробижева Л.М. (ред.). Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002. 480 с.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск: Наука, 2009. Ч. 1: Одежда юкагиров: генезис и семантика. 152 с.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск: Наука, 2012. Ч. 2: Мифологическая модель мира. 360 с.

Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 20–50.

Игошева М.А. Ресурсный потенциал этнической идентичности в условиях глобальных трансформаций современного мира // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 3. С. 133–140. DOI: https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.3.13

Куропятник М.С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 161–173.

Максимова О.Н. Политическая субъектность этноса или этничность в публичной сфере // Электронный научный журнал «Современное общество и власть». 2015. № 3(5). С. 77–82.

Неустроева А.Б., Самсонова И.В., Малышева М.С., Семенова Л.А. Современное положение традиционных хозяйств коренных малочисленных северных народов в Республике Саха (Якутия) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23. № 3. С. 220–245. URL: https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.9

Никитина С.Е. Трансформации культуры русских арктических старожилов Якутии // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 1. С. 102–106.

Новикова Н.И. Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов Севера Сахалина // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 127–140. DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-127-140

Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.

Перевалова Е.В., Киссер Т.С. Таймыр: этнопроекты и лидеры // Этнография. 2021. № 2 (12). С. 194-221. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-166–193.

Перевалова Е.В., Киссер Т.С., Конькова Ю.С. Сувенир и этничность (опыт Ямала и Таймыра) // Кунсткамера. 2021. № 4 (14). С. 249–261. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-249-261

Романова Е.Н. Тепло вечной мерзлоты: символическое измерение Севера и современные якутские бренды // Международный этно-антропологический конгресс «55 и выше. Снежный сезон». Сб. экспертных материалов. Проект снежный сезон. (Новосибирск, 15–16 января 2014 г.). Новосибирск, 2014. С. 82–88.

Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Издательство КубГУ, 1997. 172 с.

Сирина А.А. Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? М.: ИЭА РАН, 1999. № 126. С. 5–20. (Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии)

Сулейманов А.А. В. И. Иохельсон и научное изучение юкагиров Якутии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1 (13). С. 170–175.

Сулейманов А.А. Коренные малочисленные народы севера Якутии в фокусе академических исследований конца 1980-х – начала 1990-х годов // Научный диалог. 2021. № 4. С. 438–453. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-438-453

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. 174 с.

Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Шадрин В.И., Астахова И.С., Григорьев С.А. Пространство жизнедеятельности «исчезающего» этноса: юкагиры Якутии в XX–XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2020. 321 с.

Фольклор Русского Устья [Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский]. Л.: Наука, 1986. 382 с.

Харючи С.Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск: ТГУ, 2004. 360 с.

Шадрин В.И. Коренные народы в условиях изменения климата (на примере народов Севера Якутии) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 2. С. 95–101.

Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений [Отв. ред. В.Н. Давыдов]. М.: Издательство восточной литературы, 2020. 311 с.

De Boeck F., Plissart M.F. Kinshasa. Tales of the invisible city. Tervuren: Royal Museum for Central Africa and Ludion: Vlaams Architectuurinstitut Vai. 2004. 285 p.

Glazer N., Moynihan D.P. Introduction. Ethnicity. Theory and Experience (eds. Glazer N., Moynihan D.P.). Cambridge: Harvard University Press, 1975. Pp. 1-26.

Gurr T. R. Minorities at Risk: A Global View of Elhnopolitical Conflicts. Washington, DC: USIP Press, 1993. 448 p.

Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. 697 p.

Konstantinov Y. Roadlessness and the Person: Modes of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula. A Nordic Journal of Circumpolar Societies. 2009. Vol. 26. № 1. Pp. 27-49. DOI: 10.1080/080038309029 51524

Maclean N. Freedom or Autonomy: A Modern Melanesian Dilemma. Man, New Series. 1994. Vol. 29. № 3. Pp. 667-688.

Mauss M. Seasonal Variations of the Eskimo. A Study in Social Morphology. London: Routledge, 1979. 179 p.

Parkin F. Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique, London: Tavistock Publications, 1979. 217 p.

Pelto P.J. The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic. Menlo Park: Cummings, 1973. 225 p.

Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. 290 p.

Ssorin-Chaikov N. Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia. Social Research. 2016. Vol. 83. № 3. Pp. 689-721. DOI: 10.1353/sor.2016.0050

Stammler F.M. Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change Among Russian Reindeer Nomads. Folklore. 2009. Vol. 41. Pp. 47-78. DOI: 10.7592/FEJF2009.41.stammler

References:

Achkasova V.A. Politicheskaja mobilizacija v etnicheskih konfliktah [Political mobilization in ethnic conflicts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Vestnik]. 2016. № 5. Pp. 37–49. (Series 12. Political science). (In Russian)

Antonov E.P. Samosoznanie russkih starozhilov Nizhnei Kolymy v kontekste ekonomicheskoi I sotsiokulturnoi transformatsii [Self-Consciousness of Russian old-timers of the Lower Kolyma in the context of economic and socio-cultural transformation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University]. 2014. Vol. 7. Pp. 122-128. (In Russian)

Arutyunov S.A. *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie* [Peoples and cultures: development and interaction]. Moscow: Science Publ., 1990. 247 p. (In Russian)

Belorussova S.Ju. Nagaibaki v kiberprostranstve [Nagaibaki in cyberspace]. *Kunstkamera* [Kunstkamera].

2019. № 1. Pp. 71-77. DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-71-77 (In Russian)

Bereznitsky S.V. Etnokul'turnye proektsii sakral'nykh landshaftov u korennykh narodov Amura i Sakhalina [Ethnocultural projections of sacred landscapes among the indigenous peoples of the Amur and Sakhalin]. *Etnografia* [Ethnography]. 2021. № 4 (14). Pp. 211-231. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-86 0 0-2021-4(14)-211-231 (In Russian)

Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: elektronnyy zhurnal* [Economic Sociology: Electronic Journal]. 2002. Vol. 3. № 5. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (In Russian)

Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoy klassiki* [West Economic Sociology. Reader of Modern Classic]. Compiler and scientific editor V.V. Radaev. Moscow: Russian political encyclopedia publ., 2004. Pp. 519-536. (In Russian)

Boyakova S.I. Pravovoi status i etnicheskaia identichnost' russkikh arkticheskikh starozhilov Yakutii [Legal status and ethnic identity of Russian old residents of Yakutia]. *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki* [Arctic. XX century. Humanitarian sciences]. 2016. № 4(10). Pp. 145-153. (In Russian)

De Boeck F., Plissart M.F. *Kinshasa. Tales of the invisible city*. Tervuren: Royal Museum for Central Africa and Ludion: Vlaams Architectuurinstitut Vai. 2004. 285 p.

Demidova M.V. "Simvolicheskiy kapital" P. Burd'e i "kapital" K. Marksa ["Symbolic capital" P. Bourdieu and "capital" of K. Marx]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2014. № 11. Pp. 27-32. (In Russian)

Drobizheva L.M. (ed.). *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskih grupp: predstavleniia i real'nost'* [Social inequality of ethnic groups: representation and reality]. Moscow: Academia Publ., 2002. 480 p. (In Russian)

Energiya Arktiki i Sibiri: ispol'zovanie resursov v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmeneniy [Energy of the Arctic and Siberia: using of resources in context of socio-economic changes]. Responsible editor V.N. Davydov. Moscow: Oriental Literature publ., 2020. 311 p. (In Russian)

Filippova V.V. *Korennye malochislennye narody Severa Yakutii v meniaushhemsia prostranstve zhiznedejatel'nosti: vtoraia polovina XX v.* [Indigenous small-numbered peoples of the Northern Yakutia in changing space of subsistence: second part of XX century] Novosibirsk: Science Publ., 2007. 174 p. (In Russian)

Filippova V.V., Suleymanov A.A., Shadrin V.I., Astakhova I.S., Grigor'ev S.A. *Prostranstvo zhiznedeyatel'nosti "ischezayushchego" etnosa: yukagiry Yakutii v XX-XXI vv.* [The space of life of a disappearing ethnos: the Yukaghirs of Yakutia in the 20th-21st centuries]. Vladivostok: "Dal Science" Publ., 2020. 321 p. (In Russian)

Fol'klor Russkogo Ust'ya [Folklore of Russkoie Ustie]. Responsible editor S.N. Azbelev, N.A. Meshcherskiy. Leningrad: Science Pul., 1986. 382 p. (In Russian)

Glazer N., Moynihan D.P. *Introduction. Ethnicity. Theory and Experience* (eds. Glazer N., Moynihan D.P.). Cambridge: Harvard University Press, 1975. Pp. 1-26.

Golovnev A.V. Novaya etnografia Severa [New ethnography of the North]. *Etnografia* [Ethnography]. 2021. № 1 (11). Pp. 6-24. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24 (In Russian)

Golovnev A.V., Kisser T.S. Korennye malochislennye narody: rakursy i status [Indigenous peoples: sides and status]. *Etnografia* [Ethnography]. 2022. № 3 (17). Pp. 6-32. DOI: 10.31250/2618-86 0 0-2022-3 (17)-6-32 (In Russian)

Golovnev A.V., Perevalova E.V., Belorussova S.Yu., Kisser T.S. Etnoproekt, ili personalizatsiya etnichnosti (po materialam Ural'skoy EtnoEkspeditsii) [Ethnoproject, or personalization of ethnicity (on the materials of Ural EthnoExpedition)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2016. № 4 (53). Pp. 142-148. (In Russian)

Golovnev V.A. Mediatransformatsii v etnografii i rozhdenie etnobloginga (na primere khantov reki Tromegan) [Mediatransformations in ethnography and the birth of the ethnoblogging (case of Khanty from Tromegan river)]. *Etnografia* [Ethnography]. 2021. № 4 (14). Pp. 186-210. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-186-210 (In Russian)

Grigorieva K.S. Etnichnost' kak sotsial'nyi resurs i barier (na primere etnicheskih obshhin Krasnodarskogo kraia) [Ethnicity as social resource and barrier (case of ethnic communities of Krasnodar region)]. *Mir Rossii* [Russian World]. Vol. 26. № 1. Pp. 81-102. (In Russian)

Guboglo M.N. *Iazyki etnicheskoi mobilizatsi*i [Languages of ethnic mobilization]. Moscow: School "Languages of Russian Culture" publ., 1998. 816 p. (In Russian)

Gurr T.R. *Minorities at Risk: A Global View of Elhnopolitical Conflicts*. Washington, DC: USIP Press, 1993. 448 p.

Gurvich I.S. *Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic history of North-Eastern Siberia]. Moscow: Science Publ., 1966. 269 p. (In Russian)

Gurvich I.S. *Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov. K voprosu o pozdnikh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda* [Culture of Northern Yakut-reindeer herders. Question of the late stages of forming of Yakut people]. Moscow: Science Publ., 1977. 258 p. (In Russian)

Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985. 697 p.

Igosheva M.A. Resursnij potentsial etnicheskoi identichnosti v usloviiah global'nykh transformatsii sovremennogo mira [Resource potential of ethnic identity in the circumstances of global changes of modern world]. *Gumanitarii Iuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. 2019. Vol. 8. № 33. Pp. 133-140. DOI: https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.3.13 (In Russian)

Kharyuchi S.N. *Korennye malochislennye narody: problemy zakonodatel'stva* [Indigenous peoples: problems of legislation]. Tomsk: Tomsk State University, 2004. 360 p. (In Russian)

Konstantinov Y. Roadlessness and the Person: Modes of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula. *A Nordic Journal of Circumpolar Societies*. 2009. Vol. 26. № 1. Pp. 27-49. DOI: 10.1080/08003830902951524

Kuropyatnik M.S. Ot stigmy k samoutverzhdeniyu: ponyatie «korennoy narod» v sovremennom diskurse [From stigma to self-affirmation: the concept of "indigenous people" in modern discourse]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2002. Vol. V. № 1. Pp. 161-173. (In Russian)

Maclean N. Freedom or Autonomy: A Modern Melanesian Dilemma. *Man, New Series.* 1994. Vol. 29. № 3. Pp. 667-688.

Maksimova O.N. Politicheskaia subektnost etnosa ili etnichnost v publichnoi sfere [Political subjectivity of ethnos or ethnicity in public sphere]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Sovremennoe obshhestvo i vlast'"* [Electronic scientific journal "Modern society and power"]. 2015. № 3(5). Pp. 77–82. (In Russian)

Mauss M. *Seasonal Variations of the Eskimo. A Study in Social Morphology.* London: Routledge, 1979. 179 p.

Neustroeva A.B., Samsonova I.V., Malysheva M.S., Semenova L.A. Sovremennoe polozhenie traditsionnykh khoziaistv korennykh malochislennykh severnykh narodov v Respublike Sakha (Yakutiia) [Modern situation of traditional economies of indigenous small-numbered peoples in Republic of Sakha (Yakutia)]. *Zhurnal sotsiologii i social'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 23. № 3. Pp. 220-245. https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.9 (In Russian)

Nikitina S.E. Transformatsii kultury russkikh arkticheskikh starozhilov Yakutii [ransformations of the Russian resident in Yakutia culture]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia]. 2015. Vol. 22. № 1. Pp. 102–106. (In Russian)

Novikova N.I. Energiia predprinimatel'stva v traditsionnom prirodopol'zovanii korennykh narodov Severa Sahalina [Energy of the Entrepreneurship in traditional nature management of indigenous peoples of the North in Sakhalin]. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2020. Vol. 16. № 3. Pp. 127-140. DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-127-140 (In Russian)

Parkin F. *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique.* London: Tavistock Publications, 1979. 217 p.

Pelto P.J. *The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic.* Menlo Park: Cummings, 1973. 225 p.

Perevalova E.V. *Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrian and Nenets of the Western Siberia: ethnicity and power]. St. Petersburg: MAE RAN, 2019. 350 p. (In Russian)

Perevalova E.V., Kisser T.S. Taymyr: etnoproekty i lidery [Taimyr: ethnoprojects and leaders]. *Etnografia* [Ethnography]. 2021. № 2 (12). Pp. 194-221. DOI: doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2(12)-166-193 (In Russian)

Perevalova E.V., Kisser T.S., Kon'kova Yu.S. Suvenir i etnichnost' (opyt Yamala i Taymyra) [Souvenir and ethnicity (case of Yamal)]. *Kunstkamera*. 2021. № 4 (14). Pp. 249-261. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-249-261 (In Russian)

Romanova E.N. Teplo vechnoy merzloty: simvolicheskoe izmerenie Severa i sovremennye yakutskie brendy [The warmth of permafrost: a symbolic dimension of the North and modern Yakut brands]. *Mezhdunarodnyy etno-antropologicheskiy kongress "55 i vyshe. Snezhnyy sezon". Sbornik ekspertnykh materialov. Proekt snezhnyy sezon* [International ethno-anthropological congress "55 and above. Snow season". Collection expert materials. Snow season project]. (Novosibirsk, January 15-16, 2014). Novosibirsk, 2014. Pp. 82-88. (In Russian)

Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework.* New York: Columbia University Press, 1981. 290 p.

Savva M.V. *Etnicheskii status (konfliktologicheskii analiz sotsial'nogo fenomena)* [Ethnic status (Conflictogenic analysis of social phenomenon)]. Krasnodar: Publ. KubGU, 1997. 172 p. (In Russian)

Shadrin V.I. Korennye narody v usloviyakh izmeneniya klimata (na primere narodov Severa Yakutii) [Indigenous peoples in the changing climate (case of peoples of the North of Yakutia)]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy* [Issues of history and culture of northern countries and territories]. 2009. № 2. Pp. 95-101. (In Russian)

Sirina A.A. Rodovye obshchiny malochislennykh narodov Severa v Respublike Sakha (Yakutiya): shag k samoopredeleniyu? [Tribal communities of the small peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia): a step towards self-determination?]. *Issledovaniya po*

prikladnoy i neotlozhnoy etnologii [Research in applied and urgent ethnology]. 1999. № 126. Pp. 1-20. (In Russian)

Ssorin-Chaikov N. *Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia.* Social Research. 2016. Vol. 83. № 3. Pp. 689-721. DOI: 10.1353/sor.2016.0050

Stammler F.M. Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change Among Russian Reindeer Nomads. *Folklore*. 2009. Vol. 41. Pp. 47-78. DOI: 10.7592/FEJF2009.41.stammler

Suleymanov A.A. Korennye malochislennye narody severa Yakutii v fokuse akademicheskikh issledovaniy kontsa 1980-kh – nachala 1990-kh godov [Indigenous peoples of the north of Yakutia in the focus of academic research in the late 1980s - early 1990s]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. 2021. № 4. Pp. 438-453. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-438-453 (In Russian)

Suleymanov A.A. V. I. Iokhel'son i nauchnoe izuchenie yukagirov Yakutii [V.I. Johelson and scientific research of Yukaghirs of Yakutia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"]. 2017. № 1 (13). Pp. 170-175. (In Russian)

Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Research in Social Anthropology]. Moscow: Science Publ., 2003. 544 p. (In Russian)

Vakhtin N.B., Golovko E.V., Shvayttser P. *Russkie starozhily Sibiri. Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniia* [Russian old-residents of Siberia. Social and symbolic aspects of self-consciousness]. Moscow: New publ., 2004. 290 p. (In Russian)

Vinokurova L.I., Sannikova Ya.M., Suleymanov A.A., Filippova V.V., Grigor'ev S.A. Aborigennye soobshchestva Rossiyskoy Arktiki v XX veke: vlast' i nomady Yakutii [Aboriginal societies of Russian Arctic in 20th century: power and nomads of Yakutia]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. 2019. № 2. Pp. 188-203. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-188-203 (In Russian)

Zdravomyslov A.G., Tsutsiev A.A. *Etnichnost' i etnicheskoe nasilie: protivostoianie teoreticheskih paradigm* [Ethnicity and ethnical violence: opposition of theoretical paradigms]. Sociologicheskii zhurnal [Sociological Journal]. 2003. № 3. Pp. 20–50. (In Russian)

Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture* [Essays on the Yukaghir culture]. Novosibirsk: Science Publ., 2009. Part 1: Clothes of Yukaghir: genesis and semantic. 152 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture* [Essays on the Yukaghir culture]. Novosibirsk: Science Publ., 2012. Part 2: Mythological models of the world. 360 p. (In Russian)

Сведения об авторе:

Гончаров Николай Сергеевич – м.н.с. отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

https://orcid.org/0000-0003-0755-4877;
Nikola.gon4arov@yandex.ru

Information about the author:

Goncharov Nikolai Sergeevich – Junior Researcher of the Department of Ethnography of Siberia of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS; St. Petersburg, Russian Federation;

https://orcid.org/0000-0003-0755-4877;
Nikola.gon4arov@yandex.ru

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 43-55

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.003
УДК: 316.343.37:94(571.56)

Северные поселения в коммуникативном пространстве якутской Арктики: село Сиктях от века к веку

С.А. Григорьев , ***А.И. Архипова***

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация,
detample@yandex.ru, ali-titova@rambler.ru

Аннотация. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые сделана попытка систематизировать имеющие сведения и реконструировать историю арктического села Сиктях Булунского улуса Республики Саха (Якутия), которое до настоящего времени не получило соответствующего научного изучения. Целью данного исследования стало изучение различных аспектов жизнедеятельности поселения Сиктях в исторической ретроспективе путем выявления исторических закономерностей развития села и характеристики динамики появления социальной инфраструктуры. Основой методологии исследования стал принцип историзма, согласно которому история села рассматривается в динамике в контексте истории региона. Структурно-системный принцип позволил изучить социокультурное и экономическое пространство арктического населенного пункта. Использован прием исторической локалистики, посредством которого рассмотрена повседневность села в рассматриваемый период. В работе были применены полевые материалы, собранные авторами во время экспедиции в Булунский улус Республики Саха (Якутия), проведенной в сентябре 2022 г. в рамках проекта РФФИ 20-55-71005 Арктика_т «Гидрология, криолитозона и устойчивость в восточном секторе российской Арктики и Субарктики». В результате на основе анализа литературных и архивных источников, полевых материалов авторов дана историческая ретроспектива развития северного села Сиктях, показана его роль в коммуникативном пространстве якутской Арктики. Выявлены основные этапы его развития, охарактеризована динамика численности населения, проанализированы основные тенденции изменения социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Сиктях, микроистория, коммуникативное пространство, межкультурное пограничье, традиционная жизнедеятельность, рыболовство, скотоводство

Для цитирования: Григорьев С.А., Архипова А.И. Северные поселения в коммуникативном пространстве якутской Арктики: село Сиктях от века к веку // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 43–55. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.003

Northern Settlements in the Communicative Space of the Yakut Arctic: the History of Siktyah Village Through the Ages

S.A. Grigorev , ***A.I. Arkhipova***

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation,
detample@yandex.ru, ali-titova@rambler.ru

Abstract. For the first time, an attempt was made to systematize the available information and reconstruct the history of the Arctic Siktyah village in Bulunsky ulus, Republic of Sakha (Yakutia), which has not yet received an appropriate scientific study. The aim of this study was to research various aspects of the life of the Siktyah settlement by identifying the historical patterns of the development of the village and characterizing the dynamics of the emergence

© Григорьев С.А., Архипова А.И., 2023

of social infrastructure. To achieve the aim, the basis of the methodology was the principle of historicism, according to which the history of the village is considered in dynamics, in the context of the history of the region. Also, the structural-systemic principle made it possible to study the socio-cultural and economic space of the Arctic settlement. The study also uses the method of historical localism, through which the daily life of the village in the period under consideration is considered. The article used field materials collected by the authors during an expedition to the Bulunsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) held in September 2022. Based on the analysis of literature, archival sources, field materials of the authors, a characteristic of the northern village of Siktyakh is given. Its role in the communicative space of the Yakut Arctic is also shown. As a result, the main stages of its development are identified, the dynamics of the population is characterized, and the main trends in the change of social infrastructure are analyzed.

Keywords: Arctic, Yakutia, Siktyakh, microhistory, communicative space, intercultural borderlands, traditional life activities, fishing, cattle breeding

For citation: Grigorev S.A., Arkhipova A.I. Northern Settlements in the Communicative Space of the Yakut Arctic: the History of Siktyah Village Through the Ages. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 43-55. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.003 (In Russian)

I. Введение. На протяжении всей истории удаленность северных районов Якутии от основных административных, экономических и культурных центров предопределяла их во многом замедленное развитие даже по сравнению с соседними территориями. Малодоступность, а также суровый климат делали эти земли крайне сложным объектом для колонизации и какого-либо хозяйственного освоения. Как следствие, данный регион традиционно отличался крайне низкой плотностью населения и предельно разряженной сетью коммуникаций и поселений, разбросанных на огромных пространствах. Этот фактор во многом обусловил этнокультурную специфику формирования местного населения в XVII–XX вв., а также существенно влиял на методы его освоения властью.

Освоенная человеком с глубокой древности якутская Арктика к моменту прихода русских первопроходцев являлась родиной для разнообразных аборигенных сообществ, которые вели преимущественно кочевой образ жизни и сформировали особую этнокультурную среду. Заселив эти земли, автохтонные народы за долгое время сумели адаптироваться к суровому климату и выработать специфические типы хозяйствования, устойчивые к природным условиям. Включение этих областей в состав Русского государства обозначило наступление нового этапа в развитии региона. Политические, торговые и особенно фискальные интересы государства предопределили его политику в отношении местного населения, а также используемые стратегии освоения богатых ресурсами территорий.

Формирование стационарных населенных пунктов, являвшихся коммуникативными точками опоры как для органов власти, так и для торговых и религиозных представительств в дореволюционный период, стало новым явлением для арктического региона Якутии. Выполняя первоначально административные функции коммуникации между властями и населением, местные поселения постепенно расширяли свою функциональность, становясь также экономическими и культурными очагами, всецело влияющими на развитие окружающих территорий. Помимо этого, формирование новой поселенческой структуры совпало с общей трансформацией местной этнической среды, вызванной не только переселением русского служивого населения, но и перемещением с юга якутов, значительно расширивших ареал своего распространения и сформировавших особую этнографическую группу якутов-оленеводов.

Процессы освоения и межкультурного взаимодействия в арктических районах Якутии нашли широкое отражение в историографии. Здесь можно отметить работы, посвященные истории хозяйственного развития северных территорий на разных этапах освоения, а также затрагивающие проблемы истории государственной политики по формированию и закреплению населения в районах промышленного освоения Сибири в XX в. [Гурвич, 1966; Киселев, 1964; Тимошенко, 2009 и др.]. Более подробно по сравнению с другими регионами Северо-Востока России судьбы коренного населения, занятого в традиционных отраслях, на материале Яку-

тии изучены С.В. Атласовым [Атласов, 1992], С.И. Ковлековым [Ковлеков, 1992; 1993], Л.И. Винокуровой [Винокурова, 1993; 2000 и др.], Я.М. Санниковой [Санникова, 2007; 2016 и др.].

На данный момент в современной научной литературе развивается направление изучения коммуникативных практик в исторической ретроспективе [Коммуникативная культура]. Отдельный интерес представляют работы С.И. Бояковой [Боякова, 1995; 2001] и И.И. Винокурова [Винокуров,1994], актуализировавших вопросы взаимоотношений интересов аборигенного населения с проектами освоения Севера и Арктики в разные периоды XX в. Важный вклад в изучение и осмысление хозяйственной культуры якутов сделал С.И. Николаев-Сомоготто [Николаев, 1995; 1996; 2009].

Целью исследования авторы поставили освещение исторических аспектов жизнедеятельности поселения Сиктях путем выявления исторических закономерностей развития села и характеристики динамики появления социальной инфраструктуры. Для реализации исследования был проведен анализ литературных и архивных источников, полевых материалов авторов, изучены доступные источники по истории развития северного села Сиктях. Кроме того, для достижения поставленной цели была определена роль села в коммуникативном пространстве якутской Арктики, выявлены основные этапы его развития, охарактеризована динамика численности населения, проанализированы основные тенденции изменения социальной инфраструктуры.

Теоретическая и практическая значимость. По результатам исследования авторы отмечают, что история отдельных локальных поселений Арктики может послужить интересным фоном для происходящих в тот период этнокультурных процессов и важным информативным источником для понимания контекста происходивших изменений.

II. Материалы и методы. Применительно к научному изучению самого с. Сиктях Булунского улуса РС (Я) следует отметить, что, несмотря на свою относительно событийную историю, данное поселение еще не становилось объектом специального исследования и ретроспективного анализа. Вследствие дефицита историографии и источникового материала авторы использовали имеющиеся в наличии обобщающие данные, касающиеся истории всего арктического региона Якутии, и собственные полевые материалы, собранные в с. Сиктях. В качестве источника также использованы опубликованные материалы участников Русской Полярной Экспедиции. Некоторые сведения об истории наслега были взяты из интернет-страницы, посвященной Сиктяхскому наслегу на официальном информационном портале Республики Саха (Якутия) [Муниципальное образование…]. На данный момент невозможно полностью верифицировать данные обнаруженного источника, поэтому изложенная в нем информация должна восприниматься критически. Тем не менее данный носитель информации интересен не столько точностью и качеством изложения материала по истории наслега, сколько отражением направлений и хронологической динамики развития местного социума, и в этом отношении источник имеет определенную информативную ценность. Методологической основой работы стал принцип историзма, согласно которому история села была представлена в контексте истории региона и динамики его развития. Структурно-системный метод позволил проанализировать социокультурное и экономическое пространство арктического населенного пункта в нынешних реалиях.

Также был использован прием исторической локалистики и методы социальной антропологии, посредством которых изучена повседневность села в рассматриваемый период. Для этого в сентябре 2022 г. были проведены работы по сбору и анализу исторических, социально-экономических и статистических материалов в библиотеках г. Якутска (указаны в списке литературы), взяты интервью в свободной форме с открытыми вопросами у жителей с. Сиктях по вопросам изучения опыта адаптации к актуальным угрозам и трансформации системы жизнедеятельности, а также проведены полевые наблюдения.

III. Результаты и обсуждение. Свое название село Сиктях получило от якутского слова сиик ‘сырость, влага’, сиктээх ‘влажный’ [Словарь, 2022: 136]. Поселение Сиктях расположено на левом берегу р. Лены за Северным полярным кругом. Раскопки, проведенные А.П. Окладниковым в этом месте, свидетель-

ствуют о том, что «древнейшие жители старого Сиктяха уже умели сначала плавить металл в специальных тиглях из огнеупорной глины, а затем придавать ему желаемый вид» [Булунский улус, 2005: 324]. Здесь были обнаружены топоры, кинжалы и мечи.

На данный момент самые ранние упоминания о поселении Сиктях хронологически относятся к XVIII в. О месте поселка в коммуникативном пространстве в этот период свидетельствуют следующие эпизоды: в 1728 г. Иван* Козыревский построил в Якутске судно «Эверс» отправился на нем вниз по р. Лене до Северного Ледовитого океана, по пути он зимовал в Сиктяхе. В январе вернулся в Якутск, а весной его судно раздавило льдами [Берг, 1935: 160].

Во время Великой Северной экспедиции С.И. Челюскин, командовавший дубель-шлюпкой «Якуцк», вместе с геодезистом Чекиным в декабре 1736 г. выехал в Якутск для отчета В.И. Берингу, но зимним путем до города не доехал. Помешала этому ссора С.И. Челюскина с «одним из якутских заправил» [Островский, 1937], который отказал моряку в передвижных средствах, в результате чего он прожил в Сиктяхе полгода и прибыл в Якутск лишь в июне. Во время работы этой экспедиции в 1739 г. в Сиктяхе дважды останавливался Лакройер.

В XVIII веке не существовало значительного правового акта, определяющего правое положение ясачных Восточной Сибири. В начале XIX в. с назначением сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанского была проведена сибирская административная реформа. В 1822 г. был издан ряд региональных законодательных актов, регламентирующих структуру сибирской администрации и особенности местного управления – «Учреждение для управления Сибирских губерний» и уставы. Якутская область продолжала подчиняться Иркутской губернии, вместо комиссарств учреждались округа. Якутская область была разделена на пять округов: Якутский, Олекминский, Вилюйский, Верхоянский и Среднеколымский. В состав Верхоянского округа входили четыре улуса: Жиганский, Усть-Янский, Верхоянский и Эльгетский. Поселение Сиктях входило в состав Жиганского улуса.

Составной частью реформы 1822 г. был «Устав об управлении инородцев», согласно которому инородческое население подразделялось на три группы: бродячих, кочевых и оседлых. Якуты и эвенки были отнесены к категории кочевых. Согласно законодательству, система и порядок управления инородцев были определены во II и III частях «Устава», были установлены родовое управление, инородная управа и степная дума. Родовое управление создавалось во всех стойбищах, насчитывавших не менее 15 семей, состояло из старосты и 1-2 помощников, подчинялось инородной управе, которая состояла из головы, двух выборных и письмоводителя [Федоров, 1978: 192].

Дионисий Хитров при описании Жиганского улуса выделил в нем четыре главных поселения: Жиганск, Красное, Булун и Сиктях. Считал их главными, потому что их население, хоть и было небольшим, но проживало здесь постоянно в любое время года [Хитров, 1856: 69].

По данным Памятной книжки Якутской области 1863 г., урочище Сиктях считалось местом жительства якутов Жиганского улуса. В 1882 г. в ходе работы Ленской экспедиции ее начальником Н.Д. Юргенсом было отмечено, что население Сиктяха живет оседло, занимается только рыболовством, состоит из 50 человек русских, якутов и тунгусов. Более подробно Сиктях описывал доктор медицины А.А. Бунге: по его сведениям, население составляло 50–60 человек, оно занималось рыболовством и отчасти охотой. Самым выдающимся и богатым жителем поселка был казак Решетников, в доме которого радушно приняли членов экспедиции [Труды, 1895: 11]. Он же строил новый, роскошный по тем временам дом из лежачих бревен, полученных из найденного на берегу плота или барки. Остальные строения представляли собой юрты в форме усеченных пирамид из поставленных наклонно досок или тонких бревен, покрытых деревом, они отапливались очагами или каминами. Интерес представляет упоминание о том, что в Сиктяхе можно было заниматься огородничеством, а редкие зажиточные люди сеяли здесь картофель, редьку и морковь. В настоящее время несколько семей села имеют в хозяйстве теплицу.

*Игнатий в монашестве.

По сведениям начала XX в., летом число жителей урочища Сиктях достигало 70-ти душ обоего пола, а зимой – только 12[1]. Таким образом, прирост населения в рассматриваемый период был незначительным. Летом насчитывалось до 20-ти тунгусских и якутских жилищ в виде урасы и четыре русских дома. Население состояло из крестьян, якутов и тунгусов, которые с мая по август занимались ловлей рыбы. Основной добычей были стерлядь, сельдь, таймень, нельма, муксун и омуль. Осенью охотились на ленных гусей, лебедей и уток, тунгусы уплывали рано утром, а вечером возвращались с веткой*, наполненной дичью. Зимой жители разъезжались по озерам для ловли рыбы и жили, питаясь ею, там до весны. Охотпромысел составляли лисицы, песцы и горностаи. Население передвигалось и перевозило вещи на собачьих упряжках и оленях. К тому же считалось, что эвенки, проживавшие в этом районе, считались лучшими проводниками, они регулярно сопровождали чиновников, церковнослужителей и участников исследовательских экспедиций, проходивших в регионе.

Несмотря на скромное по современным меркам количество населения, здесь имелся хлебозапасный магазин, соляная стойка и часовня. Снабжение севера продовольствием занимало особое место в деятельности местной администрации. На случай голода или неурожая государством было предусмотрено создание казенных запасов хлеба. Государственная политика устройства и распространения казенных запасов служила инструментом для освоения и собирания государственных земель под единую систему управления [Бурнашева, 2020: 14]. В 1822 г. в рамках сибирской административной реформы было издано «Высочайше утвержденное положение о создании казенных хлебных запасных магазинов»[3]. С этого момента до конца XIX в. в Якутии было открыто 18 казенных хлебозапасных магазинов [Бурнашева, 2020: 19], один из них был в Сиктяхе, в трудные времена из него выдавали в ссуду муку голодающим жителям Жиганского улуса. В Сиктяхский хлебозапасный магазин предполагалось поставлять ежегодно от 500 до 1000 пудов. При этом окончательные пропорции ежегодных запасов зависели от потребности, населения, состояния урожая. Контроль над обеспечением их функционирования был возложен на губернатора, он же следил, чтобы магазины открывались в удобных для населения местах. Устройство запасных казенных магазинов в тяжелых климатических условиях при больших расстояниях и отсутствии удобных путей сообщения требовало от местной администрации больших усилий. Для пополнения запасов использовали хлеб, доставляемый из Иркутской губернии, а также местный, приобретаемый в основном у скопцов.

В области действовали также соляные магазины, в Верхоянском округе их было открыто пять, в том числе и в Сиктяхе. Первые архивные сведения об отправке соли в сиктяхский магазин относятся к 1861 г. Из-за удаленности северных округов отдельной проблемой являлась дороговизна доставки груза, что сказывалось на итоговой цене продовольствия. Для доставки соли администрация заключала договоры на осуществление подрядных работ. Например, в 1902 г. перевозка 200 п. соли была оценена в 40 коп. за пуд. При этом перевозчик обязался доставить ее в срок, равный четырем месяцам с момента получения в г. Якутске[4].

Сложные условия жизни населения и удаленность поселения способствовали тому, что в сиктяхских хлебозапасном магазине и соляной стойке повсеместно числились недостачи. Их своевременное выявление было затруднено ввиду географического положения поселения, отсутствия круглогодичного транспортного сообщения. Направленный для учета недостачи хлеба и соли в 1881 г. в Сиктях помощник исправника констатировал, что не смог разыскать документы и учетные книги вследствие того, что все бывшие «письмоводители Жиганского улуса умирали там, не сдавая ничего вновь вступающему писарю»[5]. Проверяющему уда-

[1]Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 278и. Оп. 1. Д. 235. Л. 2.
[2]Мелкая речная лодка для рыбной ловли, была распространена в Северо-Восточной Сибири.
[3]ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. XXXVIII. № 29133.
[4]НА РС (Я). Ф. 12и. Оп. 2. Д. 1532. Л. 6.
[5]Там же: Д. 2231. Л. 29.

лось обнаружить лишь несколько долговых расписок, постановление и ручательную подписку общественников о взятом заеме.

В конце XIX в. возник вопрос о постройке в Сиктяхе церкви, который растянулся на несколько лет. Предыстория ее появления началась в 1896 г. когда Преосвященный Мелетий предложением от 3 июля 1896 г. № 151 известил консисторию, что 25 июня им совершено «основание молитвенного дома с алтарем во имя Казанской божьей матери» в с. Сиктях Жиганского улуса[1]. Инициатором ее создания и первым жертвователем средств на ее постройку стал устьянский мещанин Софроний Иванович Баишев. Он выделил 1000 р. из своих средств и пообещал внести еще 1000 р., также была оформлена сборная книга для учета денег, поступавших от неравнодушных граждан. Эти средства были переданы консистории и положены в сберегательную кассу под проценты. Позднее туда же было внесено еще около 400 р. После смерти С.И. Баишева его вдова Татьяна Александровна Баишева сообщила, что денег, обещанных мужем на постройку церкви, не имеет, но желает исполнить его волю и в счет оставшегося долга обязуется сдать 100 голов оленей: самцов и важенок для последующей продажи на торгах. С переправкой и продажей оленей возникло немало трудностей, но вырученная сумма была присоединена к остальным. К 1902 г. общий капитал на постройку церкви вместе с процентами составил 2212 р. 17 к. В августе 1905 г. вдова обратилась к епископу Макарию Якутскому и Вилюйскому с прошением сообщить о причине промедления в постройке сиктяхской церкви. При рассмотрении этого вопроса Якутская духовная консистория постановила сообщить, что постройка молитвенного дома должна производиться не епархиальным начальством, а наследниками умершего под наблюдением настоятеля жиганской церкви. Вдова, являвшаяся единственной наследницей, отказалась брать на себя такое обязательство по причине плохого здоровья и удаленного от Сиктяха места жительства попеременно то в Верхоянском округе, то в Якутске.

Вновь вопрос о постройке церкви в Сиктяхе и дома священника в Жиганске возник летом 1910 г. Священнику П.А. Бурнашеву, отправившемуся в Жиганск, было поручено обсудить эти планы, чтобы в навигацию 1911 г. сплавить готовые постройки к месту установления. Среди местного населения и жителей окрестностей Сиктяха вновь был объявлен сбор средств. Небогатое население жертвовало что могло, всего было собрано 653 р. В целом в 1910 г. на церковь было потрачено 3500 р. и 714 р. 31 к. на покупку утвари и богослужебных книг.

Из-за отсутствия в селении священника подрядчику К.Д. Спиридонову разрешили установить построенную новую церковь по соглашению с Ф. Шахурдиным и другими жителями. Церковь необходимо было поставить на месте, «которое наиболее прилично для храма божия и намечено с давних пор с тем, однако, условием, чтобы алтарь был обращен к востоку»[2], а окончательный прием здания был произведен священником булунской церкви Л. Винокуровым. Согласно рапорту священника П.А. Бурнашева работы по постройке сиктяхской церкви были завершены в октябре 1911 г.

В начале XX в. Булун играл главную роль на пушной ярмарке, «по стоимости не менее половины всей пушнины» [Зензинов, 2001: 228] попадало в Якутск именно через него. К 1914 г. в Сиктяхе был один купец-якут – приказчик одной из наиболее крупных устьянских фирм. Жители Сиктяха и все окрестное население сдавали ему пушнину, он в свою очередь сдавал ее по городской цене устьянскому купцу, у которого забирал товар в кредит [Зензинов, 2001: 217].

В этот же период район являлся одной из точек привоза спирта. Несмотря на то, что в Якутске тщательно проверяли все идущие вниз по реке пароходы, паузки и лодки, устанавливали посты у населенных пунктов, количество привозимого на север спирта с каждым годом увеличивалось. Например, осенью 1910 г. в Сиктяхе было конфисковано 150 ведер спирта, а близ Сиктяха обнаружены были два каюка, привезших 100 ведер спирта, который успели вывезти в тундру. Позднее выявили, что спирт был привезен крупнейшими устьянскими торговыми фирмами [Зензинов, 2001: 260]. Таким образом, в рассматриваемый

[1]НА РС (Я). Ф. 226и. Оп. 1. Д. 2493. Л. 111.
[2]Там же: Д. 3516. Л. 96.

период Сиктях являлся важным окружным логистическим пунктом.

После установления советской власти с. Сиктях входило в состав Булунского округа, а с 1930 г. – Булунского района. С этого периода село на время потеряло свое прежнее коммуникативное значение, превратившись в обычное арктическое сельское поселение. С началом политики коллективизации на базе населенного пункта в 1930 г. был образован колхоз «Сиктях». В самом селе были открыты: школа, пекарня, магазин-ларек и радиостанция [Муниципальное образование…]. В дальнейшем, вплоть до начала Великой Отечественной войны, об истории села, количестве и этническом составе населения информации практически нет. Известно, что колхоз в 1930-е гг. был по-прежнему ориентирован на ведение традиционных для арктического региона видов хозяйств: оленеводства, охотпромысла и рыболовства. При этом стоит отметить, что еще одной отраслью местной экономики было скотоводство и коневодство. В этом регионе данные виды хозяйствования, привнесенные ранее якутами и нетрадиционные для Крайнего Севера, были уже относительно развиты. По данным на 1 января 1939 г. в Булунском районе было зарегистрировано 665 голов крупного рогатого скота и 470 лошадей. Из них 273 КРС и 368 лошадей числилось на колхозном балансе, остальные (392 и 107 соответственно) – в частных хозяйствах. Почти весь скот к концу 1930-х гг. числился в двух южных наслегах района: Борогонском и Сиктяхском [Стручков, 2005: 135].

В настоящее время определение национального состава этих наслегов периода 1930-х гг. представляется весьма затруднительной задачей. Опубликованная перепись населения 1939 г. показывает, что на момент ее проведения в Булунском районе всего проживало 4992 человека, из них 697 и 921 проживали в поселке Тикси и селе Кюсюр соответственно [Всесоюзная перепись]. Остальные 3374 жителя были разбросаны по остальным населенным пунктам района, среди них численно преобладали эвенки – 1579 человек (46,8%) и якуты – 1270 человек (37,6%). Число русских, проживающих вне п. Тикси и с. Кюсюр, согласно данной переписи, составило 487 человек (14,4%) [Всесоюзная перепись].

Численность населения и национальный состав непосредственно с. Сиктях по переписи 1939 г. на данный момент не установлены и требуют отдельного исследования. Можно лишь предположить, исходя из того, что в последующем количество населения данного села никогда не превышало 300 человек, что в 1930-е гг. общее число жителей вряд ли превышало эту отметку, а, скорее всего, было значительно меньше.

Стоит отметить, что исторически якутское население селилось в южной части Булунского района, в том числе в Сиктяхском наслеге. Этот регион издавна соседствовал с районами традиционного распространения ареала обитания якутов в Жиганском и Верхоянском улусах и естественным образом являлся как местом постоянного обитания, так и объектом их хозяйственного и культурного освоения.

Этнодемографическая ситуация в селе изменилась после начала Второй мировой войны, когда Сиктях снова стал коммуникативным звеном, через которое проходила связь республиканского центра с самыми отдаленными территориями на Севере. Вследствие того, что р. Лена, на которой находится село, являлась в то время единственным каналом транспортного сообщения в регионе, основная связь и перемещение различных грузов осуществлялись почти исключительно по данной водной артерии. В результате речные поселения становились либо перевалочными пунктами, либо конечными объектами доставки людей и различного имущества, обусловленными требованиями военного времени и решениями республиканских властей.

Как известно, Булунский район стал одним из мест переселения жителей Чурапчинского района во время 1942–1943 гг. 11 августа 1942 г. бюро Якутского обкома ВКП (б) вынесло постановление, по которому 30–40 колхозов Чурапчинского района были переведены на Устав рыболовецких колхозов и переселены в места рыбной ловли – Кобяйский, Жиганский, Булунский районы. Всего был перемещен 41 колхоз, в которых числилось 1655 хозяйств (4988 чел.), в том числе в Булунский район – 10 колхозов, 252 хозяйства и 759 чел. [Сивцева, 2000: 82]

В село Сиктях также прибыли баржи с переселенцами из чурапчинского села Кытанах, числившихся в колхозе им. Чкалова. После их прибытия состоялось общее собрание, на котором

было принято решение об объединении двух колхозов в один, названный, как и прежний, «Сиктях». Всего в колхозе в тот момент числилось 30 хозяйств, 120 человек, 800 домашних оленей и 20 коров. Общими усилиями был возведен коровник на 40 голов скота и образована ферма. Большая часть трудоспособного мужского населения занималась рыболовством, остальные, используя ездовых оленей, работали на перевозке грузов из северных районов в Якутск и обратно [Муниципальное образование…].

Примечательно, что военный период в Булунском районе отмечен определенным оживлением скотоводческой и коневодческой отраслей. Количественный уровень поголовья, несмотря на общее кризисное состояние сельского хозяйства в регионе, достиг своего пика в 1945 г., когда во всем Булунском районе в колхозах насчитывалось 513 голов общественного скота, из этого количества 410 голов находилось в Борогонском наслеге. Увеличилась и численность лошадей, составившая в 1945 г. 442 головы [Стручков, 2005: 135]. Хотя при этом остаются неизвестными численность поголовья в частных хозяйствах и их роль в общей динамике развития отрасли. Тем не менее эти данные позволяют сделать предположение, что переселение жителей из Центральной Якутии, т. е. с территорий с развитыми скотоводческими традициями, поспособствовало развитию этих нехарактерных для арктического региона видов хозяйства. Обладая навыками коневодства и обращения с крупным рогатым скотом, перемещенные жители Чурапчинского района вполне могли применять свои знания и технологии на новом месте обитания, адаптируя их к местным суровым условиям. Строительство типовых сооружений (коровников, жилых построек и т. д.), а также применение опыта заготовки кормов, по всей видимости, стимулировало хоть и медленный, но все же рост поголовья скота и, следовательно, способствовало распространению ареала якутского скотоводства на новые территории.

Следует отметить, что данные процессы проходили в условиях жесточайшего общегуманитарного кризиса, вызванного войной. Непродуманная и плохо организованная компания по перемещению нескольких тысяч человек на огромные расстояния в неготовые для приема новых поселенцев районы вызвала среди них неоправданно огромные даже по меркам военного времени жертвы. До сих пор переселение чурапчинцев на север в 1942–1943 гг. считается одной из самых трагических страниц в истории Якутии. Лишенные элементарных жилищно-бытовых условий, доступа к медицинскому обслуживанию и продовольствию, многие из переселенцев погибли от болезней и голода.

Показатели численности проживавших в Чурапчинском районе свидетельствуют о значительном его сокращении. Так, если по состоянию на 1 января 1942 г. было зарегистрировано 16001 чел. всех жителей района, то после обратного переселения (по постановлению от 28 марта 1944 г. Якутского ОК ВКП(б) «О мероприятиях по переселению колхозов Чурапчинского района, ранее переселенных в Кобяйский район») на 1 января 1945 г. – 8795 чел., а на 1 января 1946 г. – 8900 чел. Таким образом, прослеживается сокращение в численности населения в Чурапчинском районе за период с 1942 по 1945 гг. на 44,4 % (7101 чел.). По данным, основанным на архивных сведениях и воспоминаниях, из всех переселенных погибло 23,5 %. При этом наиболее существенные потери понесли именно переселенцы в Булунском районе – 26,1 % [Сивцева, 2000: 82].

Обратная репатриация выживших чурапчинских переселенцев на историческую родину в послевоенное время, вероятно, повлияла на дальнейшую экономическую ориентированность местных хозяйств. Сразу после войны в Булунском районе началось снижение численности скота, достигшей к 1960 г. отметки в 213 голов. Такая же динамика отмечалась и в поголовье лошадей [Стручков, 2005: 135]. Этот процесс совпал с дальнейшим проведением государственной политики по укрупнению хозяйств. В 1952 г. колхоз «Сиктях» был объединен с соседним колхозом «Говорово» и получил название «Новая жизнь». На момент организационного слияния в сиктяхском колхозе насчитывалось 1200 оленей, 27 коров, а также звероферма по выращиванию серебристо-черных лисиц [Муниципальное образование…].

В конце 1950-х гг. областной комитет КПСС и правительство Якутской АССР поставили перед союзным правительством вопрос о реорганизации ряда колхозов северных районов республики в совхозы. В 1960 г. началось укруп-

нение хозяйств и стали образовываться первые совхозы. Так был образован совхоз «Булунский», его центральной усадьбой стало село Кюсюр, находящееся в 189 км от с. Сиктях, чье хозяйство стало отделением нового объединения, занимающимся рыболовством, охотпромыслом и оленеводством.

На протяжении второй половины XX в. во всем Булунском районе, в том числе и Сиктяхском наслеге, отмечалось общее смещение хозяйственной деятельности в пользу рыболовства и охотничьего промысла. Сложившиеся экономические условия в 1960-е – 1990-е гг. (особенно в период застоя) способствовали развитию именно этих отраслей в ущерб более организационно сложным и энергозатратным оленеводству, скотоводству и коневодству. В 1970-е гг., по словам жителей с. Сиктях, в местном отделении совхоза еще разводили оленей и домашний скот. Но постепенно почти все трудоспособное население было вынуждено заняться рыбной ловлей и охотой вследствие переориентации на них местного хозяйства, предусмотренного государственным планированием.

Этот фактор во многом предопределил направление дальнейшего развития с. Сиктях и его современную экономическую специализацию. При этом следует отметить, что одновременно с данным процессом поселение значительно улучшило свою социальную инфраструктуру, повысив тем самым общее качество жизни местного населения. Так, в 1960 г. в селе был организован фельдшерско-акушерский пункт, в 1980 г. – детский сад, а в 1981 г. начала работать малокомплектная школа, образованная на базе уже существующей начальной трехлетней [Булунский улус, 2020: 324].

В постсоветский период село, как и весь арктический регион, оказалось в глубоком социально-экономическом кризисе. Сворачивание государственной поддержки и общая нерентабельность основных отраслей местного хозяйства сильно ударили по благополучию местного населения и вызвали его сокращение.

В наши дни, по данным местной администрации, население Сиктяха составляет 304 человека. Оно представлено якутами, эвенами, эвенками и русскими, продолжающими заниматься рыболовством, охотой, сбором дикоросов (голубика, брусника, шикша (водянка), морошка, красная смородина). Что касается животноводства, то можно отметить, что жители не держат скот и домашних животных, кроме собак. Мужчины работают преимущественно в МУП «Булунское», молодежь – на участке месторождения «Молодо» горнодобывающего предприятия ОАО «Нижнее-Ленское». Но так или иначе основная масса жителей занимается рыболовством. Из объектов социальной инфраструктуры, помимо указанных выше, функционирует библиотека и дом культуры. Половина наличного жилого фонда требует капитального ремонта, центрального отопления нет, подавляющее большинство домов отапливаются дровами, есть несколько твердотопливных котлов. Водоснабжение осуществляется путем привоза воды водовозкой, нет водопровода и канализации, в зимний период питьевую воду получают посредством таяния заготовленного льда. При этом жителей отличает упорство характера и закаленность жизненными невзгодами. При всех проблемах природного и социально-экономического характера опрошенные респонденты не стремятся покидать Сиктях и менять постоянное место жительства (ПМА).

IV. Заключение. Изучение истории небольших поселений якутского Севера позволяет исследователям улучшить понимание основных этапов развития региона и господствующих общественных тенденций в различные эпохи. Через призму таких микроисторических исследований социальная история Арктики предстает сложной агломерацией политических, хозяйственных, культурных и жизненных сюжетов, создавших своеобразное культурное пространство, наполненное уникальными смыслами и нарративами. В этом ключе село Сиктях представляет собой типичный пример удаленных и изолированных арктических поселений, вынужденных выживать и адаптироваться в меняющихся исторических условиях. Собранный материал показывает, что Сиктях, занимая удачное местоположение и выполняя административные функции, стал местом активного взаимодействия различных этнических и хозяйственных групп, формируя особую локальную общность, находящуюся на межкультурном перекрестке.

За свою историю местное сообщество пережило ряд социально-экономических трансфор-

маций, повлекших значительные изменения в их хозяйстве и образе жизни. На протяжении XIX–XX вв. было отмечено несколько примеров применения хозяйственных практик, нехарактерных для арктического региона. Внедрение скотоводства, коневодства и огородничества сыграло значительную роль в развитии села, но при этом не сумело вытеснить традиционные для этих мест занятия – рыболовство и охоту. Именно эти отрасли оставались базовыми в хозяйственной специализации поселения, несмотря на все социальные трансформации и исторические события, влиявшие на данное поселение.

Обобщая все вышесказанное, несмотря на дефицит и отрывочность доступного источникового материала, в целом, можно определить несколько этапов в истории Сиктяха. Не беря во внимание раннее присутствие человека и следы его жизнедеятельности в этих местах в доисторическую эпоху, обусловленную, вероятно, выгодным географическим расположением самого места, где находится село, начальный период в истории поселения начинается в XVIII в. и продолжается вплоть до начала XX в. На этом этапе Сиктях играл роль коммуникативного узла не только в пространственном измерении, но и в административном, оставаясь при этом местом распространения традиционных хозяйственных практик аборигенного населения Арктики, занимавшегося в то время преимущественно охотой и рыболовством. Бурные события XX в. также отразились в локальной истории села, претерпевшего на протяжении всего столетия социальные, этнические и экономические изменения. Активизация миграции из других районов Якутии, вызванной как объективными, так и субъективными факторами, привела к смене прежде всего хозяйственной направленности развития села, привнеся новые традиции и опыт из других регионов республики. Первая половина XX в. характеризуется увеличением значения якутского скотоводческого образа жизни в экономике поселения и переключения части жителей на новые виды хозяйства. Но следует отметить, что эта тенденция не получила своего развития, и во второй половине двадцатого столетия произошел постепенный откат к прежним формам традиционной жизнедеятельности местного населения. В настоящее время Сиктях представляет собой типичное арктическое село, экономически активные жители которого занимаются преимущественно охотой и рыболовством.

Таким образом, реконструкция отдельных эпизодов истории села позволила выявить новые факты, касающиеся функционирования социальных объектов и хозяйственной жизни населения, а также определенные тенденции в его развитии в XVIII–XXI вв. Обращение к истории и жизнедеятельности отдельного северного арктического села представляет интерес не только для научной историографии, но и региональной практики.

Не претендуя в рамках данной публикации на окончательное решение поставленной проблемы, авторы очертили круг вопросов, которые требуют рассмотрения при дальнейшем изучении этой темы. Ввиду отсутствия на данный момент подтвержденных архивных данных об образовании поселения его история требует более детального исследования. Сиктях представляет интерес в плане антрополого-социологических и историко-культурных исследований, в том числе проблематики этнического самосознания местного населения, формировавшегося в течение длительного времени на арктическом перекрестке эпох и культур.

Дополнительные источники и принятые сокращения:

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. Якутская АССР. Булунский район // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2550 (дата обращения: 12.04.2023).

Муниципальное образование «Сиктяхский наслег» // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: https://siktiah.sakha.gov.ru/ob-omsu-rsja/g (дата обращения: 15 апреля 2023 г.).

ПМА – полевые материалы авторов с. Сиктях Булунский улус РС (Я), сентябрь 2022 г.

Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты. Новосибирск: Архимед, 2022. 224 с.

АССР – Автономная советская социалистическая республика

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КРС – крупный рогатый скот
МУП – муниципальное унитарное предприятие
ОАО – открытое акционерное общество
РС (Я) – Республика Саха (Якутия)

Список литературы:

Атласов С.В. История развития скотоводства и коневодства в Якутии (1917–1928 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 152 с.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725–1742. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935. 411 с.

Боякова С.И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932–июнь 1941 г.). Новосибирск: Наука, 1995. 128 с.

Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.) Новосибирск: Наука, 2001. 160 с.

Булунский улус – вершина Арктики / Иванова А.С., Филатова Е.В. и др. Якутск: Изд-во «Сахапечать», 2020. 472 с.

Бурнашева Н.И. Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX вв. М.: АИРО-XXI. 2020. 320 с.

Винокуров И.И. Эвенки зоны Байкало-Амурской магистрали: историко-демографический аспект (1976–1990 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Якутск, 1994. 22 с.

Винокурова Л.И. Кадры сельского хозяйства Якутии. 1961–1985 гг. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. 100 с.

Винокурова Л.И. Аборигенные этносы в модернизирующемся обществе // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск: Наука, 2000. С. 163–188.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. Москва: Наука, 1966. 269 с.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана: сборник трудов [Сост. и авт. предисл. А.Г. Чикачев, И.А. Чикачев]. 3-е изд. Якутск: Якутский край, 2001. 350 с.

Киселев Л.Е. Север раскрывает богатства: Из истории промышленного развития советского Крайнего Севера. М.: Мысль, 1964. 110 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.). Якутск: Якутский научный центр, 1992. 200 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). Якутск, 1993. 120 с.

Коммуникативная культура: история и современность: Матер. VII междунар. науч.-практ. конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 132 с.

Николаев С.И. Происхождение народа саха. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. 111 с.

Николаев С.И. Обычаи народа Саха. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. 45 с.

Николаев С.И. Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 299 с.

Островский Б.Г. Великая Северная экспедиция. 1733–1743. Архангельск: Севгиз, 1937. 206 с. URL: http://www.polarpost.ru/Library/Ostrovskiy-Velikaya_Severnaya/text-Ostrovskiy.html (дата обращения 10.04.2023).

Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). Якутск: Бичик, 2007. 134 с.

Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Севера Якутии в условиях трансформаций XX века: оленеводство на Колыме через призму времени // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 215–229.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000. 149 с.

Стручков А.И. Очерки по истории Булунского улуса. Якутск: Изд-во Бичик, 2005. 360 с.

Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. 174 с.

Труды Русской полярной станции на устье Лены. Ч. 1: Астрономические и магнитные наблюдения за 1882–1884 годы. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1895. 166 с.

Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII–XIX вв.). Якутск, 1978. 207 с.

Хитров Дионисий. Описание Жиганского улуса. СПб., 1856. С. 55–84.

References:

Atlasov S.V. *Istoriya razvitiya skotovodstva i konevodstva v Yakutii (1917-1928 gg.).* [The history of the development of cattle breeding and horse breeding in Yakutia (1917-1928)]. Yakutsk: Yakut Scientific Center of the SO RAN Publ., 1992. 152 p. (In Russian)

Berg L.S. *Otkrytiye Kamchatki i Kamchatskiye ekspeditsii Beringa. 1725-1742* [Discovery of Kamchatka and Bering's Kamchatka Expeditions. 1725-1742]. Leningrad: Publ. of the Glavsevmorput, 1935. 411 p. (In Russian)

Boyakova S.I. *Glavsevmorput' v osvoyenii i razvitii Severa Yakutii (1932-iyun' 1941g.)* [Glavsevmorput in the development and development of the North of Yakutia (1932–June 1941)]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 128 p. (In Russian)

Boyakova S.I. *Osvoyeniye Arktiki i narody severo-vostoka Azii (XIX v.–1917 g.)* [The development of the Arctic and the peoples of the North-East of Asia (XIX century – 1917)]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 160 p. (In Russian)

Bulunskiy ulus – vershina Arktiki. [Bulunsky ulus - the peak of the Arctic]. Yakutsk: Sakhapechat Publ., 2020. 472 p. (In Russian)

Burnasheva N.I. *Vlast' i upravleniye natsional'noy okrainoy: ekonomika Yakutii v XIX – pervoy treti XX v.* [Power and management of the national outskirts: the economy of Yakutia in the 19th – the first third of the 20th century]. Moscow: AIRO-XXI, 2020. 320 p. (In Russian)

Fedorov M.M. *Pravovoye polozheniye narodov Vostochnoy Sibiri (XVII – XIX vv.)* [Legal status of the peoples of Eastern Siberia (17th – 19th centuries)]. Yakutsk, 1978. 207 p. (In Russian)

Gurvich I.S. *Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic history of the north-east of Siberia]. Moscow: Science Publ., 1966. 269 p. (In Russian)

Khitrov Dionysius. *Opisaniye Zhiganskogo ulusa*. [Description of the Zhigansky ulus]. St. Petersburg, 1856. Pp. 55-84. (In Russian)

Kiselev L.E. *Sever raskryvayet bogatstva: Iz istorii promyshlennogo razvitiya sovetskogo Kraynego Severa* [The North reveals riches: From the history of the industrial development of the Soviet Far North]. Moscow: Thought Publ., 1964. 110 p. (In Russian)

Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost' [Communicative culture: history and modernity: mater. VII Intern. scientific-practical. conf.]. Novosib. state un-t. Novosibirsk: CPI NSU, 2021. 132 p. (In Russian)

Kovlekov S. I. *Sel'skoye khozyaystvo Yakutii (1946-1970 gg.)*. [Agriculture of Yakutia (1946-1970)]. Yakutsk: Yakut Scientific Center of the SO RAN Publ., 1992. 200 p. (In Russian)

Kovlekov S. I. *Sel'skoye khozyaystvo Yakutii (1971-1985 gg.)*. [Agriculture of Yakutia (1971–1985)]. Yakutsk: Yakut Scientific Center of the SO RAN Publ., 1993. 120 p. (In Russian)

Nikolaev S.I. *Narod Sakha.* [Sakha people]. Yakutsk: Yakutsky Krai, 2009. 299 p. (In Russian)

Nikolaev S.I. *Obychai naroda Sakha.* [Customs of the Sakha people]. Yakutsk: Sakhapoligraphizdat, 1996. 45 p. (In Russian)

Nikolaev S.I. *Proiskhozhdeniye naroda sakha.* [Origin of the Sakha people]. Yakutsk: Sakhapoligraphizdat, 1995. 111 p. (In Russian)

Ostrovsky B.G. *Velikaya Severnaya ekspeditsiya. 1733-1743*. [Great Northern Expedition. 1733-1743]. Arkhangelsk: Sevgiz, 1937. 206 p. (In Russian)

Sannikova Ya.M. *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v Yakutii (1929-1940 gg.)* [Collectivization of agriculture in Yakutia (1929-1940)]. Yakutsk: Bichik publ., 2007. 134 p. (In Russian)

Sannikova Ya.M. Traditsionnoye khozyaystvo Severa Yakutii v usloviyakh transformatsiy XX veka: olenevodstvo na Kolyme cherez prizmu vremeni. [Traditional economy of the North of Yakutia in the conditions of transformations of the 20th century: reindeer breeding in Kolyma through the prism of time]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2016. № 7 (55). Pp.215-229. (In Russian)

Sivtseva S.I. *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'no-demograficheskiy aspekt (1941–1945 gg.)* [Yakutia during the Great Patriotic War: socio-demographic aspect (1941–1945)]. Yakutsk: Yakut Scientific Center of the SO RAN Publ., 2000. 149 p. (In Russian)

Struchkov A.I. *Ocherki po istorii Bulunskogo ulusa.* [Essays on the history of the Bulunsky ulus]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005. 360 p. (In Russian)

Timoshenko A.I. *Gosudarstvennaya politika formirovaniya i zakrepleniya naseleniya v rayonakh novogo promyshlennogo osvoyeniya Sibiri v 1950–1980-ye gg.: plany i real'nost'* [State Policy of Formation and Consolidation of the Population in the Areas of New Industrial Development of Siberia in the 1950s – 1980s: Plans and Reality]. Novosibirsk: Siberian Scientific Publ., 2009. 174 p. (In Russian)

Trudy Russkoy polyarnoy stantsii na ust'ye Leny. Chast' 1: Astronomicheskiye i magnitnyye nablyudeniya za 1882 – 1884 god [Proceedings of the Russian polar station at the mouth of the Lena. Part 1: Astronomical and magnetic observations for 1882-1884]. St. Petersburg: Print. the Imperial Academy of Sciences. 1895. 166 p. (In Russian)

Vinokurov I.I. *Evenki zony Baykalo-Amurskoy magistrali: istoriko-demograficheskiy aspekt (1976 – 1990 gg.)* [Evenks of the zone of the Baikal-Amur Mainline: historical and demographic aspect (1976–1990)]. Abstract of the thesis. diss. cand. ist. Sciences. Yakutsk, 1994. 22 p. (In Russian)

Vinokurova L.I. Aborigennyye etnosy v moderniziruyushchemsya obshchestve [Aboriginal ethnic groups in a modernizing society]. *Etnosotsial'noye razvitiye Respubliki Sakha (Yakutiya): potentsial, tendentsii, perspektivy* [Ethno-social development of the Republic of Sakha (Yakutia): potential, trends, prospects]. Novosibirsk: Science Publ., 2000. Pp. 163-188. (In Russian)

Vinokurova L.I. *Kadry sel'skogo khozyaystva Yakutii. 1961 – 1985 gg.* [Personnel of agriculture of Yakutia. 1961 – 1985] Yakutsk: Yakut Scientific Center of the SO RAN Publ., 1993. 100 p. (In Russian)

Zenzinov V.M. *Starinnyye lyudi u kholodnogo okeana* [Ancient people near the cold ocean:]. Comp. and ed. foreword A.G. Chikachev, I.A. Chikachev. 3rd ed. Yakutsk: Yakutsk region Publ., 2001. 350 p. (In Russian)

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 43-55

Сведения об авторах статьи:

Григорьев Степан Алексеевич – к.и.н., с.н.с. Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; г. Якутск, Российская Федерация;

https://orcid.org/0000-0001-9365-0122;
detample@yandex.ru

Архипова Алена Ивановна – к.и.н., н.с. отдела истории Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; г. Якутск, Российская Федерация;

https://orcid.org/0000-0002-2464-0534;
ali-titova@rambler.ru

Information about the author:

Grigoriev Stepan Alekseevich – Cand. Sci. (History), Research Fellow of the Center for Arctic Studies of Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Yakutsk, Russian Federation;

https://orcid.org/0000-0001-9365-0122;
detample@yandex.ru

Arkhipova Alena Ivanovna – Cand. Sci. (History), Research Fellow of the Department of History of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Yakutsk, Russian Federation;

https://orcid.org/0000-0002-2464-0534;
ali-titova@rambler.ru

2023; 2(43): 56-68 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.004
УДК: 398.1(=512.122)

Шежире у казахов: мировоззренческий аспект

Р.К. Досмурзинов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан, rustem.dosmurzinov@mail.ru

Аннотация. В данной статье проанализировано влияние традиционных народных верований и исламского мировоззрения на развитие устной исторической традиции казахских шежире, содержащих исторические сведения. Новизна научного исследования заключается в том, что исследуются редкие генеалогические легенды и предания, собранные этнографами в период со второй половины XIX в. до начала XX в. Целью является определение степени влияния религиозных воззрений на развитие устной исторической традиции шежире, в связи с чем решаются задачи: собрать основные материалы генеалогических схем, легенд, преданий казахского народа, выявить в них проявления религиозных воззрений, таких как анимизм, тотемизм, магия и культ предков; создать классификацию произведений шежире на основе их соотношения с религиозными верованиями казахского народа. Отмечено, что в шежире, наряду с описанием исторических личностей и различных генеалогий, исторических событий, прослеживается влияние религиозного мировоззрения, передается «религиозный дух» исторической эпохи. Применены общенаучные и специальные методы исследования: к общенаучным методам можно отнести описание, анализ, к специальным – историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы. Кроме того, в ходе сбора полевого материала относительно устной истории были использованы материалы интервьюирования, проведенного в 2019 г. в рамках этнографической экспедиции ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. В результате анализа материалы казахских шежире разделены на четыре взаимосвязанных типа: 1) этногонические легенды и предания, содержащие идею культа предков и анимизма; 2) шежире, отражающие взаимовлияние доисламского и раннего исламского мировоззрения; 3) генеалогические схемы и таблицы, в которых отражены тотемистические воззрения и культ предков; 4) шежире, связанные с коранических и библейскими сюжетами.

Ключевые слова: шежире, исторический источник, устное народное творчество, мировоззренческие традиции, традиционная культура, казахский народ, Казахстан

Для цитирования: Досмурзинов Р.К. Шежире у казахов: мировоззренческий аспект // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. №2(43). С. 56–68. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.004.

Shezhire as a Worldview Tradition of Kazakh People

R.K. Dosmurzinov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan,
rustem.dosmurzinov@mail.ru

Abstract. This article analyzes the influence of traditional folk beliefs and the Islamic worldview on the development of the oral historical tradition of the Kazakh shezhire containing historical information. The novelty of the research consists in the fact that the author presents rare genealogical legends and tales which were collected by ethnographers

© Досмурзинов Р.К., 2023

during the period from second half of the 19th century to beginning of the 20th century. The aim of the article is to show the relationship between religious beliefs and oral historical genealogies, using materials of oral folk art. The tasks of the article are to provide the basic materials of genealogical schemes, legends, traditions of Kazakh people; to analyze them and show the manifestations of religious beliefs, to create a classification of works shezhire based on their relations to religious beliefs of Kazakh people. The author of the article says that shezhire, along with the description of historical figures and various genealogies, historical events, the influence of the religious worldview is traced, the "religious spirit" of the historical era is transmitted. The general scientific and special research methods are applied: description, analysis can be attributed to general scientific methods, historical-genetic, historical-comparative and historical-typological methods can be attributed to special ones. In addition, during the collection of field material regarding oral history, interview materials were used, conducted in 2019 as part of the ethnographic expedition of the ENU. L.N. Gumilyov. As a result of the analysis, the materials of the Kazakh "shezhire" are divided into four interrelated types: 1. ethnogonic legends and traditions containing the idea of ancestor cult and animism; 2. shezhire, reflecting the mutual influence of the pre-Islamic and early Islamic worldview; 3. genealogical charts and tables, which reflect totemic views and the cult of ancestors; 4. Shezhire associated with Koranic and biblical subjects.

Keywords: shezhire, historical source, oral folk art, worldview traditions, traditional culture, Kazakh people, Kazakhstan

For citation: Dosmurzinov R.K. Shezhire as a Worldview Tradition of Kazakh People. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 56-68. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.004 (In Russian)

I. Введение. К настоящему времени шежире (в узком смысле – устная историческая традиция, генеалогии) казахского народа считается полноценным и современным (свежим) источником исторических исследований. В казахстанской науке созданием теоретических концепций шежире (в каз. «шежіре») занимались Х.А. Аргынбаев, М.С. Муканов, В.В. Востров [Аргынбаев, Муканов, Востров, 2000], Ж.О. Артыкбаев [Артыкбаев, 2012; 2016; 2021], М. Алпысбес [Алпысбес, 2013], Ж.М. Сабитов [Сабитов, 2008], О.Х. Хамидуллин [Хамидуллин, 2005]. В 2007 г. было издано 5-томное собрание по теме «Қазақ рутайпаларының тарихы» («История родов и племен казахского народа»), в котором приводится описание истории и генеалогические схемы крупнейших племен казахского народа [Ғабжалилов, 2007].

Актуальность изучения шежире как исторического источника заключается в том, что шежире казахского народа содержит большой материал по истории, духовной культуре. В советский период изучения по устной истории казахского народа была издана всего одна работа, следовательно, информационный потенциал шежире в исторических и этнологических исследованиях не исчерпан [Муканов, 1974]. Кроме того, в условиях традиционного общества шежире играло интегрирующую и этноконсолидирующую роль, однако в настоящее время шежире такую функцию не выполняет [Артыкбаев, 2012: 490]. Вместе с тем шежире в модифицированных вариантах может стать основой для развития национальной идеи в современном Казахстане [Аккулы, 2016: 327].

Следует отметить, что шежире как культурный феномен может быть широко использован в рамках примордиалистской теории этноса и этничности, потерявшей былую значимость; в современных конструктивистских концепциях шежире теряет прикладное применение, поскольку шежире всегда указывало на принадлежность к той или иной этносоциальной группе, на «знатность» и «родовитость». В рамках теорий гибридности культуры материалы шежире также могут быть малоприменимы, однако ценным преимуществом шежире как исторического источника является содержащееся в нем колоссальное количество сведений по истории кочевых народов.

Согласно определению современного казахстанского историка Ж.О. Артыкбаева, шежире является особой формой литературного творчества и одновременно суммарной исторической памятью. По мнению данного исследователя, общие контуры устного творчества включают популярные эпические поэмы, толгау (фило-

софские сюжеты), пословицы и поговорки, а иногда и какие-либо точные оценки тех или иных исторических событий или их участников [Артыкбаев, 2016: 12]. Иными словами, к традиции шежире можно отнести генеалогии, исторические сказания, а также предания, легенды, поэмы, мифы, пословицы и поговорки казахского народа, которые связаны с историей.

На протяжении веков шежире передавались в устной форме, записывались на основе арабской письменности и хранились в домашних условиях. Особенность передачи шежире заключалась в том, что материалы шежире заучивалось еще в раннем детском возрасте. Со второй половины XIX в. изучением устной исторической традиции казахского народа занялись российские исследователи, зафиксировавшие в своих трудах уникальные сведения о прошлом казахского народа.

Цель работы – определить степень влияния религиозных воззрений на развитие устной исторической традиции шежире. Согласно гипотезе исследования, религиозные воззрения лежат в основе распространения традиции шежире. Поэтому задачами являются следующие: собрать основные материалы генеалогических схем, легенд, преданий казахского народа; выявить в них проявления религиозных воззрений, таких как анимизм, тотемизм, магия и культ предков; создать классификацию произведений шежире на основе их соотношения с религиозными верованиями казахского народа.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты данного исследования указали на ценность шежире как исторического источника по изучению религиозного мировоззрения, в материалах шежире был выявлен домусульманский пласт. Исходя из содержания материалов шежире, был создана классификация произведений данного жанра в их соотношении с религиозными верованиями. Так, в ходе исследования были определены доисламские элементы в шежире казахского народа, содержащие влияние анимистических, тотемистических, магических воззрений, культа предков.

II. Материалы и методы. В работе использовались общенаучные и специальные методы. К общенаучным методам, применявшимся в данном исследовании, можно отнести методы описания, анализа; специальные методы составили историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы. Историко-генетический метод позволил выявить изменения в материалах шежире в ходе исторического развития, среди них определены такие, которые были вызваны распространением исламской религии. Сравнительно-исторический метод дал возможность привлечь материалы по устной истории различных тюркских народов и сравнить эти сведения с материалами шежире казахского народа. Историко-типологический метод позволил выделить виды произведений, относящихся к шежире, и создать классификацию, соотнеся их с различными формами религиозных верований. Основу полевого материала составили материалы интервьюирования, проведенного в 2019 г. в рамках этнографической экспедиции ЕНУ им. Л.Н. Гумилева в населенных пунктах (сс. Акмол, Тасты, Тайтобе) Акмолинской области.

Отнюдь не во всех произведениях шежире отражены религиозные аспекты, что определило выбор использованных материалов произведений устной исторической традиции и методы их интерпретации. В настоящей статье были использованы записи устных преданий и генеалогий казахского народа, принадлежащие известным этнографам: Г.Н. Потанину (1835–1920) [Потанин, 2005], Ч.Ч. Валиханову (1835–1865) [Валиханов, 2007], М.Ж. Копейулы (1858–1931) [Көпейұлы, 1993], а также неопубликованные работы этнографа Ф.А. Фиельструпа (1889–1933).

III. Результаты и обсуждение. Журналист, этнограф и политик А.Н. Букейханов (1866–1937), обращаясь к истории казахского народа, подчеркивал ценность устной истории: «…Но та же родная степь, нередко являясь мачехой, сплотила киргизовъ въ одну общую и крепко связанную въ своихъ интересахъ въ борьбе съ окружающей суровой природой націю. Она является огромной общиной, подразделенные на «Жұзы» и «Руы» (орды и роды), но связанной съ однимъ общимъ «адатомъ» (обычное право), заставляющимъ все жузы и руы подчиняться установившимся общимъ порядкамъ. Ни одинъ иъ этихъ родовъ не отказывается отъ подчинения, кроме своего родового частнаго «урана» (боевой кличъ), общенародному «Алашъ», обязывающему каждаго киргиза

беспрекословно идти на помощь обиженному собрату, забывая даже междоусобицы и хотя бы въ виду сильнаго непріятеля и неминуемой отъ него смерти. Эта-то своеобразная и интересная жизнь киргизовъ отразилась, какъ въ зеркале, въ ихъ разнообразной и богатой устной поэзіи. Многіе изъ этихъ произведеній носятъ на себе следы глубокой древности и печать отдаленнаго прошлого жизни, быта и верованій киргизовъ» [Букейханов, 1899]. Так лидер движения «Алаш» охарактеризовал значение материалов шежире в системе общественных отношений и степной исторической традиции в целом.

Первые научные исследования шежире были совершены дореволюционными исследователями. Известный этнограф XIX в. Г.Н. Потанин привел сведения о шежире (генеалогии) рода керей Среднего казахского жуза: «Киргизы, обитающие в степной долине Черного Иртыша, принадлежат к роду Абак-Кирей и Кара-Кирей, первые занимают восточную часть Иртышско-Зайсанской впадины, вторые – западную. Абак-киреи говорят, что они называются, кроме того, еще Ашимайли-Кирей, не объясняя по какой причине, и что они делятся на 12 колен, которые все происходят от одного корня; древнейший отец всего Кирейского народа был Сары-Юсунь сын его Кара-бий, сын Кара-бия – Абак, сын Абака – Кирей; у последнего же было 12 сыновей, от которых и происходят колена Киреев. Имена этих двенадцати колен следующие: 1) Джантыкей, 2) Джадык, 3) Череучи, 4) Ители, 5) Кара-касс; 6) Мулку; 7) Чубар-айгыр; 8) Меркит; 9) Итенгмян, 10) Джас-табань, 11) Сарбас, 12) Чий-моин [Потанин, 2005: 6]. Среди указанных названий 12 поколений исследователем отмечено наименование меркитов, распространенного не только среди остальных этнических групп казахского народа, но также у алтайского, бурятского, халха-монгольского и хазарейского народов. Относительно нисходящей генеалогической схемы необходимо отметить, что по данному принципу формировались и генеалогические линии других этносоциальных групп казахского народа. Также нужно подчеркнуть, что название керей в различных формах встречается у других народов, а в форме «керейіт» – среди племен Младшего жуза. Распространенной точкой зрения является версия о происхождении слова «керей» от монгольского слова «хэрэ» («ворон», в каз. – «қарға»). Вероятно, ворон являлся тотемом данного этносоциального объединения, на возможное влияние тотемистических воззрений указывает также название поколения «шұбар айғыр» («чубарый жеребец»). Примечательно, что название «сарыүйсін» является также наименованием одного из племен Старшего жуза, тамга которого изображает рыболовную снасть («абақ»). На данный факт обратил внимание Ч. Валиханов, указавший в труде «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», что дети первопредка уйсунов Майкы бия «носят собирательное имя – Абак» [Валиханов, 2007: 59]. Таким образом, на основе генеалогии одной из казахских этносоциальных групп можно утверждать о взаимосвязанности различных крупных этносоциальных объединений внутри одного народа.

Тем не менее в шежире казахского народа существовали также другие принципы консолидации. Так, одним из наиболее древних сюжетов шежире является этногоническая легенда об Алаша хане. Г. Потанин привел следующий ее вариант в работе «Очерки Северо-Западной Монголии» (1883): «…Уран всего киргизского народа есть: Алаш! …Другое выражение: алаш алаш булганда, Алаша хан булган да, то есть: во время (поветрия) «алаш», заключающегося в появлении пятен на теле, хотя ни ран, ни боли нет, но болезнь не излечима, таких людей отделяли. У хана заболел сын этою болезнью, и отец держал его при себе; народ начал говорить: «Почему у простонародья больных отделяют, а у хана нет»….» [Потанин, 2005: 16].

Г. Потанин указал на события, относящиеся к происхождению казахского народа: «Триста человек, собравшись, сделали между собой уговор – избрать из своей среды кого ханом, кого предводителем войска. Первого прибывшего Уйсуна-батыра со ста человеками поселили вверх по течению реки; второго Булата со ста человеками джигитами поселили ниже Уйсуна посредине той же реки; третьего Алчина-мурзу также со ста человеками – ниже первых двух у нижней оконечности реки. …Затем, разостлав белые кошмы и алаша, посадили на них того мальчика и подняли вверх, как хана, дав ему имя Алаша-хан. В народе (они) славятся «Алаш», а потому все казацкое население считается происходящим от этих трех Алашев.

…Потому-то казаки и названы детьми Уш-юза (детьми трех сотен)» [Потанин, 2005: 131].

Далее Г.Н. Потанин перечисляет «детей Уш-юза»: «Улу-юз (Большая орда) Уйсун; род этот расположен в Семиреченской области около Пишпека, Токмака и в туркестанском крае. В этой орде есть пришельцы, керме; Канлы и Чаншклы; они тоже вместе с другими сообща называются Уйсунами. …Кши-юз (младшая орда): Джаббас, Алим-Чомен; среди них есть керме…Тама, Табын, Телеу, Рамадан и Джангал-байлы. Все они называются Кши-юзем (Малой Ордой). Большая часть этой орды, Джаббас и Джагал-байлы, находится в оренбургской степи. Остальная часть, три волости – Тама, Алчин и Джагал-байлы, кочует в Акмолинском уезде. Одна волость таминцев находится в Туркестане. …Перечислю теперь Орта-юз (Средняя орда). Сыновья Булата: Ак-кожа и Кара-кожа. Сыновья Ак-кожи: Найман и Конграт. Конгратовцы находятся в Туркестанском округе и в горах Каратау. Найманцы расположены в Семиреченской области и в Усть-Каменогорском уезде. Есть еще Кызай-Найман; часть их есть в Китае. И еще пять волостей Баганалы-Найман числятся в Атбасарском уезде. Сыновья Кара-кожи: Аргын и Кыпчак. Кыпчаковцы есть около Кокана, Ташкента, Туркестана, Перовска, на Тургае, в оренбургской степи и две волости в Акмолинском уезде» [Потанин, 2005: 132]. Следует отметить, что в ходе этнографической экспедиции были проведены интервью. По его результатам 2 респондента указали на свою принадлежность к роду «құлан қыпшақ». Так, житель с. Тасты Г.Е. Батбаев (1952 г. р.) является прямым потомком ага-султана (старшего султана) Акмолинского округа Ибраимова Жаикбая (1863 г. р.). Житель с. Тайтобе Ж. Жакин (1929 г.р.) описал исторические события, связанные с переселением рода кыпшак в данную местность, указав на то, что одной из причин был приход казаков («қара шекпенділер», букв. ‘носящие чекмени черного цвета’ – так казахи называли казаков). Данные сведения были получены респондентами в устной форме и сохранились в качестве традиции.

Однако история рода «құлан қыпшақ» является гораздо более древней и восходит к эпохе средневековья. По легенде, Чингисхан узнал о смерти своего сына Джучи (Жошы) от народного сказителя Кетбуги. В кюе (музыкальном жанре) Кетбуга передал обстоятельства гибели Джучи. Согласно легенде, «Джучи отправился на охоту с батыром Домбаулом из рода кыпшак. В безлюдной степи они увидели тысячный табун куланов. Джучи стал просить батыра застрелить кулана. Домбаул же отговаривался тем, что среди большой группы куланов могут встретиться священные животные, а это может навлечь большие неприятности. Но все же, поддавшись на уговоры, Домбаул отправился в табун. Выстрел напугал куланов, и они пошли на Джучи, увлекая его коней. Джучи исчез в тучах пыли. Услышав о гибели Джучи, Чингисхан якобы произнес тюркский жыр (устная песнь)» [Көпейұлы, 1993; Артыкбаев, 2012: 114]. Вероятно, кулан был тотемом определенной родоплеменной группы, поэтому чрезмерная охота на куланов запрещалась. Указанная выше легенда передает то, что причиной гибели Джучи хана стало нарушение древнего табу. Примечательно, что в казахских легендах Чингисхан называется Алаша ханом, а Джучи – сыном Алаша хана.

Вернемся к этногонической легенде об Алаша хане. Вариант единой генеалогии казахского народа, представленный в записях Г.Н. Потанина, является одним из наиболее полных и точных. Предание о хане Алаша объединяло различные казахские этносоциальные группы, играло функцию национальной идеи. Кроме того, зарождение обычаев гостеприимства также связывается с личностью Алаша хана, завещавшего четвертую часть своего имущества в качестве предоставления крова и еды повстречавшемуся путнику («қонақ асы»).

Позднее Г. Потанин привел другой сюжет легенды об Алаша-хане: «Давным-давно у одного хана родился необыкновенный сын; он был полосатый (ала). Хану стыдно было иметь такого сына, и он велел отвезти его куда-нибудь далеко. Вельможи исполнили его приказание. Ребенка нашла в степи какая-то старуха, собиравшая тезек, и стала его воспитывать. Пока ребенок рос, благодаря его святости, старуха разбогатела. Став юношей, найденыш отличался красотой и ловкостью, искусством ездить верхом, силой и особенным умом. Молва о нем быстро распространилась по степи и дошла до отца-хана, который догадался, что это его сын. Тогда он пожелал возвратить сына в свой дом и послал за ним сто человек, чтобы привести его. Когда по-

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 56-68

сланные увидели юношу, они так были поражены его достоинствами, что не захотели более вернуться домой и остались у него. Через год хан опять отправил сто человек, которые сделали то же самое, что и первые. Наконец, хан посылает третью сотню. И эти не вернулись. Триста человек подняли юношу ханом и прозвали его Алаша-ханом от слова ала, «полосатый». Алаша-хан разместил этих людей по степи; потомки их образовали три сотни (джюз) казацкого народа. Отсюда уран всех казаков Алаш, сокращенное от Алаша. У казаков есть поговорка: казак казак болганнан, алаша кан болганнан, мундай кылык болган имес алаштын баласы – «с тех пор как казаки стали казаками и Алаша стал ханом, так не поступали потомки Алаша» [Потанин, 2005: 118].

Но Кызыл Арыстан (вышеупомянутый хан, букв.: ‘красный, рыжий лев’) снова и снова отправлял гонцов, и аксакалы отправили еще сто джигитов во главе с Алшыном сыном Когама, а вместе с тем отправили со ста джигитами еще тринадцать аксакалов…Собравшись, все три сотни посадили пятнистого мальчика на ковер (алаша), подняли на вершину Улутау и возгласили его ханом…Произошло это на горе Улытау, а хана провозглашенного звали Алаша хан. Тех, кто пришел первым, во главе с Уйсуном, прозвали Старший жуз – Уйсуном. Условились все они меж собой, что этот жуз снабжал войско и во время военного похода не воевал, а составлял надежный тыл. Тех же, кто пришел вторым во главе с Болаткожа, прозвали Орта жуз (Средний жуз), во время военных походов располагались они рядом с самим ханом и защищали его. Прозвали Средний жуз – Акжол. И, наконец тех, что пришли во главе с Алшыном и составили третью сотню прозвали Младший жуз – Алшын, условились, что они всегда будут составлять передовой фронт в условиях военного похода [Потанин, 2005: 131]. Вот почему и прозвались казахи тремя жузами. Следует отметить, что в основе данной легенды лежит культ единого мифического первопредка, обладавшего отличительной чертой – пегостью. В древности болезнь проказы называлась «алапес» (в каз. «ала» – пестрый, пегий). Примечательно, что название «калаш» носит один из дардских народов; в составе туркменского народа присутствует этносоциальная группа халаджей [Аманжолов, 1997: 53].

Современный историк Ж. Артыкбаев приводит другой вариант указанной выше легенды: «В давние времена должны были быть у казахов предки по имени Жуз, Алаш. Условились, что наименование „жуз” будет соответствовать роду, прозвание „алаш” – военному кличу. Сказали, что при набеге на врагов громко произносили военный клич „алаш, алаш”… Остались с того времени такие слова: „Алаш, алаш болғанда, Алаша хан болғанда, үйіміз ағаш, ұранымыз Алаш болғанда, үш жүздің баласы қазақ емес пе едік”, т.е. „Разве не были мы тогда казахами, когда Алаш стал алашем, когда был Алаша хан, когда дом наш был деревянный, когда клич наш был «Алаш!” До времен хана Алаша казахи не были единым народом, страной.

Одни говорят Болаткожа, другие – Акжол. Но сказывают, что это один и тот же человек. Сказывают также, что Акарыс, Жанарыс и Бекарыс являются предками трех жузов. Другие же говорят, что были и такие предки, имена которых – Аксак Келимбет, Каракелимбет, Сарыкелимбет, Науан, Шодан» [Артыкбаев, 2015: 281]. В этой связи следует указать, что в сюжетах казахских легенд о хане Алаша присутствует образ «пегой лошади» («ала тай»), а пестрый цвет считается сакральным. Пестрая веревка являлась элементом обряда детского цикла «тұсаукесер» («перерезание пут»), совершавшегося тогда, когда ребенок только начинал ходить. Кроме того, боевой клич «Алаш!» был общим для трех жузов, вместе с тем отдельная этносоциальная группа имела также свой клич («ұран»). Например, кличем племени найман Среднего жуза было слово «қаптағай», что находит аналогии в якутских мифах о Каптагай баатыре [Алексеев, 2004: 349].

Таким образом, казахское шежире представляет раннюю биографию Алаша-хана как царственного изгнанника, не признанного своим родным отцом и обреченного вести бродячий образ жизни. Тогда же определяется место его обитания – правобережье Сырдарьи, предгорья Алатау и Каратау. Первоначальная отличительная черта принца – его пегость, он весь родился в пятнах, как сорока («сауыскандай») [Артыкбаев, 2015: 281].

В современных научных исследованиях предпринимались различные попытки соотнести Алаша хана с историческими личностями.

По материалам русских летописей установлено, что в записях XII в. неоднократно упоминалась орда Бурчевичей. Представляется вероятным, что территория, занятая этой ордой, может быть локализована на речке Волчьей — притоке Самары (левом притоке Днепра), поскольку название орды происходит, скорее всего, от тюркского bŏri — волк (бурчевичи — волки). В этой связи интересен поэтический рассказ, помещенный в русской летописи предположительно 1097 г. о волховании хана Боняка перед битвой на Вягре: «...и яко бысть полунощи и встав Боняк и отъеха от рати и поча волчьски выти» [Плетнева, 1990]. В шежире Младшего казахского жуза указаны родовые подразделения алаш, берш, тортуыл, таз и др. Поэтому можно выдвинуть предположение о том, что легенда об Алаша хане имела реальную подоснову в раннесредневековой истории евразийской степи.

В устной исторической традиции казахского народа описывается сюжет о Уыз хане (Огуз хане): «Со времен Алаша хана среди тюрков еще не было ни одного верующего. Если сын становился верующим, то отец убивал его, а если отец становился верующим… По традициям страны Мугол имя ребенку давали только по истечении года. Когда ребенку исполнялся год, он выглядел как десятилетний. Карахан объявил об этом народу («сауын айтып») и устроил большой той с конными забегами. Пригласили ребенка и собравшимся (хан) сказал:

– Оцените этого мальчика («баланы сынап») и дайте ему имя.

Ребенок, опередив всех, заговорил:

– Меня зовут Уыз, прозвище – Кысырау!

Все бывшие здесь люди дивились:

– Где это слышно, чтобы заговорил однолетний ребенок?!

– Он ребенок особенный, будет долго жить, добьется счастья, будет править миром, распространится его власть далеко отсюда, – предрекали беки.

Как только Огуз начал говорить, он непрестанно произносил: „Алла, Алла!”» [Артыкбаев, 2015: 290]. Вероятно, мусульманский пласт в данной легенде является наиболее поздним, в материалах данной легенды сообщается о доисламской традиции имянаречения.

В XIX в. историк Ж. Копеев обратил внимание на значение Уыза (Огуза) в истории казахского народа: «…Уыз хан ставил именами своим детям знаковые и священные названия вещей. Таковы имена Күн (Солнце), Ай (Луна), Жұлдыз (Звезда), Көк (Небо), Теңіз (Море; в венгерском языке словосочетание «kék tenger» означает «синее море»). Эти имена до сих пор имеются у наших казахов. Если ребенок родится в начале месяца, то его называют Айбас, если ребенок рождается на заре, то называют его Таңатар, на восходе солнца – Куншыгар, в середине ночи – Түнқатар, на берегу озера – Көлбай, на горе – Таубай, на джайляу – Жайлаубай, на зимовке – Кыстаубай, на осенней стоянке – Кузекбай, Күзеубай, на реке Есил – Есілбай, на р. Нура – Нұрабай. ... Вторая традиция – войлочная юрта. До сих пор если кто-то не нашел чего-то и вернулся ни с чем, говорят: «Осы Уыз үйлі Айдаболдан таппағаның ба?» – неужели нет у Айдаболов с юртой от Уыз хана (Айдабол – родовое подразделение). Третья традиция – на разные мероприятия резать в большом количестве лошадей, овец, заполнять черную сабу кумысом. Четвертая традиция – подарки и подношения по числу девять: на похоронах и поминках расход скота по девять. Когда умирают богатые баи от участников жаназы (препровождающая молитва) спрашивают: „Сколько было расходовано тогызов?”» [Артыкбаев, 2015: 293]. В данном предании проявляется влияние культа природы (названия астрологических объектов и явлений, выступавшие в качестве имен), культа предков (устройство пышных празднеств в честь духов предков), сакрализация числа девять.

В шежире казахского народа вошли также материалы об истории раннего ислама: «Когда настали трудные времена… распространилась слава, что „из арабского народа вышел пророк Мухаммад”. И из региона Туркестана, из тюркского народа, от каждого кыпчакского рода 92 батыра оседлали коней: „Поедем и увидим пророка, если он хорош, то присоединимся к нему”. Оседлав коней и взяв в руки оружие, они поскакали по пустыне, доехали до пророка Мухаммада, тогда когда он воевал в третьей войне. В это время все прибывающие присоединялись к кафирам. К мусульманам никто не присоединялся. Вдруг с восточной стороны увидели они пыль. Те, кто скакал с востока, направились к мусульманам. „Они приехали нам помочь”, – обрадовались мусульмане, но батыры не знали ни арабского, ни персидского языков.

Тогда Абубакир Сыздык, обращаясь к Пророку, сказал: „Мой отец Какафа был из тюрков, и они приехали из Туркестана. Говорите на тюркском". Когда Пророк спросил на тюркском языке, они кивнули в ответ: „Мы приехали вам помочь в борьбе с кафирами".

Они вели войну, которая была для них привычной. Разгромили они врагов. Многие кафиры приняли мусульманскую религию. Главный батыр среди них – Аккосе, его приближенные: Малик, Актам, Куттыкожа, Еркоян. Пророк спросил у них: „Вы из какой религии?" – они в ответ: „Мы не знаем религий, не держим ураза и намаз не читаем", „Нас так научили, что мы потомки пророка Уыз", – ответили тюрки. В те времена казахи не понимали ислам и говорили: „Мы потомки пророка Озган", т.е. Уыз хана.

После этого боя пророк, обрадовавшись, сказал: „Эл турки хайыр и умбет". Это значит, что тюрки – один из преданных ему народов. После этого они всю жизнь провели вместе с пророком, их назвали Ансары. Мухажаранские ансары – не из потомков Кыбылинского рода. Переехавших с Мекки в поисках пророка называли Мухажарами. Тех, кто помогал пророку во время войны, называли Ансары. „Далсабтун алал улынмен ал – мухажырыш уа ал-анзар" – это значит, что мухажары и ансары выделились в войне с кафирами. Отца братьев Аккосе и Малика звали Назир. От Малика родился Анас. От Анаса произошли: тюрки, каракалпаки, казахи. Может, и есть потомки, о которых мы не знаем. В некоторых случаях наши предки говорили: „Мы от Сахабы Аккосе".

После смерти пророка во времена правления халифа Гумар хазырет во время войн с неверующими муг, тарса Аккосе, Имамбаир, Куттыкожа и другие сахаба погибли в Каратау шахидами, могилы расположены там. Поэтому есть обряд посещения их могил (зиярат қылу), некоторые указывают могилу Аккосе сахабы, считая себя „его потомками". На сегодняшний день могилу этого человека в Каратау называют Дамбы ата. Люди, которые рассказывают это в виде былин, говорят: „Аккосе сахиба со своим другом Еркоян умерли как шахиды", „Голова Аккосе слетела с плеч и продырявила землю, проскочив под землей, затем его голова появилась у Замзам Шарифа". Сейчас то место, где якобы упала голова, каменистое, среди скал из красного камня имеется колодец. Однажды те, которые пришли на могилу, обвязали на пояс аркан и спустили человека. Поднявшись, человек сказал: „Когда мы спустились, наткнулись на камень, там течет вода на запад. Вода течет и течет. На краю есть тропинка, по которому может пройти человек. Не видно конца и края. Сверху свисает лед. Под землей вроде бы ледовая сосулька, а как подняли на землю, превратилась в камень". В древние времена один человек бросил свою палку, палка уплыла. Он поднялся на землю и в поисках палки пошел в Мекку. Его палка вперед него вышла из Замзам Шарифа» [Артыкбаев, 2012: 332].

В данном предании раскрывается взаимодействие исламской религии и более древних верований, сформировавшихся в местных условиях. Так, например, в предании указаны 92 батыра (упомянутая выше сакрализация числа девять), следует также добавить, что основу этносоциальной структуры Золотой Орды составляли 92 племени («тоқсан екі баулы қыпшақ»). Кроме того, следует отметить, что обряд посещения могилы стал исламским обрядом, хотя его происхождение связано с культом предков.

Родоплеменная структура традиционного казахского общества и знаки кланов (тамги) представлена на рис. 1.

Следует отметить, что в материалах шежире казахского народа сохранились весьма архаичные сведения о великом потопе и Ноеве ковчеге. По казахским преданиям, ковчег пророка Ноя (Нух) нашел пристанище на горе Казыгурт («Қазығұрттың басында кеме қонған»; местонахождение горы – Казыгуртский район, Туркестанская область). «Старшего сына пророка Ноя звали Сам. Арабский народ – потомки Сама. Они придерживаются лунного календаря и считают началом нового года месяц «мухаррам» [Артыкбаев, 2012: 273].

Потомком среднего сына Ноя Хама (Йама) был гигантский богатырь Немврод (Нимврод). Согласно мифу, сохранившемуся у венгров, у богатыря Менрота (Немврода) было два сына – Хунор и Магор (киммерийцы и скифы). По легенде, следуя за оленем, Хунор и Магор подошли к озеру Меотида (Азовское море). Обойдя его, Хунор и Магор увидели землю, в которой было множество диких животных, зарослей. Вернувшись, Хунор и Магор попросили у отца разрешения поселиться там. Магор стал пред-

2023; 2(43): 56-68 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

Рис 1. Родоплеменная структура традиционного казахского общества и знаки кланов (тамги). Фото автора

Fig. 1. Tribal structure of traditional Kazakh society and signs of clans (tamgas). Photo by the author

ком финно-угорских народов (ханты, манси и др.), а Хунор (Хун) стал предком тюрко-монгольских (огузы, кипчаки и др.) и тунгусо-манчьжурских народов.

Уникальные сведения по шежире казахского народа нового времени приводит этнограф Ф.А. Фиельструп. Так, в генеалогических схемах казахов Младшего жуза исследователь дает информацию о роде туркмен адай, получившем название, по его мнению, из-за ношения одежды, похожей на одежду туркменского народа. Согласно записям, род кырыкмылтык («қырықмылтық») произошел от сорока мужей, носивших ружья[1]. В материалах шежире, предоставленных Г.Н. Потаниным и Ч. Валихановым, описание данного поверья отсутствует [Потанин, 2005; Валиханов, 2007]. Число «сорок» также считалось сакральным – в народной среде бытовали поверья о сорока святых («қырық шілтен»).

Данный исследователь записал малоизвестные сведения об исторических событиях XVIII в.: «В 1740 году Аблай хан (в Семиречье в это время были калмыки) вместе с 5 батырями: кара-кесек Камамбай, канжігалі Богумбай, кокжал Барак, тарактан шіккан Таттыбай, каралас ер Жаугас – сделал разведку в сторону торгаут калмыков этих. На р. Или был один калмыцкий хан, на Каратале – другой. Аблай хан вздумал их землю взять. В 1740 вместе с джигитами трех орд они покорили Алматы контажі, который бежал в Кульджу. На Уш Каркара Коктобе он (контажі) прощался со своей землей. Сказав так, он хотел повернуть коня, но от горя и печали тут же и умер. Казаки заняли эти места – Большая Орда. Затем они прошли дальше и завоевали другие земли для других…»[2]. В войнах между Джунгарским и Казахским ханством имелись также религиозные аспекты, поэтому эти события находят отражение в материалах устных преданий. Так, в материалах шежире часто упоминается религиозная принадлежность тех или иных исторических личностей, более того, по одной из версий слово «калмак» происходит от тюркского слова, означающего «оставшихся в старом вероисповедании»; название «калмак» встречается в генеалогиях многих крупных казахских родов и племен.

В вышеуказанных шежире выделены наиболее типичные материалы по устной истории казахского народа: 1) этногонические легенды об Алаша хане и Уыз хане; 2) материалы шежире,

[1]Научный архив Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН). Ф. 94. Л. 24.

[2]Научный архив ИЭА РАН. Ф. 94. Л. 19.

связанные с историей раннего ислама; 3) генеалогические схемы и таблицы; 4) материалы шежире, описывающие библейские и коранические сюжеты, а также религиозные аспекты войн. При отборе материалов шежире особое внимание уделялось записям Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова, поскольку в них отражены наиболее полные сведения по шежире. Труды Шакарима Кудайбердыулы (1858–1931) [Құдайбердіұлы, 2007] и Курбангали Халида (1846–1913) [Халид, 2006] также имеют большую ценность как исторические источники, однако, поскольку одной из задач данного исследования являлось выявление доисламских верований (анимизм, тотемизм, магия, культ предков), они не были использованы, потому что в этих работах в той или иной степени отражено влияние исламской мировоззренческой традиции.

Среди работ современных исследователей важное значение для изучения шежире представляют труды историка и этнографа Ж.О. Артыкбаева. В своих работах данный исследователь интерпретировал значительный пласт устной степной историологии, составляющей шежире. Согласно мнению данного исследователя, основное место в панораме исторической эпохи в шежире занимает историческая личность, т. е. механизмом формирования шежире служит персонификация истории. Кроме того, исследователь отмечает, что «далеко не каждый жанр народной литературы может быть признан устной традицией» [Артыкбаев, 2012: 27]. Поэтому исследователь обратился к истории тюркских народов, изучив материалы устных исторических источников и применив персонифицированный подход, например через изучение деятельности таких исторических (или полумифических) личностей, как Эллей боотур [Артыкбаев, 2016], Аршак (Арсак) [Артыкбаев, 2021: 78].

Таким образом, проанализировав собранные материалы, относящиеся к жанру шежире, можно составить следующую классификацию (рис. 2):

Рис. 2. Классификация шежире казахского народа

Fig. 2. Classification of the shezhire of the Kazakh people

Представленная диаграмма построена по принципу иерархичности (от наиболее крупных по объему к небольшим историческим материалам) и представляет собой классификацию материалов шежире на основе их соотношения с религиозными верованиями – как древними доисламскими (анимизм, тотемизм, магия, культ предков), так и монотеистическими верованиями (ислам). Этногонические легенды и предания об Алаша хане и Уыз хане отражают культ предков (мифических или реальных), а также связанное с данным культом влияние анимистических воззрений (в устной традиции казахского народа духи предков называются «әруақтар»). Материалы шежире, сообщающие об истории раннего ислама на территории великой степи, содержат сюжеты, в которых можно выявить взаимодействие, с одной стороны, домусульманских мировоззренческих традиций (анимизм, тотемизм, магия) и исламского вероучения – с другой. Шежире в узком смысле означают генеалогии, представленные в нисходящих и восходящих схемах, в которых также можно определить влияние тотемистических воззрений и культа предков. Сама традиция шежире основывается на культе предков и системе родства. Кроме того, в материалах шежире казахского народа присутствуют сюжеты, связанные с кораническими и библейскими сюжетами, а также религиозные аспекты военных конфликтов. В целом данные категории шежире взаимосвязаны и отдельные их элементы могут переходить из одной формы шежире в другую.

IV. Заключение. Шежире казахского народа передавалось в устной и письменной традиции, отражая мировоззрение той или иной исторической эпохи. Центральным, наиболее общим для всего народа и одним древнейших сюжетов является легенда о хане Алаша – мифическом предке казахского народа. В этой легенде отражается религиозное мировоззрение, связанное с домусульманскими верованиями, среди которых особое место занимали анимистические воззрения и культ предков. В материалах шежире указаны как персонажи, принадлежащие к этнической истории казахского народа, так и общетюркские персонажи, исторические личности тюрко-монгольских народов. Отдельные устные предания сообщали о проникновении и распространении исламского вероучения на территории Казахстана и Центральной Азии в целом. После принятия исламской религии шежире казахского народа включает исламские образы, распространяются предания, возводящие историю казахского народа к библейским и кораническим сюжетам. В материалах шежире казахского народа отчетливо отражается влияние религиозного мировоззрения, имеющего в большей степени домусульманские основы.

Таким образом, теоретический результат исследования заключается в создании классификации материалов шежире казахского народа на основе их соотношения с религиозными верованиями: домусульманскими (анимизм, тотемизм, магия, культ предков) и исламскими мировоззренческими традициями. В практическом плане исследование восполнило пробелы по истории изучения взаимодействия исламского вероучения с древними верованиями, в том числе с ранними формами религии, сформировавшимися на территории Казахстана. Материалы данного исследования помогут объяснить феномен религиозного синкретизма казахского народа, поскольку содержат ценные сведения и их интерпретацию взаимовлияния доисламских и исламских воззрений. Полевые материалы исследования показали определенную устойчивость механизма передачи генеалогических схем.

В современный период большинство верующих среди казахского народа являются мусульманами ханафитского мазхаба (матуриди)[1]. Между тем в шежире казахского народа нашли выражение и передавались древние домусульманские верования и концепты. Поэтому произведения шежире можно классифицировать по следующим категориям: 1) этногонические легенды и предания, в которых отражено влияние культа предков и анимизма (легенда об Алаша хане и предание о Уыз хане); 2) материалы шежире по истории раннего ислама, в которых отражается взаимовлияние древних доисламских верований и исламских воззрений (религиозный синкретизм); 3) генеалогические схемы и таблицы как отдельных родов и племен, так и крупных этносоциальных групп, в которых обнаруживаются проявления тотемистических

[1]Матуриди (матуридизм) – одно из направлений в исламской науке о боге [Али-заде, 2007: 107].

воззрений и культа предков; 4) материалы шежире, в которых описываются исторические события, связанные с коранических и библейскими сюжетами, а также религиозные аспекты военных конфликтов. Шежире казахского народа основывалось на системе родства, данным явлением можно объяснить происхождение различных «домусульманских» и «исламских» сюжетов в преданиях о происхождении и социальной структуре казахского народа.

Список респондентов[1]:

Батбаев Г.Е., м., (1952 г.р.), с. Тасты Целиноградского р-на Акмолинской области Казахстана. Записано: с. Тасты Целиноградского р-на Акмолинской области Казахстана Р.К. Досмурзиновым, июнь 2018 г.

Жакин Ж., м., (1929 г.р.), с. Тайтобе Целиноградского р-на Акмолинской области Казахстана. Записано: с. Тайтобе Целиноградского р-на Акмолинской области Казахстана Р.К. Досмурзиновым, июнь 2018 г.

Список дополнительных источников:

Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. Стр. 107. (Серия Золотой фонд исламской мысли)

Список литературы:

Аккулы С. Алихан Букейхан. Исследования, статьи, интервью. Алматы: Международный фонд «Ер Жанибека», 2016. 528 с.

Алексеев Н.А. Якутские мифы. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.

Алпысбес М.А. Шежире казахов: источники и традиции. Астана: BG-Print, 2013. 239 с.

Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы: Санат, 1997. 607 с.

Артыкбаев Ж.О. Казахское шежире: источник и концепция истории Великой степи. Астана: Алтын Кітап, 2012. 495 с.

Артыкбаев Ж.О. Первопредок саха – Елтай батыр (Элдей батыр) в историко-генеалогических сказаниях казахских племен Адай и Баганалы-Найман // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 1 (14). С. 5–14.

Артыкбаев Ж.О. Парфянская правящая династия и великая степь в устной традиции казахов и саха // Baki universitinin xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası. 2021. № 1. С. 77–89.

Букейханов А. Женщина по киргизской былине. Туземецъ // Туркестанскіе ведомости. Ташкент, 1899. №5. С. 208–209.

Валиханов Ч.Ч. Этнографическое наследие казахов. Астана: Алтын кітап, 2007. 291 с.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, Наука КазССР, 1974. 200 с.

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Потанин Г.Н. Труды по этнографии и фольклору. Астана: Алтын-кітап, 2005. 248 с.

Аргынбаев Х.А., Муканов М.С., Востров В.В. Қазақ шежіресі хақында. Алматы: Атамұра, 2000. 463 с.

Ғабжалилов Х.М. Қазақ рутайпаларының тарихы. Алматы: «Алаш» тарихи зерттеу орталығы, 2007. 576 с.

Көпейұлы М.Ж. Қазақ шежіресі. Алматы: Жалын, 1993. 76 с.

Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз-қазақ һәм ханлар шежіресі. Павлодар: ЭКО, 2007. 269 с.

Нұрбаев С. Батырлар жорығы. Алматы: Курсив, 2013. 295 с.

Сабитов Ж.М. Генеалогии Джучидов в XIII–XVIII веках. Астана: Фолиант, 2008. 222 с.

Халид К. Тауарих хамса (бес тарих). Павлодар: ЭКО, 2006. 282 с.

Хамидуллин О.Х. Қазақтың біртұтас шежіресі. Керей. Алматы: ТОО Трансинтер, 2005. 339 с.

References:

Akkuly S. *Alihan Bukejhan. Issledovanija, stat'i, interv'ju* [Alikhan Bukeikhan. Research, Articles, Interviews]. Almaty: Mezhdunarodnyj fond "Er Zhanibeka", 2016. 528 p. (In Russian)

Alekseev N. A. *Jakutskie mify* [The Yakutian myths]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 451 p. (In Russian)

Alpysbes M.A. *Shezhire kazahov: istochniki i tradicii* [Shezhire of Kazakh people: sources and traditions] Astana: Publ. in BG-Print, 2013. 239 p. (In Russian)

Amanzholov S. *Voprosy dialektologii i istorii kazahskogo jazyka* [Questions of dialectology and history of Kazakh language]. Almaty: Sanat Publ., 1997. 607 p. (In Russian)

Argynbaev Kh.A., Mukanov M.S., Vostrov V.V. *Kazak shezhiresi hakynda* [On the Kazakh shezhire]. Almaty: Atamura Publ., 2000. 463 p. (In Kazakh)

[1]Настоящие имена раскрыты автором статьи с согласия респондентов.

Artykbaev Zh.O. *Kazahskoe shezhire: istochnik i koncepcija istorii Velikoj stepi* ['Shezhire' of Kazakh people: source and conception of history of Great Steppe]. Astana: Publ. in Altyn Kitap, 2012. 495 p. (In Russian)

Artykbaev Zh.O. Parfjanskaja pravjashhaja dinastija i velikaja step' v ustnoj tradicii kazahov i saha [The Parthian ruling dynasty and the Great steppe in the oral tradition of the Kazakhs and Sakha]. *Baki universitinin həbərləri. Humanitar elmlər seriyası*. 2021. № 1. Pp. 77-89. (In Russian)

Artykbaev Zh.O. Pervopredok saha – Eltaj batyr (Jeldej batyr) v istoriko-genealogicheskih skazanijah kazahskih plemen Adaj i Baganaly-Najman [Ansector of Sakha people Eltai batyr (Jeldei batyr) in historical and genealogical legends of Kazakh tribes Adai and Baganaly-Naiman]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern journal of humanities]. 2016. № 1 (14). Pp. 5-14. (In Russian)

Bukejhanov A. Zhenshhina po kirgizskoj byline [Women by the legend of Kazakh people]. *Tuzemec. Turkestanskie vedomosti* [Native. Turkestan bulletin]. Tashkent: Publ. in Turkestan bulletin, 1899. №5. Pp. 208-209. (In Russian)

Gabzhalilov H.M. *Kazak ru-tajplarynyn tarihy* [The history of Kazakh tribes]. Almaty: Alash tarihi zertteu ortalygy Publ., 2007. 576 p. (In Kazakh)

Halid K. *Tauarih hamsa (bes tarih)* [The five stories of the East]. Pavlodar: JeKO Publ., 2006. 282 p. (In Kazakh)

Hamidullin O.H. *Kazaktyn birtutas shezhiresi. Kerey.* [Full shezhire of Kazakh people. Genealogy of Kerey]. Almaty: Publ. in TOO Transinter, 2005. 255 p. (In Kazakh)

Kopejuly M.Zh. *Kazak shezhiresi* [Shezhire of Kazakh people]. Almaty: Zhalyn Publ., 1993. 76 p. (In Kazakh)

Kudajberdiuly Sh. *Türık, kyrgyz-kazak həm hanlar shezhiresi* [Shezhire of Turkic people, Kyrgyz-Kazakhs and the Khans]. Pavlodar: JeKO Publ., 2007. 269 p. (In Kazakh)

Mukanov M.S. *Jetnicheskij sostav i rasselenie kazahov Srednego zhuza.* [The ethnic composition and settlement of the Middle Juz]. Alma-Ata: Science KazSSR Publ., 1974. 200 p. (In Russian)

Nurbaev S. *Batyrlar zhorygy* [The campaign of batyrs]. Almaty: Kursiv Publ., 2013. 295 p. (In Kazakh)

Pletneva S.A. *Polovcy* [The Polovtsians]. Moscow: Science Publ., 1990. 208 p. (In Russian)

Potanin G.N. *Trudy po jetnografii i fol'kloru* [Works on ethnography and folklore]. Astana: Publ. in Altynkitap, 2005. 248 p. (In Russian)

Sabitov Zh.M. *Genealogii Dzhuchidov v 13-18 vekah* [Genealogies of Dzhuchids in 13th-18th century]. Astana: Publ. in Foliant, 2008. 222 Pp. (In Russian)

Valikhanov Ch.Ch. *Etnograficheskoye naslediye kazakhov* [Ethnographic heritage of Kazakh people]. Astana: Publ. in Altyn kitap. 2007. 291 p. (In Russian)

Сведения об авторе:

Досмурзинов Рустем Куандыкулы – докторант PHD образовательной программы «Археология и этнология» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан;

https://orcid.org/0000-0003-1756-8236
rustem.dosmurzinov@mail.ru;

Information about the author:

Dosmurzinov Rustem Kuandykuly – Doctoral Student of the Educational Program «Archaeology and Ethnology» of L.N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan;

https://orcid.org/0000-0003-1756-8236
rustem.dosmurzinov@mail.ru;

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 69-77

ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTIC

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.005
УДК: 81.512.211´342.2

Коартикуляция в живой речи ламунхинских эвенов

Б.Я. Осипов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, b_osipov@rambler.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению дополнительной артикуляции при спонтанном произнесении гласных звуков носителями ламунхинского говора эвенского языка. Впервые предпринимается попытка описания вокальной коартикуляции в звуковой системе данного идиома через призму экспериментальной фонетики (ЭФ). Научная новизна обосновывается тем, что в последние десятилетия методологическая база ЭФ значительно продвинулась вперед, поэтому возникла необходимость в современной интерпретации звуковых систем миноритарных языков. Существующее исследование осуществлено с применением современных методов ЭФ – акустического анализа и инструментальной обработки речевого сигнала. Цель состоит в выявлении коартикуляционных процессов, образующихся под воздействием анатомических функций пассивных органов речевого тракта. Задачи: 1) провести анализ теоретических работ по вокализму эвенского языка; 2) опознать (идентифицировать) звукотипы; 3) сегментировать речевой поток; 4) осуществить цифровую визуализацию сегментных единиц; 5) установить резонансные частоты гласных; 6) выполнить фонемную и аллофонную транскрипцию экспериментального материала. Произведена сегментация спонтанных монологов, акустический анализ и письменная передача с использованием знаков МФА звуковых элементов эвенских слов и фраз, предварительно оформленных в спектрографической и осциллографической проекциях автором данной статьи.

Ключевые слова: эвенский язык, ламунхинский говор, вокализм, акустический анализ, резонансные частоты, дополнительная артикуляция

Для цитирования: Осипов Б.Я. Коартикуляция в живой речи ламунхинских эвенов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 69–77. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.005

Coarticulation in the Living Speech of the Lamunkhinsky Evens

B.Ya. Osipov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, b_osipov@rambler.ru

Abstract. This work is devoted to the study of additional articulation in the spontaneous pronunciation of vowel sounds by speakers of the Lamunkhin dialect of the Even Language. For the first time, an attempt is made to describe vocal coarticulation in the sound system of this idiom through the prism of experimental phonetics (hereinafter: EP). The scientific novelty is substantiated by the fact that the methodological basis of EP has significantly advanced in recent decades, so that a need for a modern interpretation of the sound systems of minority languages has arisen. The existing research has been carried out using modern methods of EP – acoustic analysis and instrumental processing of

© Осипов Б.Я., 2023

speech signal. The aim is to identify the coarticulation processes formed by the anatomical functions of the passive organs of the speech tract. Tasks: 1) to analyze theoretical works on the vocalism of the Even Language, 2) to identify sound-types, 3) to segment the speech stream, 4) to perform digital visualization of segmental units, 5) to establish resonance frequencies of vowels, 6) to perform phonemic and allophone transcription of experimental material. Segmentation of spontaneous monologues, acoustic analysis, and written transcription with the use of IPA signs of sound elements of Even words and phrases, preformed in spectrographic and oscillographic projections by the author of this article were performed.

Keywords: Even Language, Lamunhkin dialect, vocalism, acoustic analysis, resonance frequencies, additional articulation

For citation: Osipov B.Ya. Coarticulation in the Living Speech of the Lamunkhinsky Evens. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №1 (42). Pp. 69-77. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.005 (In Russian)

I. Введение. Вопросам вокализма и консонантизма эвенского языка посвящены главы в диалектологических работах советских и российских языковедов [Цинциус, 1947: 13–50; Новикова, 1960: 31–96; Лебедев, 1978: 11–37; Роббек, 1989: 7–28; Дуткин, 1995: 8–19; Кузьмина, 2010: 15–25; Кузьмина, Шарина, 2019: 11–19; Шарина, Кузьмина, 2018: 12–23]. Результаты экспериментальных изысканий звукового строя эвенских говоров содержатся в трудах отечественных и зарубежных фонетистов А. Сотовалта [Sotovalta, 1978], М.И. Матусевич [Матусевич, 1979], Дж. Кима [Kim, 2011] и Н. Араловой [Aralova, 2015]. Этапизация научных открытий по исследованию звукового строя эвенского языка в хронологическом порядке, а также построение теоретических аспектов о системных связях фонологии и графики были осуществлены А.А. Бурыкиным [Бурыкин, Шарина, 2021].

Л.В. Щерба считает, что «в живой речи произносится значительно большее, чем мы обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служат целям человеческого общения» [Щерба, 1963: 90].

По данным С.И. Шариной, ламунхинский говор вместе с тюгесирским говором, у которого в настоящее время не осталось живых носителей, образует саккырырскую диалектную группу западного наречия [Бурыкин, Шарина, 2021: 23]. Ламунхинский является одним из самых благополучных говоров эвенского языка по степени витальности и является родным языком эвенов села Себян-Кюель Кобяйского района Якутии. Ламунхинский говор (лам. г.), обладая рядом фонетических, грамматических и лексических особенностей, значительно отличается от субдиалектов, относящихся к ольской и камчатской диалектных группам. Следовательно, во взаимопонимании между носителями упомянутых нами вариантов эвенского языка возникают затруднения. Тем не менее язык ламунхинских эвенов имеет общие лингвистические характеристики с говорами индигирской и северной диалектных групп эвенского языка.

Гласные эвенского языка представлены 16 монофтонгами и 2 дифтонгоидами, противопоставленными друг другу по признакам ряда, подъема, лабиализации, долготы – краткости и фарингализованности / нефарингализованности [Бурыкин, Шарина, 2021: 25]. В зависимости от позиционных и комбинаторных условий гласные фонемы могут лишиться первоначального качества и длительности. Для всех диалектов восточного наречия [Цинциус, 1947: 14; Роббек, 1989: 13] и северного диалекта западного наречия [Шарина, Кузьмина, 2018: 16] эвенского языка характерна качественная редукция кратких гласных [Новикова, 1960: 38], к которым относятся /а/ и /з/. Фонетическое явление, выраженное в «ы-образном» произнесении названных гласных, распространяется в позиции второго и последующего слогов словоформ, например, *эвэн* [ɜβən] ‘эвен’, *мэрэӈтэ* [mɜrəŋtə] ‘лыжи’, *адал* [ɑdəl] ‘невод’, *арамӈа* [ɑrəmŋə] ‘наколенники’.

По существующему принципу происходит редукция и в лам. г. эвенского языка с лабиализованной реализацией [ɔ] / [œ] безударных гласных /а/ и /з/ соответственно [Матусевич, 1979: 208–211], например, *авлан* [ɑβlɔn] ‘поле’, *худо-*

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 69-77

рон [hudɔrɔn] ‘мучная каша’, *нюӈэн* [ɲuŋœn] ‘шесть’, *көтлэтчэр* [kɔ̜tlʲœt͡ɕœlʲ] ‘маленькие’. Продолжая говорить об особенностях вокализма данного говора, следует выделить лабиализованный гласный заднего ряда высокого подъема <ÿ> ([ụ]), реализуемый при сильной продвинутости языка вперед [Кузьмина, 2010: 16], например, *упэ̄* [ụpɛː] ‘бабушка’, *улдэ* [ụlʲdœ] ‘мясо’, *химундэй* [himụ̹ndɛj] ‘утихать (о шуме)’, *тэбун* [tɛbụ̹n] ‘обувь (домашняя)’.

Настоящая статья посвящена изучению дополнительной артикуляции в ламунхинском говоре эвенского языка. *Целью* работы является выявление коартикуляции на материале данного идиома. В этой связи ставятся *задачи*, относящиеся к измерению акустических параметров гласных, оформлению спектрографических и осциллографических изображений произнесенных дикторами словоформ, описанию тех или иных фонетических явлений, отраженных в графическом виде.

Актуальность работы обуславливается критической ситуацией с сохранностью эвенского языка и угрозой потери артикуляционно-акустической базы этноса как одного из основных показателей специфики языка. *Новизна* исследования состоит в разноплановом анализе образцов эвенской монологической речи предварительно сегментированных и визуализированных автором статьи с помощью программы Praat.

Теоретическая и практическая значимость данной работы заключается в следующем: расширение характеристики звукового строя эвенского языка с учетом инновационных подходов прикладного и теоретического содержания, создание методических пособий, программных обеспечений, а именно аудиовизуальных платформ и мобильных приложений, для здорового функционирования эвенского языка в условиях современных реалий.

II. Материалы и методы. Вслед за новыми подходами, предлагаемыми в учебном пособии С.В. Андросовой [Андросова, 2014], монографии Е.А. Процукович и О.Н. Морозовой [Процукович, Морозова, 2017], при акустическом анализе речевого сигнала нами использован ряд правил, заложенных Щербовской фонологической школой и представленных в трудах Л.Р. Зиндера [Зиндер, 1979], Л.В. Бондарко [Бондарко, 1998] и П.А. Скрелина [Скрелин, 1999]. При инструментальной обработке с помощью компьютерных программ Audacity и Praat применен слуховой контроль как обязательный элемент экспериментального рассмотрения звукотипов по методической рекомендации Н.С. Уртегешева [Уртегешев, 2021]. Таким образом, данное исследование выполнено в соответствии с положениями комплексной методики.

Материалом исследования являются оцифрованные образцы спонтанных монологов, полученных в ходе записи дикторов женского пола – носителей ламунхинского говора эвенского языка. Фиксирование экспериментальных данных производилось в городе Якутске и селе Себян-Кюель Кобяйского района Якутии весной 2020 года. Родной говор активно применяется испытуемыми лицами в коммуникации как со своими односельчанами, так и с жителями других поселений, говорящими на разных эвенских диалектах.

III. Результаты и обсуждение. Виды коартикуляции, различающиеся функциональными свойствами пассивных органов голосового тракта, накладываются на фонацию основной артикуляции гласных звуков. Согласно мнению Л.Р. Зиндера, образование дополнительной артикуляции не представляется возможным при отсутствии напряжения небной занавески и глотки (или фаринкса) [Зиндер, 1979: 194]. С работой исходного органа речи напрямую связана фарингализация. Природа фарингализованной реализации звуков являлась предметом активного обсуждения в научной прессе второй половины прошлого века. Фарингализация была впервые выявлена на материале эвенского языка В.М. Наделяевым в 1946 году. Это событие стало толчком для изучения названной коартикуляции в тюркских языках Южной Сибири как в акустическом, так и соматическом плане [Наделяев, 1986: 4]. В зарубежной терминологии фарингализация носит составное название retraced tongue root [Kim, 2011: 12; Осипов, 2020: 219]. В последнее десятилетие участие гортани в речепроизводстве детализируется новыми экспериментальными методами, к которым относятся в том числе статистическая и динамическая съемки артикуляторных органов посредством МРТ. Согласно данным Н.С. Урте-

гешева, фарингализация в ряде сибирских языков – «это не столько оттягивание корня языка к задней стенке фаринкса при взаимной их активности-пассивности, сколько сужение черпало-надгортанных складок и надгортанника» [Уртегешев, 2022: 25].

Березовский говор, относящийся к восточному наречию эвенского языка, также известен в тунгусоведческой литературе под названием колымо-омолонский говор [Цинциус, 1947: 7]. Согласно данным В.А. Роббека, упомянутому идиому присущи сочетания гласных, таких как <ɣᵉ> (/uᵚ/), <yᵉ> (/uᵚ/), <ʏөᵚ> (/ᵘoᵚ/), являющихся позиционными вариантами заднерядного лабиализованного долгого гласного <ө̄> (/o:/), и дифтонгоида <эа> (/εa/), реализующегося в определенных случаях как <иа> (/ia/) [Роббек, 2007: 462]. Следует отметить, что отсутствие конкретной информации относительно сильной и слабой позиции данного дифтонгоида березовского говора предполагает более детальное его рассмотрение.

Результаты исследований вокализма, отраженные в работах по эвенской диалектологии, позволяют сделать вывод, что фарингализованные гласные <и> (/iˤ/), <у> (/uˤ/) и их долгие корреляты имеют фонемный статус в ряде эвенских говоров ольского и камчатского диалектов [Роббек, 2007: 462; Новикова, 1960: 40, 47–48; Бурыкин, 2004: 289], нижнеколымском [Шарина, Кузьмина, 2018: 14] и аллаиховском [Дуткин, 1995: 11] говорах северного диалекта, а также в верхнеколымском говоре среднего наречия [Кузьмина, Шарина, 2019: 13]. Фарингализованные узкие гласные фонемы противопоставлены соответствующим гласным с более передней артикуляцией <и> (/i/), <ӣ> (/i:/) и <у> (/u/), <ӯ> (/u:/), относящимся к мягкому сингармоническому ряду [Бурыкин, 2021: 37].

В системе гласных ламунхинского говора саккырырского диалекта эвенского языка фарингализация, подобно другим видам дополнительной артикуляции, а именно назализации, глоттализации и эпиглоттализации, реализуется на уровне аллофонного варьирования. Следовательно, такие гласные не рассматриваются в качестве отдельных фонем [Матусевич, 1979: 211; Новикова, 1960: 40]. В качестве иллюстрации данного явления приводятся осцилограммы и сонограммы, произведенные автором статьи.

Данные изображения показывают фонационный процесс тех или иных видов коартикуляции (рис. 1).

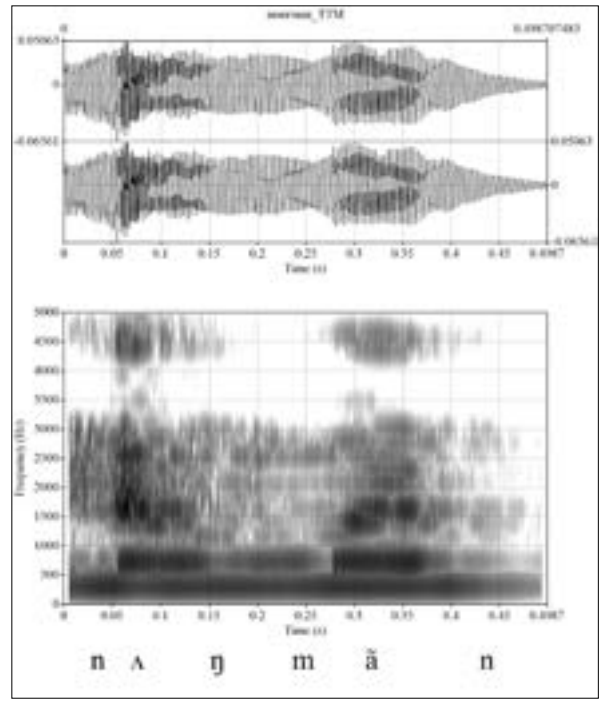

Рис. 1. Слово *ноуман* [nʌŋmãn] ‘его’
Fig. 1. Word *ноуман* [nʌŋmãn] ‘him’

Согласно нашему исследованию, в корневой морфеме слова *ноуман* [nʌŋmãn] ‘его’ реализуется аллофон [ʌ], появившийся в результате нелабиализованной реализации гласного заднего ряда среднего подъема /ɔ/. Широкое произнесение данного гласного в артикуляционном плане говорит об отсутствии воронкообразной щели, возникающей, как правило, при напряжении мышц верхней и нижней губ ротовой полости. Акустические параметры [ʌ] имеют следующие показатели: F1=618 Гц; F2=1700 Гц; D=79 мс.

Как показано на рис. 1, гласный переднего ряда нижнего подъема /a/ реализуется в суффиксе винительного падежа *–ма* и препозиции к заднеязычному носовому согласному /ŋ/, а также губно-губному носовому /m/, при артикулировании которых непосредственную роль играет один из голосовых резонаторов, а именно носовая полость. Влияние сонорных согласных /ŋ/ и /m/ на последующий гласный /a/ образует назализацию [ã]. Акустические параметры аллофона [ã] имеют следующие показатели: F1=700 Гц; F2=1738 Гц; D=79 мс.

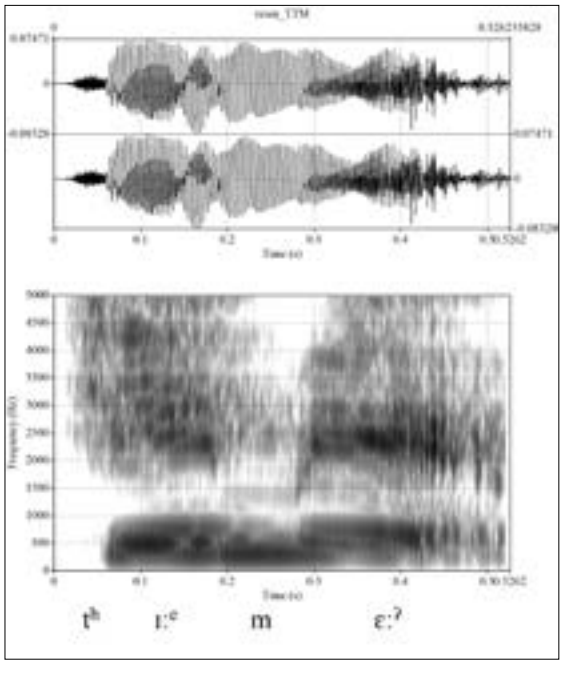

Рис. 2. Слово *тēми* [tʰɪːᵉmɛːʔ] ‘поэтому’
Fig. 2. Word *тēми* [tʰɪːᵉmɛːʔ] ‘therefore’

Как иллюстрирует рис. 2, в первом слоге словоформы *тēми* [tʰɪːᵉmɛːʔ] ‘поэтому’ реализуется позиционный вариант [ɪːᵉ] дифтонгоидного гласного переднего ряда средне-нижнего подъема /ⁱe:/ с продолжительностью 129 мс. Узкий компонент [ɪː] анализируемого дифтонгоида значительно превосходит по длительности широкий компонент [e]. В конечной фазе данный аллофон плавно переходит к последующему гласному. Соответственно широкий компонент близок по звучанию ко второй фазе предшествующего гласного и различается наибольшей открытостью. Акустические параметры аллофона [ɪːᵉ] имеют следующие показатели:

[ɪː] – F1 = 361 Гц; F2 = 1937 Гц; D = 87 мс;

[e] – F1 = 513 Гц; F2 = 1913 Гц; D = 42 мс.

Во втором слоге словоформы, показанной на рис. 2, гласный переднего ряда среднего подъема реализуется с интонационной долготой и завершается эпиглоттализацией [ɛːʔ]. По данным Л.Р. Зиндера, эта разновидность коартикуляции возникает в случае поднятия гортани и сжатия стенок полости рта [Зиндер, 1979: 194]. Образовавшаяся смычка создает препятствие и нарушает турбулентную траекторию воздушной струи. В последствии выталкивается незначительное количество воздуха. Длительность эпиглоттального участка в конечной фазе составляет 80 мс. Акустические параметры аллофона [ɛːʔ] имеют следующие показатели: F1= 431 Гц; F2= 1867 Гц; D= 205 мс.

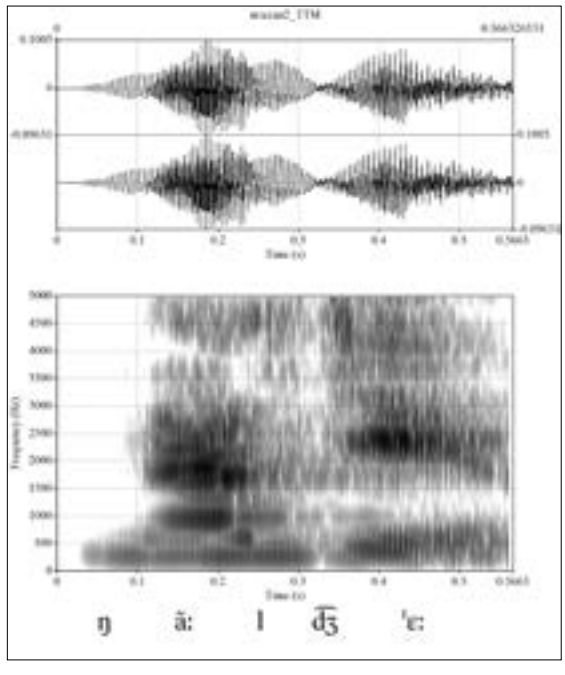

Рис 3. Слово *ŋāлди* [ŋãːld͡ʒˈɛː] ‘руками’
Fig. 3. Word *ŋāлди* [ŋãːld͡ʒˈɛː] ‘with hands’

На рис. 3 показано, что в позиции первого слога словоформы *ŋāлди* [ŋãːld͡ʒˈɛː] ‘руками’ реализуется долгий гласный звук заднего ряда самого низкого подъема /:a/ с назализацией от предшествующего велярного сонорного согласного звука /ŋ/ подобно первому примеру (см. рис. 1). Возникновение назализации напрямую связано с полным закрытием щели между корнем языка и небной занавеской, а также активизацией другого голосового резонатора – носовой полости при попадании в нее воздуха. Акустические параметры аллофона [ãː] имеют следующие показатели: F1 = 746 Гц; F2 = 1855 Гц; D = 105 мс.

В конце анализируемой словоформы, показанной на рис. 3, осуществлена реализация дифтонгизированной формы [ˈɛː] краткого гласного переднего ряда самого высокого подъема /i/. Аналогичным образом дифтонгизация с разницей в противопоставлении двух гласных компонентов по принципу «восходящий/падающий» [Jespersen, 1904: 203] и более широкая артикуляция в качестве [ɛ] со значительной продолжи-

тельностью по долготе, подверженные различным видам коартикуляции (фарингализации, глоттализации и эпиглоттализации), наблюдаются в ряде примеров с конечным гласным /i/ (см. рис. 2., рис. 4). Акустические параметры аллофона [ˈɛː] имеют следующие резонансные показатели:

[ɪ] – F1 = 384 Гц; F2 = 2194 Гц; D = 81 мс;

[ɛː] – F1 = 513 Гц; F2 = 2059 Гц; D = 97 мс.

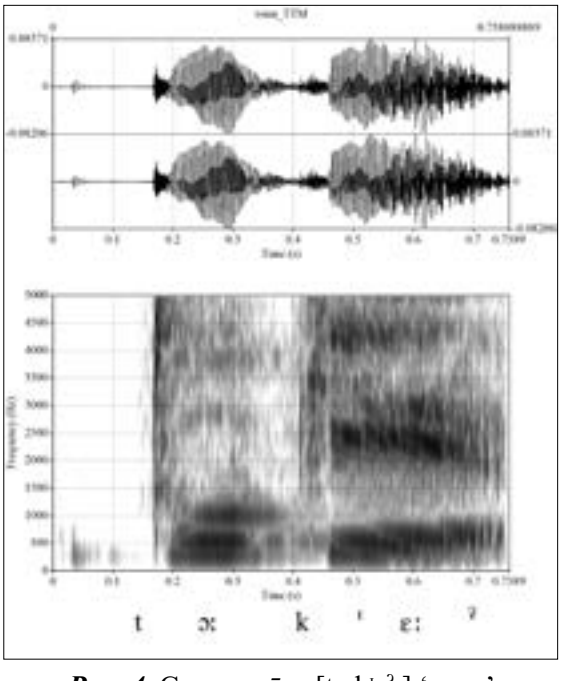

Рис. 4. Слово *тōки* [tɔːkˈɛʔː] ‘лось’
Fig. 4. Word *тōки* [tɔːkˈɛʔː] ‘elk’

Как иллюстрирует рис. 4, в позиции первого слога словоформы *тōки* [tɔːkˈɛːʔ] ‘лось’ реализуется лабиализованный долгий гласный заднего ряда среднего подъема /ɔː/ со следующими акустическими параметрами: F1 = 454 Гц; F2 = 1132 Гц; D = 183 мс. В конце слова, показанного на рис. 4, мы видим дифтонгоидную реализацию [ˈɛʔː] краткого гласного переднего ряда верхнего подъема /i/. Дополнительная артикуляция выражена в конечной фазе дифтонгоидного гласного эпиглоттальной смычкой. Широкий компонент дифтонгоидного сочетания [ɛ] превосходит узкий [ɪ] по своей длительности и может выступать в качестве вершины. Акустические параметры аллофона [ˈɛːʔ] имеют следующие резонансные показатели:

[ɪ] – F1 = 419 Гц; F2 = 2124 Гц; D = 106 мс;

[ɛːʔ] – F1 = 513 Гц; F2 = 2182 Гц; D = 154 мс.

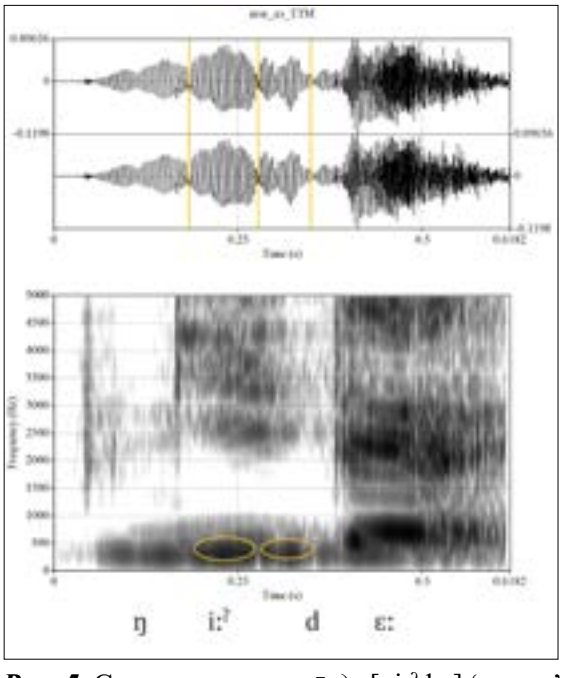

Рис. 5. Сочетание слов *ӈӣ-дэ* [ŋiːʔdɛː] ‘никто’
Fig. 5. Phrase *ӈӣ-дэ* [ŋiːʔdɛː] ‘nobody’

На рис. 5 представлено, что в первом слове сочетания *ӈӣ-дэ* [ŋiːʔdɛː] ‘никто’ реализуется долгий гласный переднего ряда самого высокого подъема /iː/. Анализ сонограммы и осциллограммы (см. рис. 5) показывает присутствие двух ядер в анализируемом гласном. Эта особенность с точки зрения артикуляции образовалась в результате незначительного напряжения мышц нижней части дыхательного пути, а также появления узкой щели в гортани. Анатомическое поведение исходного органа при фонации гласного создает глоттализацию.

IV. Заключение. Настоящее исследование представляет новейшие данные, которые отсутствуют в трудах по эвенскому языку на современном этапе его изучения. Акустический анализ словоформ, произнесенных тремя дикторами – носителями лам. г. эвенского языка в потоке спонтанных монологов, показывает ряд нетипичных реализаций гласных фонем:

– назализованная реализация долгого и краткого гласных заднего ряда низкого подъема /a/ в пре- и постпозиции к носовым согласным /ŋ/, /n/, /m/ (*ноӈман* [nʌŋmãn] ‘его’, *ӈӑлди* [ŋãːldʒˈɛː] ‘руками’);

– наличие гортанной смычки или реализация двухкомпонентного долгого гласного переднего ряда высокого подъема /iː/ (*ӈӣ-дэ* [ŋiːʔdɛː] ‘никто’);

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 69-77

– эпиглоттализация гласных переднего ряда самого высокого подъема /i/ и их реализация в качестве более открытого долгого гласного [ɛːˀ] и дифтонгоида [ˈɛˀː] (*мēми* [tʰɪːᵉmɛːˀ] ‘поэтому’, *тōки* [tɔːkˈɛˀː] ‘лось’).

Как сообщалось выше, в эвеноведческих исследованиях звуковые процессы, имеющие непосредственное отношение к фонационным признакам пассивных органов речевого тракта, не изложены с исчерпывающей полнотой. В ходе предпринятого анализа живой речи ламунхинских эвенов впервые были обнаружены различные виды дополнительной артикуляции.

В дальнейшем не исключается более углубленное и масштабное с охватом большого количества респондентов экспериментальное изучение коартикуляции вокальных звуков ламунхинского говора эвенского языка. Результаты такого исследования позволят окончательно определить, претендуют ли гласные, реализующиеся с дополнительной артикуляцией, на фонемный статус.

Принятые сокращения:

Лам. г. – ламунхинский говор
МРТ – магнитно-резонансный томограф
МФА – международный фонетический алфавит
ЭФ – экспериментальная фонетика

Список литературы:

Андросова С.В. Акустический анализ речевого сигнала : учебно-метод. пособие. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. 65 с.

Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка (уч. пособие). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 276 с.

Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 384 с.

Бурыкин А.А., Шарина С.И. Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология. Новосибирск: Наука, 2021. 402 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 43)

Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995. 144 с.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1979. 312 с., ил.

Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 25).

Кузьмина Р.П., Шарина С.И. Особенности языка верхнеколымских эвенов. Новосибирск: Наука, 2019. 116 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 39)

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Ленинград: Наука, 1978. 207 с.

Матусевич М.И. Звуковой состав ламунхинского говора эвенского языка // Звуковой строй языка. Л., 1979. С. 202–212.

Наделяев В.М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 3–4.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 263 с.

Осипов Б.Я. Особенности перевода работы Кима Джувона «A GRAMMAR OF EWEN» // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языка и культуры эвенков России и орочонов Китая. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. С. 218–223. DOI: 10.22250/tfl.2020.34

Процукович Е.А., Морозова О.Н. Русская речь эвенков Амурской области (сопоставительное исследование на материале звуковых систем русского и эвенкийского языков): монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. 230 с.

Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1989. 205 с.

Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-грамматическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 726 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 11).

Скрелин П.А. Сегментация и транскрипция. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 108 с.

Уртегешев Н.С. Двуядерные гласные в шорском языке и языках Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 154–167. DOI 10.17223/18137083/77/12

Уртегешев Н.С. Гортань: основная и дополнительная артикуляция // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире (Электронный сетевой научный журнал). 2022. №3. С. 16–30. URL: https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/29/33 (дата обращения: 12.05.2023)

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Гос. учеб-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР Ленинград. отд-ние, 1947. 270 с.

Шарина С.И., Кузьмина Р.П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018.

184 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 36).

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М.: Гос. изд-во «Высшая школа», 1963. 302 с.

Aralova N. Vowel harmony in two Even dialects: Production and perception. Amsterdam: Netherland Graduate School of Linguistic, 2019. 231 p.

Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. Lpz.: Druk und Verlag von B.G. Teunber, 1904. 259 p.

Kim J. A Grammar of Ewen. Seoul: Seoul National University Press, 2011. 292 p.

Sotovalta A. Westlamutische materialen. Helsinki, 1978. 42 p.

References:

Androsova S.V. *Akusticheskij analiz rechevogo signala* [The Acoustic analyze a speech signal]. Textbook. Blagoveshchensk: AmSU Publ., 2014. 65 p. (In Russian)

Aralova N. *Vowel harmony in two Even dialects: Production and perception*. Amsterdam: Netherland Graduate School of Linguistic publ., 2019. 231 p.

Bondarko L.V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka (uch. posobie)* [Phonetics of Modern Russian (Textbook)]. Saint Petersburg: SPU Publ., 1998. 276 p. (In Russian)

Burykin A.A. *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoj forme (na materiale evenskogo yazyka)* [The language of the indigenous people in its written form (on the material of the Even Language)]. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ., 2004. 384 p. (In Russian)

Burykin A.A., Sharina S.I. *Evenskij yazyk. Fonetika. Grafika i orfografiya. Morfologiya* [Even Language. Phonetics. Graphics and Orthography. Morphology]. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Vol. 43. Novosibirsk: Science Publ., 2021. 402 p. (In Russian)

Cincius V.I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even (Lamut) Language]. Leningrad: State Educational Publ. of the Ministry of Education of the RSFSR, Leningrad dep., 1947. 270 p. (In Russian)

Dutkin H.I. *Allaihovskij govor evenov Yakutii* [The Allaikha dialect of the Evens of Yakutia]. Saint Petersburg: Science Publ., 1995. 144 p. (In Russian)

Jespersen O. *Lehrbuch der Phonetik* [Textbook of Phonetics]. Leipzig.: Druk und Verlag von B.G. Teunber, 1904. 259 p. (In German)

Kim J. *A Grammar of Ewen*. Seoul: Seoul National University Press, 2011. 292 p.

Kuzmina R.P. *Jazyk lamunkhinskikh evenov* [Language of the Lamunkhin Evens]. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Vol. 25. Novosibirsk: Science Publ., 2010. 115 p. (In Russian)

Kuz'mina R.P., Sharina S.I. *Osobennosti yazyka verhnekolymskih evenov* [Peculiarities of the language of the Upper Kolyma Evens]. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Vol. 39. Novosibirsk: Science Publ., 2019. 116 p. (In Russian)

Lebedev V.D. *Yazyk evenov Yakutii* [Language of the Evens of Yakutia]. Leningrad: Science Publ., 1978. 207 p. (In Russian)

Matusevich M.I. Zvukovoj sostav lamunhinskogo govora evenskogo yazyka [The sound composition of the Lamunkhin dialect of the Even Language]. *Zvukovoj stroj yazyka* [Lingual acoustic system]. Leningrad: 1979. Pp. 202-212. (In Russian)

Nadelyaev V.M. Cirkumbajkal'skij yazykovoj soyuz [Circumbaykal language union]. *Issledovaniya po fonetike yazykov i dialektov Sibiri* [Studies on the phonetics and languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Science Publ., 1986b. Pp. 3-4. (In Russian)

Novikova K.A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Ol'skij govor* [Essays on the dialects of the Even Language. Ola dialect.]. Moscow, Leningrad: Publ. of The Science Academy of USSR, 1960. Ch. 1. 263 p. (In Russian)

Osipov B.Y. Osobennosti perevoda raboty Kima Dzhuvona "A GRAMMAR OF EWEN" [On The Translation of Kim Juwon's work "A GRAMMAR OF EWEN"]. *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshih i srednih obrazovatel'nyh uchrezhdenij na sovremennom etape. Prooblemy sohraneniya yazyka i kul'tury evenkov Rossii i orochonov Kitaya* [Teaching a foreign language to students of the Higher and Secondary Educational Institutions at the present stage. Problems of preserving the language and culture of the Evenks of Russia and the Orochons of China]. Blagoveshchensk: AmSU Publ., 2020. Pp. 218-223. DOI: 10.22250/tfl.2020.34 (In Russian)

Procukovich E.A., Morozova O.N. *Russkaya rech' evenkov Amurskoj oblasti (sopostavitel'noe issledovanie na materiale zvukovyh sistem russkogo i evenkijskogo yazykov)* [Russian Speech of the Evenks of the Amur Region (Comparative Study on the Sound Systems of the Russian and Evenk Languages)]. Monography. Blagoveshchensk: AmSU Publ., 2017. 230 p. (In Russian)

Robbek V.A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funkcional'no-grammaticheskom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-grammatical aspect]. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North,

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 69-77

Siberia and the Far East. Vol. 11. Novosibirsk: Science Publ., 2007. 726 p. (In Russian)

Robbek V.A. *Yazyk evenov Berezovki* [Language of the Beryozovka Evens]. Leningrad: Science Publ., Leningrad department, 1989. 205 p. (In Russian)

Sharina S.I., Kuz'mina R.P. *Nizhnekolymskij govor evenskogo yazyka* [The Nizhnekolymsky dialect of the Even Language]. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Vol. 36. Novosibirsk: Science Publ., 2018. 185 p. (In Russian)

Shcherba L.V. *Fonetika francuzskogo yazyka* [French Phonetics]. Moscow: Publ. "Graduate School", 1963. 302 p. (In Russian)

Skrelin P.A. *Segmentaciya i transkripciya* [Segmentation and transcription]. Saint Petersburg: SPU Publ., 1999. 108 p. (In Russian)

Sotovalta A. *Westlamutische materialmen* [Western Lamutian materials]. Helsinki, 1978. 42 p. (In German)

Urtegeshev N.S. Dvuyadernye glasnye v shorskom yazyke i yazykah Sibiri [Two-component vowels in Shorian and Siberian Languages]. *Siberian Philological Journal* [Siberian Philological Journal]. 2021. № 4. Pp. 154-167. DOI 10.17223/18137083/77/12 (In Russian)

Urtegeshev N.S. Gortan': osnovnaya i dopolnitel'naya artikulyaciya [Larynx: basic and additional articulation]. *Rodnye yazyki i kul'tury v sovremennom izmenyayushchemsya mire (Elektronnyy setevoy nauchnyy zhurnal)* [Native languages and cultures in the modern changing world (Electronic network scientific journal)]. 2022. №3 Pp. 16-30. URL: https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/29/33 (date of the application: 12.05.2023) (In Russian)

Zinder L.R. *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Training manual, second edition, revised and enlarged. Moscow: HSE Publ., 1979. 312 p. (In Russian)

Сведения об авторе:

Осипов Борис Яковлевич – м.н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; г. Якутск, Российская Федерация;

http://orcid.org/0000-0003-1171-268X;
b_osipov@rambler.ru

Information about the author:

Osipov Boris Yakovlevich – Junior Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Yakutsk, Russian Federation;

http://orcid.org/0000-0003-1171-268X;
b_osipov@rambler.ru

2023; 2(43): 78-88 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.006
УДК: 81'373.21(571.56)

Структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия)

Н.Ю. Печетова , ***Т.М. Никаева***

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация,
pechetovan@mail.ru, elizarovat@mail.ru

Аннотация. В статье впервые проводится анализ русскоязычных ойконимов, зафиксированных на территории Республики Саха (Якутия), и определяется их соотнесенность с пространственно-культурным кодом, заложенным в топонимической системе региона. Актуальность работы обусловлена недостаточностью исследований словообразовательных моделей и конструкций ойконимов в контексте изучения пространственно-культурного кода Республики Саха (Якутия). С использованием различных методов лингвистического анализа (метод сплошной выборки, описательный метод, метод формантного анализа, метод структурно-словообразовательного анализа) описаны и систематизированы основные структурно-словообразовательные топонимические модели официальных названий населенных пунктов, находящихся на территории Якутии. Установлено, что топоосновами для образования русскоязычных ойконимов являются традиционные для русской топонимической системы имена собственные (антропонимы, потамонимы, этнонимы, агиотопонимы) и апеллятивы разных тематических групп, преимущественно имена существительные и прилагательные. Это позволяет говорить о том, что образование ойконима осуществляется путем топонимизации апеллятива и трансонимизации. Продуктивными для словообразовательного процесса в ойконимиконе Якутии стали топоформанты -ск-, -к-, -ово, отмечены также ойконимы с нулевым топоформантом и образованные способами сложения, сложения с суффиксацией и субстантивации. Всего описано девять структурно-словообразовательных моделей, которые распределяются по трем основным типам: адъективные, субстантивные, композитные. Не вошедшие в эти группы ойконимы объединены в отдельные структурно-словообразовательные модели – калькированные и экстрасистемные.

Ключевые слова: топонимика, ойконим, Республика Саха (Якутия), населенный пункт, словообразование, структурно-словообразовательная модель, топооснова, топоформант, пространственный культурный код

Для цитирования: Печетова Н.Ю, Никаева Т.М. Структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 78–88. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.006

Structural and Word-Formation Models of Russian-Language Oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia)

N.Yu. Pechetova , ***T.M. Nikaeva***

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk, Russian Federation,
pechetovan@mail.ru, elizarovat@mail.ru

Abstract. The article is the first one to analyze the Russian-language oikonyms documented on the territory of the Sakha Republic (Yakutia) and to determine their correlation with the spatial and cultural code embedded in the region's

© Печетова Н.Ю., Никаева Т.М., 2023

toponymic system. The topicality of the work is conditioned by the lack of research on the word-building patterns and constructions of oikonyms in the context of studying the spatial and cultural code of the culture of the Sakha Republic (Yakutia). The basic structural word-building toponymic models of the official names of the settlements located on the territory of Yakutia are described and systematized, using various methods of linguistic analysis (continuous sampling method, descriptive method, formant analysis method, structural word-building analysis). It was found that the topographic bases for the formation of the Russian-language oikonyms are proper names, traditional for the Russian toponymic system (anthroponyms, potamonyms, ethnonyms, hagiotoponyms), and appellatives of various thematic groups, mainly nouns and adjectives. This enables us to say that the formation of an oikonym is carried out through the toponymization of the appellative and transonymization. Such topoformants as -sk-, -k-, and -ovo became productive for the word-building process in the oikonymicon of Yakutia. Oikonyms with zero topoformant and those formed through addition, addition with suffixation, and substantivisation were also noted. Total nine structural word-building patterns are described, which are divided into three main types: adjective, nominal, and composite. Oikonyms outside these groups are combined into separate structural and word-building patterns – loan translation and extrasystemic.

Keywords: toponymics, oikonym, Sakha Republic (Yakutia), word building, structural and word-building pattern, topographic base, topoformant, settlement, spatial-cultural toponymic code

For citation: Pechetova N.Yu., Nikaeva T.M. Structural and Word-Formation Models of Russian-Language Oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia). In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 78-88. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.006 (In Russian)

I. Введение. Между географическим названием и географическим объектом всегда стоит человек, который продуцирует и использует в процессе коммуникации языковой знак, отсылающий к запечатленному в языке пространственному коду культуры. Топоним как лингвистическая категория подчиняется законам языка – образуется с помощью традиционных и нетрадиционных топооснов и топоформантов, но за каждым, на первый взгляд, формальным словообразовательным элементом, формирующим языковой знак, стоит понятийное функциональное свойство обозначаемого им объекта.

По мнению А.С. Самигуллиной, пространственный код, наряду с другими базовыми кодами культуры, обеспечивает не только физическую идентификацию субъекта в пространственно-временном континууме, но и способствуют созданию культурных ценностей, которые и формируют нацию в плане самосознания и мировоззренческих установок и прескрипций [Самигуллина, 2007: 82]. Поэтому каждый топоним – это важнейший элемент, участвующий в пространственной организации языковой картины мира, и источник этнолингвистической, исторической информации, позволяющий получить сведения о материальной и духовной культуре народа, создавшего его.

Русские землепроходцы, осваивая территорию нынешней Республики Саха (Якутия), перенимали уже существующие аборигенные топонимы, адаптируя их в соответствии с русскими способами словообразования, а новым территориям давали свои имена. В результате применение традиционных для русского языка топооснов и топоформантов при образовании географических названий Республики Саха (Якутия) не только оказало влияние на язык автохтонного населения, привело к изменениям в топонимической ситуации в регионе, но и способствовало формированию пространственно-культурного кода.

Данное исследование выполнено в рамках лингвокультурологического направления лингвистической науки, в котором объединяются научные принципы и методы языкознания и смежных с ним наук, в первую очередь исторической географии и истории культуры.

Объектом исследования является топонимикон Республики Саха (Якутия) в его историческом развитии и современном состоянии. *Предметом* определены русскоязычные ойконимы – та часть топонимической системы, которая имеет важнейшее общественное значение, активно используется в ежедневной коммуникативной практике.

Своеобразие ойконимии проявляется в сфере номинации. В процессе создания имени собственного города, деревни, поселка задействован гораздо больший круг источников, чем при номинации объектов физической географии:

рек, озер, гор и т. п., поскольку селения являются объектами принципиально иного характера и не находятся в прямой зависимости от природных условий. Отражение природных реалий в названии поселения – лишь один из возможных мотивов именования, помимо него в основе номинации населенного пункта может лежать историческое событие, имевшие место при его основании, имена первопоселенцев или владельцев, название церкви, ремесла жителей, отношение к другим поселениям.

Теоретической основой исследования стали труды А.В. Суперанской – известного специалиста в области ономастики и, в частности, топонимики [Суперанская, 1985], Н.В. Подольской – автора словаря типовых восточнославянских топооснов, в котором также представлен их словообразовательный анализ [Подольская, 1983]. В качестве модели для анализа ойконимов Республики Саха (Якутия) была использована классификация, разработанная Н.Ю. Забелиным [Забелин, 2007]. Кроме того, в работе учитывались теоретические положения, представленные в трудах В.А. Никонова [Никонов, 2011], А.В. Уразметовой [Уразметова, 2017], Т.В. Федотовой [Федотова, 2012].

Топонимическая система Республики Саха (Якутия) подробно представлена в трудах М.С. Иванова–Багдарыына Сюлбэ – основателя ономастических исследований в Республике Саха (Якутия) [Багдарыын Сюлбэ, 2004], Н.М. Иванова (Багдарыын Нъ.С. Уола) [Иванов, 2014], В.Д. Монастырева [Монастырев, 1993]. Огромный вклад в исследование тунгусской топонимии Якутии внесла ученый-этнограф Г.М. Василевич. Результатом ее экспедиций в разные районы Якутии в 40–50 годы прошлого века стал «Эвенкийско-русский словарь» [Василевич, 2005]. О топонимии тунгусского (эвенского) происхождения имеются фундаментальные работы В.А. Кейметинова [Кейметинов, 1996], юкагирской лексике и юкагирским топонимам Северо-Востока Азии посвящены труды Г.Н. Курилова [Курилов, 2001]. Имеется диссертация К.Ф. Гриценко, представителя томской топонимической школы, которая в свое время проанализировала более трех тысяч названий рек и озер Якутии [Гриценко, 1968]. О способах образования русских ойконимов и освоении заимствованных в русский язык географических названий писал Н.Г. Самсонов [Самсонов, 1989]. Анализ некоторых топонимов Якутии представлен в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» В.В. Леонтьева и К.А. Новиковой [Леонтьев, Новикова, 1989]. Современные исследования географических названий и составление комплексного словаря топонимов Южной Якутии проводятся Е.В. Меркель [Меркель].

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, недостаточностью исследований словообразовательных моделей и конструкций ойконимов в контексте изучения пространственно-культурного топонимического кода Республики Саха (Якутия); во-вторых, важностью получаемых результатов для смежных с лингвистикой дисциплин историко-культурологического цикла, прежде всего для общей и исторической топонимики, исторической лексикологии, ареальной лингвистики, исторической географии. Выполненное исследование может быть определено как исследование в области региональной топонимии.

Научная новизна исследования определяется первичностью структурно-словообразовательного описания ойконимикона Якутии в лингвокультурологическом аспекте. Описаны и систематизированы основные словообразовательные топонимические модели официальных названий населенных пунктов, находящихся на территории Якутии.

Топонимы как часть лексической системы языка «являются продуктом исторического, общественного развития и несут в себе черты национальной культуры, национального самосознания. В них раскрываются разные стороны его истории, отражается быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество, исторические контакты» [Ермолаева, Приходько, 2007: 433].

Познание местной географической терминологии во всем ее богатстве, точной дифференциации и многообразии может служить важным средством воспитания сознательного восприятия окружающей природы, познания своего края и воспитания любви к нему [Никонов, 1966]. Помимо происхождения названий, топонимика изучает их историю, причины изменений, условия появления. В связи с тем, что каждый топоним возникал в определенный исторический период, накладывая свой отпечаток на

топонимию, по ним можно проследить историю того или иного региона. Каждая эпоха характеризуется своим набором географических названий, которые образуют «топонимические пласты» [Сударь, 2004].

Цель работы – описать основные структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия), участвующих в формировании пространственного культурного кода региона. Задачами определены следующие исследовательские действия: 1) выявить основные русские топоосновы, использованные при образовании ойконимов Республики Саха (Якутия); 2) определить наиболее продуктивные топоформанты, входящие в состав ойконимов РС (Я); 3) охарактеризовать словообразовательные модели ойконимов РС (Я).

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем топонимические сведения и результаты работы могут быть использованы в качестве методической основы и сопоставительного материала при дальнейшем изучении и описании топонимической системы региона в целом, при разработке вузовских спецкурсов, в учебной и краеведческой работе в школе.

II. Материалы и методы. Материалом для анализа стали официальные ойконимы из Реестра зарегистрированных в АГКГН географических названий населенных пунктов на 16.12.2022 [Реестр], описанные в «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» [СТ, 2022]. Сбор языкового материала осуществлялся методом сплошной выборки, анализировался с помощью основного описательного метода. Данный метод предусматривает использование отдельных приемов, помогающих более детальной интерпретации топонимического материала: 1) выявление исходного апеллятива или первичного имени собственного, лежащего в основе географического названия, и выделение топоосновы; 2) прием формантного анализа, позволяющий выделить наиболее продуктивные топоформанты; 3) прием словообразовательного анализа, предполагающий рассмотрение словообразовательных моделей.

Анализ русской ойконимии исследуемого региона предпринят с позиций таких подходов, как структурно-словообразовательный, позволяющий моделировать деривационные типы и процессы при формировании русского топонимикона, и прием реконструкции первоначальных мотивов и источников номинации русских топонимов.

III. Результаты и обсуждение. По мнению А.В. Уразметовой, топонимическая система представляет собой не простую сумму топонимических единиц, объединенных территориальным признаком, а такую совокупность географических названий, для которых характерен фактор времени, языковой фактор, а также ландшафтно-географическое, этнокультурное, историческое, хозяйственно-экономическое и языковое единство территории. Следовательно, любая топонимическая система обладает рядом характерных признаков: территориальностью, разновозрастностью, многоязычностью, организованностью и упорядоченностью [Уразметова, 2017: 15].

На сегодня в лингвистической науке установлены следующие пути создания топонимов: 1) слово родного языка пересматривается, а затем переходит из разряда имен нарицательных в разряд имен собственных; 2) происходит изменение самого имени собственного; 3) готовые топонимы заимствуются из другого языка; 4) топонимы конструируются из существующих в языке нарицательных слов. Имена нарицательные и имена собственные не всегда используются в той форме, в какой они существуют в языке, а формируются в топоним при помощи определенных морфем, и этот способ образования топонимов для ономастических систем определенных языков является одним из ведущих, в частности для русского языка. При изучении этого способа в топонимике появились такие термины, как топооснова и топоформант, а также метод их изучения – формантный. Он заключается в выявлении топонимического форманта имени, не всегда равного апеллятиву. Формантный метод топонимического анализа позволяет выделить в топонимах массово повторяющиеся элементы: топоосновы, топонимические аффиксы. Изучением продуктивности и территориального размещения русских суффиксов занимался В.А. Никонов.

Топооснова, или основа топонима, – это смысловой компонент географического названия (даже если в данном языке смысл, т. е. связь с именем нарицательным или другим собственным именем не вполне очевидна). Топоосновы в

чистом виде не существуют. Они обязательно дополняются до целых слов, оформляются с помощью топоформантов. Даже если топооснова полностью омонимична целому топониму, то топоформант в структурном плане все равно присутствует в качестве нулевого. Топоформанты, или топонимические форманты, – это служебные элементы, которые участвуют в построении топонимов [Суперанская, 1985: 101–102].

Территориально организованные наборы топооснов и топоформантов, правил и способов их соединения друг с другом, а также специфика восприятия определенных топонимических образований формируют топонимические системы. Так как топонимическая система является частью лексико-грамматической системы языка, то топоформанты в этой системе являются обычными для русского языка структурными элементами [Забелин, 2007].

Для определения основных русских структурно-словообразовательных моделей ойконимов, распространенных на территории Республики Саха (Якутия), важно выявить основные топоосновы, которые несут в себе главный смысловой компонент географического названия, а также определить наиболее частотные вспомогательные элементы – топоформанты, участвующие в образовании исследуемой группы онимов. Методом сплошной выборки из «Словаря топонимов РС (Я): населенные пункты» было выявлено 119 ойконимов, имеющих русскую топооснову, а также 13 географических названий, при образовании которых были использованы русские словообразовательные элементы.

В ходе исследования мы установили, что для топонимической системы Якутии характерны следующие пути возникновения ойконимов:

– наделение лексических единиц статусом топонима без утраты при этом общей производящей основы апеллятива: 1) нарицательные имена существительные различных тематических, лексико-семантических групп и типов перешли в разряд имен собственных в результате перемещения общеупотребительной бытовой лексики, относящейся к разным сферам деятельности человека: Авиапорт, Аэропорт, Заря, Звездочка, Комсомол, Нефтебаза, Амбарчик, Партизан, Склад, Стойка, Столбы, Ударник); 2) нарицательные имена прилагательные послужили названиями таких населенных пунктов, как Алмазный, Дорожный, Заречный, Казачье, Лебединый, Колымское, Ленинский, Мирный, Нагорный, Новый, Полярный, Светлый, Солнечный, Смородичный, Тополиное, Удачный;

– возникновение ойконимов на основе антропонимов и прежде всего фамилий известных личностей (Киров, Фрунзе, Чернышевский, Черский, Чкалов, Ярославский) – трансонимизация, по определению А.В. Суперанской [Суперанская, 1987: 46];

– введение в структуру ойконима имени собственного-субстрата (по терминологии Т.В. Федотовой [Федотова, 2012], заимствованного из аборигенных (по определению Н.Г. Самсонова [Самсонов, 1989]) языков, особых географических определений *верхний / нижний, старый / новый, большой / малый*, в результате чего образуются гибридные ойконимы, совмещающие топоосновы русского языка и якутского, эвенкийского, эвенского или юкагирского (Большой Нимныр, Большой Хатыми, Верхний Куранах, Верхняя Амга, Старая Табага);

– конструирование ойконимов из существующих в языке лексических единиц с помощью специальных топоформантов. Большой пласт топонимической русскоязычной лексики Якутии возник в результате актуализации, когда в качестве топоосновы были использованы: 1) лексико-семантические группы слов: церковная лексика (Павловск, Петропавловск, Покровск, Покровка, Троицк), бытовая лексика (Березовка, Солянка, Сосновка, Еланка); 2) онимы, которые выступили мотивирующими единицами для новых географических названий: антропонимы (Антоновка, Андреевский, Владимировка, Воронцово, Капитоновка, Михайловка, Окоемовка, Михалкино, Петровка), потамонимы (Вилюйск, Ленск, Олекминск, Олекминский, Верхневилюйск, Верхоянск, Нижнеколымск, Нижнеянск, Колымское).

В результате можно констатировать, что в образовании русскоязычных топонимов Республики Саха (Якутия) участвуют следующие топоосновы:

– имена собственные (антропонимы, в том числе фамилии известных личностей, географические наименования);

– имена нарицательные различных тематических групп, принадлежащие к разным частям речи (в первую очередь существительные и прилагательные).

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 78-88

Несмотря на значительную степень языкового варьирования топонимов в пределах одной топонимической системы Республики Саха (Якутия), формантный метод позволил установить, с помощью каких топоформантов образованы русскоязычные географические названия, а структурно-словообразовательный анализ показал, что в большинстве своем исследуемые ойконимы образованы типичными для топонимической системы русского языка способами (табл.)

Ойконимы, которые возникли без структурных изменений апеллятивов, А.В. Суперанская называла ойконимами с нулевым топоформантом, «превращающим основу в топоним» [Суперанская, 1985: 103]. Топонимическая система Якутии имеет и такие ойконимы. К ним относятся следующие названия населенных пунктов: Авиапорт, Амбарчик, Аэропорт, Заря, Звездочка, Комсомол, Нефтебаза, Партизан, Победа, Промкомбинат, Склад, Стойка, Столбы, Устье.

Таблица. Структурно-словообразовательная характеристика русских географических наименований

Table. Structural word-building characteristics of Russian geographical indications

Словообразовательный способ	Топооснова	Топоформант	Примеры топонимов
Суффиксальный	имена собственные (антропонимы, потамонимы, этнонимы, агиотопонимы), апеллятивы (бытовая лексика, религиозно-культовая лексика)	-ск-	Андреевский Вилюйск Колымское Ленск Никольский Олекминск Олекминский Павловск Покровск Якутск
		-к-	Антоновка Березовка Владимировка Еланка Зырянка Капитоновка Михайловка Окоемовка Петровка Покровка Солянка Троицк
		-ово	Ермолово Ефремово Селиваново Чапаево Воронцово Кочегарово
		-ин-	Тимкино Михалкино
		-инк-	Бердинка Золотинка

Сложение с суффиксацией (сложносуффиксальный)	имена собственные (антропонимы, потамонимы), апеллятивы	-ск-	Верхневилюйск Верхнеколымск Верхоянск Нижнеколымск Нижнеянск Оленегорск Петропавловск
Сложение	имена собственные (потамонимы)	–	Усть-Куйга Усть-Мая Усть-Миль Усть-Нера Усть-Оленек Усть-Чакры Нефтебаза
Субстантивация	имена прилагательные	–	Алмазный Дорожный Заречный Казачье Лебединый Ленинский Мирный Новый Полярный Пригородный Светлый Смородичный Солнечный Тополиное Удачный

Следует отметить такую топонимическую закономерность, как возникновение названий населенных пунктов по рекам с уточнителями *нижний* и *верхний,* а также образование сложных (по определению Н.Ю. Забелина – композитных [Забелин, 2007]) ойконимов с определителями *большой, старый, новый* и др. А.В. Суперанская выделяет обязательные топоосновы (императивные), которые непременно должны встретиться в составе географических названий, и необязательные (факультативные), случайно вошедшие в топонимию [Суперанская, 1985: 103]. Репертуар обязательных основ ограничен. К их числу, по мнению исследователя, относятся типовые определения (большой, средний, малый, верхний, нижний, северный, южный, восточный, западный, новый, старый и т.п.). Исследуя топонимикон Якутии, Н.Г. Самсонов также отмечал: «зона распространения русского топонимического пласта ограничена в основном вдоль больших рек, по верхнему и среднему течениям Лены, а также по северным рекам. Русские поселенцы первые селения называли аборигенными наименованиями рек и других водоемов. Когда же вдоль реки появлялось несколько селений, им присваивались русские названия или аборигенные по местности с определениями нижний, верхний, средний, большой / малый и т. д.» [Самсонов, 1989: 17]. К этой группе топонимических единиц относятся ойконимы Абага центральная, Большой Нимныр, Большой Хатыми, Верхний Куранах, Верхняя Амга, Нижний Бестях, Нижний Куранах, Нюя Северная, Русское Устье, Серебряный Бор, Старая Табага. Среди перечисленных выше ойконимов не все имеют русскоязычную топооснову, однако, вслед за Н.Г. Самсоновым, мы включили их в корпус исследуемых топонимических единиц по первому слову в словосочетании (кроме топонима Абага центральная, в котором оно является вторым). К ним примыкают ойко-

нимы с лексическим элементом *усть*: Усть-Нера, Усть-Оленек и др. Усть – часто встречающийся в названиях городов и других населенных пунктов на территории России лексический элемент – восходит к понятию «устье» и свидетельствует о том, что данный населенный пункт расположен в месте впадения реки в другую реку, озеро, водохранилище или море.

По структуре ойконимы распределяются на две подгруппы: однословные (Амга, Владимировка и др.) и композитные (Белая Гора, Графский Берег, Серебряный Бор, Теплый Ключ, Охотский Перевоз, Крестовский Лесоучасток и др.). Также наименования населенных пунктов можно разделить на три группы по принадлежности ойконима к той или иной части речи: 1) номинативные (ойконим-существительное – Авиапорт, Заря, Золотинка); 2) адъективные (ойконим-прилагательное – Андреевский, Казачье, Колымское, Новый, Чукочья); 3) композитные (сочетание ойконима-существительного и ойконима-прилагательного – Верхняя Амга, Охотский Перевоз, Крестовский Лесоучасток; сочетание ойконимов-существительных с лексическим элементом *усть* – Усть-Янск, Усть-Куйга, Усть-Мая, Усть-Оленек).

Изучение корпуса выявленных ойконимов позволило описать основные структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия). Применив классификационную модель, разработанную Н.Ю. Забелиным на материале урбанистической системы г. Москвы, и расширив ее за счет результатов, полученных при структурно-словообразовательном анализе, мы выделяем следующие структурно-словообразовательные модели ойконимов:

1) адъективные однословные, представленные именем прилагательным с неизмененной топоосновой, образованные способом субстантивации (Алмазный, Лебединый, Ленинский) – 18 ойконимов;

2) адъективные однословные, представленные именем прилагательным, образованным суффиксальным способом, с топоосновой – именем собственным (Андреевский, Колымское) – 4 ойконима;

3) субстантивные однословные, представленные именем существительным, образованным суффиксальным способом с помощью топоформантов -ск-, -к-, -ин-, -инк-, -ово с топоосновой – нарицательным существительным (Березовка, Походск) и именем собственным (Ленск, Павловск) – 25 ойконимов;

4) субстантивные однословные, представленные именем существительным, образованным сложносуффиксальным способом с участием топоформанта -ск-, с топоосновой – именем собственным (Верхневилюйск, Нижнеколымск) – 6 ойконимов;

5) субстантивные однословные, представленные именем существительным с неизмененной топоосновой – нарицательным существительным (Аэропорт, Звездочка, Комсомол) – 17 ойконимов;

6) субстантивные однословные, представленные именем существительным с неизмененной топоосновой – именем собственным (антропонимом) (Фрунзе, Чернышевский, Черский, Чкалов, Ярославский) – 7 ойконимов;

7) композитные, представляющие собой словосочетания прилагательных или существительных в разных вариантах, с топоосновой – нарицательным существительным (Графский Берег, Серебряный Бор, Теплый Ключ) – 13 ойконимов;

8) калькированные – Солянка от як. Тустах (як. *туус* ‘соль’), Белая гора (от як. *уруҥ* ‘белый’; *хайа* ‘гора, горный’) – 2 ойконима.

9) экстрасистемные – ойконимы, которые не подчиняются системным закономерностям (Затон ЛОРПа, Промкомбинат, 8-й км) – 8 ойконимов.

IV. Заключение. Формантный анализ позволил сделать вывод о том, что в образовании русскоязычных топонимов Республики Саха (Якутия) участвуют следующие топоосновы:

– имена собственные (антропонимы, в том числе фамилии известных личностей, географические наименования);

– имена нарицательные различных тематических групп, принадлежащие к разным частям речи (в первую очередь существительные и прилагательные).

Структурно-словообразовательный анализ показал, что русскоязычные ойконимы на территории Якутии в основном образованы при помощи аффиксации и в первую очередь суффиксальным способом. Этот процесс осуществляется путем топонимизации апеллятива, когда источником ойконима служит имя нарицательное, и трансонимизации, когда источником

нового имени собственного служит другое имя собственное.

Наиболее продуктивными в образовании русскоязычных ойконимов являются топоформанты -ск-, -к-, -ово (Антоновка, Вилюйск, Ермолово), что соответствует русской топонимической системе: в свое время В.А. Никонов установил, что до 94% русских или освоенных русским языком топонимов суффиксальны [Никонов, 2011]. При этом топоосновы представлены достаточно широко: имена собственные (антропонимы, потамонимы, этнонимы, агиотопонимы), апеллятивы (бытовая лексика, религиозно-культовая лексика).

Среди русскоязычных ойконимов есть группа слов с нулевым формантом: Воин, Столбы, Заря, Дорожный, Мирный, Тополиное и др. Это явление – характерная особенность русской топонимии в целом и Восточной Сибири в частности. Продуктивность этих лексико-семантических образований подтверждается их достаточно большим количеством и распространенностью на территории Республики Саха (Якутия).

Менее частотными являются ойконимы, образованные такими способами, как сложение (Усть-Куйга, Усть-Мая, Усть-Оленек) и сложение с суффиксацией (Верхневилюйск, Нижнеколымск, Верхоянск, Петропавловск, Оленегорск). Здесь наблюдается интересный феномен: названия в русском языке возникли в результате соединения русского корня и корней аборигенных языков, причем аборигенные корни – это названия водоемов, как правило, рек. К этому же феномену можно отнести и ойконимы-словосочетания, где одно из слов (чаще всего прилагательное) – типичные для русской топонимической системы, являющиеся, по мнению А.В. Суперанской, императивными топоформантами, географические определения, а второе – слово-субстрат одного из аборигенных языков. Это такие, например, названия, как Верхний Куранах, Верхняя Амга, Нижний Бестях, Нижний Куранах, и примыкающие к ним другие композитные ойконимы: Абага Центральная, Большой Нимныр, Большой Хатыми, Нюя Северная.

Примерами словотворчества советского периода становления топонимической системы Якутии являются ойконимы, полученные путем субстантивации: Алмазный, Мирный, Полярный, Солнечный и др.

Проведенное исследование позволило описать основные структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия). По характеру топоосновы, типу топоформанта, способу образования мы составили девять моделей, внутри которых можно выделить три основных по частеречной принадлежности ойконима и его структуре: адъективные, субстантивные, композитные. Кроме того, наличие пусть и малого количества ойконимов, но не единичных, дало возможность говорить о такой непродуктивной модели, как калькированные. Единичные неординарные ойконимы формируют модель экстрасистемных.

Присутствие в топонимиконе Якутии ойконимов русского происхождения, образование названий населенных пунктов с помощью русских топоформантов в какой-то степени отражает историю Якутии и свидетельствует об изменениях топонимической ситуации в регионе, о формировании особого пространственного культурного кода на территории Республики Саха (Якутия).

Работа над топонимиконом Республики Саха (Якутия) будет продолжена. Предстоит описать пласт вошедших в топонимическую систему русского языка ойконимов аборигенного происхождения, в том числе образованных с помощью русских топоформантов, также в перспективе планируется обратиться к анализу других видов топонимов – территориально-муниципальным наименованиям (названиям наслегов, улусов, районов) – и в результате комплексного анализа составить целостное представление о топонимической системе Якутии и определить основные закономерности ее формирования с учетом исторических, культурных и лингвистических особенностей.

Список дополнительных источников:

Василевич Г.М. Русско-эвенкийский словарь: пособие для уч-ся 5-9 кл. общеобраз. учрежд.: в 2 ч. Ч. 2. 2-е изд., перераб. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2005. 240 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001. 608 с.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР [Науч. ред. Г.А. Меновщиков]. Магадан: Кн. изд-во, 1989. 456 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 78-88

Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населенных пунктов Республики Саха (Якутия). URL: https://cgkipd.ru/upload/iblock/7cc/o50oh9ohpw5qhoi3yubswe0y3cimy979.pdf. (дата обращения 25.01.2023)

СТ – Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты / Т.М. Никаева, А.С. Старостина, М.В. Тарабукина и др. Новосибирск: Архимед, 2022. 224 с.

Список литературы

Багдарыын Сюлбэ. Топонимика Якутии : крат. науч.-поп. очерк [Отв. ред. П.А. Слепцов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманит. исслед.]. Изд. 2-е, испр. и доп. Якутск: Бичик, 2004. 190 с.

Гриценко К.Ф. Названия рек и озер Якутии: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. 20 с.

Ермолаева Ю.Ю., Приходько А.А. Город Якутск: история, культура, фольклор [Сост. П.П. Петров, С.И. Боякова]. Якутск: Бичик, 2007. С. 432–440.

Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия структурно-семантический анализ топонимической системы: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 22 с.

Иванов Н.М. Функционирование топонимов в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 1. С. 92–100.

Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии (часть 1). Якутск: Мирнинская городская типография, 1996. 186 с.

Меркель Е.В., Яковлева Л.А. Топонимия Южной Якутии: словообразовательный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6. С. 592–593. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/toponimiya-yuzhnoy-yakutii-slovoobrazovatelnyy-aspekt/viewer (дата обращения 25.01.2023). DOI 10.24411/1991-5497-2019-10254

Монастырев В.Д. Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Якутск, 1993. 22 с.

Никонов В.А. Введение в топонимику. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.

Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы: (словообразовательный анализ). М., 1983. 160 с.

Самигуллина А.С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 1. С. 82–87.

Самсонов Н.Г. Наши имена. Якутск: Як. книжн. изд-во, 1989. 143 с.

Сударь Г.С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования : Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 182 с.

Уразметова А.В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация : монография. М.: Флинта: Наука, 2017. 188 с.

Федотова Т.В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 43 с.

References:

Bagdaryyn Syulbe. *Toponimika Yakutii: kratkiy nauchno-populyarnyy ocherk* [Toponymics of Yakutia: brief popular science overview]. Executive Editor P.A. Sleptsov; Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Institute for Humanitarian Research. Edition 2, revised and expanded. Yakutsk: Publ. “Bichik”, 2004. 190 p. (In Russian)

Ermolaeva Yu.Yu., Prikhod’ko A.A. *Gorod Yakutsk: istoriya, kul’tura, fol’klor* [The City of Yakutsk: History, Culture, Folklore]. Compiled by P.P. Petrov, S.I. Boyakova. Yakutsk: Publ. “Bichik”, 2007. Pp. 432-440. (In Russian)

Fedotova T.V. *Russkaya toponimicheskaya sistema Vostochnogo Zabaykal’ya* [Russian Toponymic System of Eastern Transbaikalia]. Abstract of Dr. Sci. (Philology) diss. Ulan-Ude, 2012. 43 p. (In Russian)

Gritsenko K.F. *Nazvaniya rek i ozer Yakutii* [Names of the rivers and lakes of Yakutia]. Abstract of Cand. Sci. (Philology) diss. Tomsk: Tomsk University Publ., 1968. 20 p. (In Russian)

Ivanov N.M. Funktsionirovanie toponimov v Respublike Sakha (Yakutiya) [Functioning of toponyms in the Sakha Republic (Yakutia)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal’nogo universiteta im. M.K. Ammosova* [Bulletin of Ammosov North-Eastern Federal University]. 2014. Vol. 11. № 1. Pp. 92-100. (In Russian)

Keymetinov, V.A. *Aborigennaya (evenskaya) toponimika Yakutii* (chast’ 1) [Aboriginal (Even) toponymics of Yakutia (part 1)]. Yakutsk: Mirny City Printing House, 1996. 186 p. (In Russian)

Merkel E.V., Yakovleva L.A. Toponimiya Yuzhnoy Yakutii: slovoobrazovatel’nyy aspekt [Toponymy of South Yakutia: word-building aspect]. *The World of Science, Culture, Education.* 2019. № 6. Pp. 591-593. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/toponimiya-yuzhnoy-yakutii-slovoobrazovatelnyy-aspekt/viewer (date of the application: 25.01.2023) DOI 10.24411/1991-5497-2019-10254 (In Russian)

Monastyrev V.D. *Struktura i semantika toponimov (na materiale toponimii pravoberezhnykh rayonov*

Tsentral'noy Yakutii) [Structure and semantics of toponyms (based on the toponymy of the right-bank districts of Central Yakutia)]. Abstract of Cand. Sci. (Philology) diss. Yakutsk, 1993. 22 p. (In Russian)

Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku*. 2-e izd. [Introduction to toponymics. 2nd edition]. Moscow: LKI Publ., 2011. 184 p. (In Russian)

Podol'skaya N.V. *Tipovye vostochnoslavyanskie topoosnovy: (slovoobrazovatel'nyy analiz)* [Typical East Slavic topographic bases: (word-building analysis)]. Moscow, 1983. 160 p. (In Russian)

Samigullina A. S. Prostranstvennyy kod kul'tury i ego smyslovye proektsii [Spatial cultural code and its semantic projections]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2007.* № 1. Pp. 82–87. (In Russian)

Samsonov N.G. *Nashi imena*. [Our names]. Yakutsk: Yakutsk Publ., 1989. 143 p. (In Russian)

Sudar' G.S. *Toponimiya Ispanii kak ob"ekt lingvokul'torologicheskogo issledovaniya* [Toponymy of Spain as a subject of research]. Abstract of Cand. Sci. (Philology) diss. Moscow, 2004. 24 p. (In Russian)

Superanskaya A.V. *Chto takoe toponimika*? [What is toponymics?]. Moscow: Science Publ., 1985. 182 p. (In Russian)

Urazmetova A.V. *Toponimicheskaya sistema SShA: pervichnaya i vtorichnaya nominatsiya:* Monografiya [Toponymic system of the USA: primary and secondary nomination: Monograph]. Moscow: Flinta Publ.: Science Publ., 2017. 188p. (In Russian)

Zabelin N.Yu. *Moskovskaya gorodskaya toponimiya strukturno-semanticheskiy analiz toponimicheskoy sistemy* [Moscow city toponymy structural-semantic analysis of the toponymic system]. Abstract of Cand. Sci. (Philology) diss. Moscow, 2007. 22 p. (In Russian)

Сведения об авторах:

Печетова Наталья Юрьевна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»; г. Якутск, Российская Федерация;

http://orcid.org/0000-0003-0258-6554;
pechetovan@mail.ru

Никаева Татьяна Михайловна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»; г. Якутск, Российская Федерация;

http://orcid.org/0000-0002-8977-5165;
elizarovat@mail.ru

Information about the author:

Pechetova Natalya Yuryevna – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk, Russian Federation;

http://orcid.org/0000-0003-0258-6554;
pechetovan@mail.ru

Nikaeva Tatyana Mikhailovna – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk, Russian Federation;

http://orcid.org/0000-0002-8977-5165;
elizarovat@mail.ru

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 89-103

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007
УДК: 811.512.141’276

Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах*

З.Н. Экба

Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация,
zaremaekba@iling-ran.ru

Аннотация. В статье впервые анализируются названия растений арабо-персидского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах в их соотношении с данными других тюркских языков. Целью работы является классификация данной группы заимствований, а также определение хронологических границ вхождения этих лексических единиц в тюркские языки. В работе проводится выявление и систематизация заимствованных фитонимов в башкирских диалектах и говорах, сопоставление их с литературным языком, сравнительный анализ с другими тюркскими языками, а в ряде случаев с другими языками алтайской языковой семьи, а также этимологический анализ фитонимов. В статье использованы лексико-семантический и описательный метод, метод структурного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод диахронического анализа, этимологический метод. В результате предложена классификация фитонимов, содержащая три группы лексем: 1) фитонимы, употребляемые только в литературном башкирском языке; 2) фитонимы, названиями которых в диалектах являются арабо-персидские заимствования, а в литературном языке им соответствуют наименования исконного происхождения; 3) фитонимы, в составе которых употребляются наименования мифических персонажей, мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы. В статье приводится подробный анализ всех групп лексики, определяется этимология и хронологические рамки вхождения большей части заимствованных арабо-персидских названий растений в тюркские языки. Отдельный раздел посвящен корреляции антропонимов с фитонимами в башкирском языке.

Ключевые слова: тюркские языки, башкирский язык, диалекты и говоры башкирского языка, арабо-персидские заимствования, фитонимы (названия растений), антропонимы

Для цитирования: Экба З.Н. Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 89–103. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007

Phytonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and its Dialects

Z.N. Ekba

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
zaremaekba@iling-ran.ru

Abstract. The article analyzes for the first time the names of plants of Arab-Persian origin in the Bashkir literary language and its dialects in their relationship with the data of other Turkic Languages. The aim of the work is to classify this group of borrowings, as well as to determine the chronological boundaries of the occurrence of these lexical units

*Автор выражает огромную благодарность д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН Анне Владимировне Дыбо за консультирование при работе над статьей.

© Экба З.Н., 2023

in the Turkic Languages. The paper identifies and systematizes borrowed phytonyms in Bashkir dialects and dialects, compares them with the literary language, comparative analysis with other Turkic Languages, and in some cases with other languages of the Altai language family, as well as etymological analysis of phytonyms. The article uses the lexical-semantic and descriptive method, the method of structural analysis, the method of comparative analysis, the method of diachronic analysis, etymological method. As a result, a classification of phytonyms containing three groups of lexemes is proposed: 1) phytonyms used only in the literary Bashkir language; 2) phytonyms whose names in dialects are Arabic-Persian borrowings, and in the literary language they correspond to the names of the original origin; 3) phytonyms, which include the names of mythical characters, Muslim saints, their proper names and other anthroponyms. The article provides a detailed analysis of all groups of vocabulary, determines the etymology and chronological framework of the occurrence of most of the borrowed Arabic-Persian names of plants in the Turkic Languages. A separate section is devoted to the correlation of anthroponyms with phytonyms in the Bashkir Language.

Keywords: Turkic Languages, Bashkir Language, dialects of the Bashkir Language, Arabic-Persian borrowings, phytonyms (plant names), anthroponyms

For citation: Ekba Z.N. Phytonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and its Dialects. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 89-103. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007 (In Russian)

I. Введение. В башкирском языкознании есть работы, которые в той или иной степени затрагивают вопросы описания, способов номинации и систематизации фитонимов: [Хисматова, 2005: 3–21], [Шайхулов, 1988: 107–114], [Ягафарова, 2008: 3–128] и др., все они посвящены в основном лексике исконного происхождения. В более широком плане названия растений в тюркских языках (ТЯ) получили освещение в [СИГТЯ, 1997: 103–145], а также в работах А.Г. Шайхулова, [Шайхулов, 1986: 100–124] и Ю.В. Норманской [Норманская, 2008: 119–154].

Что касается арабо-персидских заимствований в башкирском литературном языке, то они довольно подробно исследованы, имеются специальные толковый [Биишев, 2009] и переводной [Экба, 2004] словари. Однако в диалектах эта группа заимствованной лексики никогда не была предметом специального изучения.

В связи с этим нам представляется весьма *актуальным* полноценный анализ арабо-персидских заимствований в диалектах и говорах башкирского языка на синхронном и диахронном уровнях. *Научная новизна* работы заключается в том, что в статье впервые анализируются названия растений арабо-персидского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах в их соотношении с данными других тюркских языков и в более широком плане – языков алтайской языковой семьи, а также в плане этимологии. В результате работы получены новые данные в области ареальной лингвистики, свидетельствующие о влиянии арабского и персидского языков на башкирский и шире – на тюркские языки.

Целью работы является классификация данной группы заимствований, а также определение хронологических границ вхождения этих лексических единиц в тюркские языки. Для осуществления поставленной цели производится полный отбор фитонимов, зафиксированных в словарях, распределение их по лексико-тематическим группам, сравнение этих наименований с литературным башкирским языком, сопоставление с соответствующими лексемами в других кыпчакских языках, а также с языками из других групп тюркских языков (карлукскими и огузскими), в отдельных случаях финно-угорскими и монгольскими языками. Следует отметить, что арабо-персидское влияние на монгольские языки было минимальным, поэтому случаи сопоставления с ними единичны. В работе ставятся *задачи* систематизации выявленных заимствованных фитонимов в башкирских диалектах и говорах, установление их корреляции с литературным языком, а также данными других тюркских языков, а в ряде случаев с другими языками алтайской языковой семьи, этимологический анализ фитонимов, а также определение хронологических границ вхождения данных заимствований в тюркские языки.

Теоретическая и практическая значимость: в плане сравнительно-исторических исследований удалось проследить вхождение арабо-пер-

сидских заимствований в ТЯ на разных хронологических срезах, для многих лексем впервые выявлена этимология, получены новые данные для диалектологии и ареальной лингвистики. Научные результаты, полученные в процессе решения поставленных задач, могут послужить теоретической основой в ходе исследования других лексико-тематических групп арабо-персидской заимствованной лексики. Материалы исследования могут быть использованы для составления словарей различного типа, лекционных курсов и учебной литературы.

II. Материалы и методы исследования. Источниками для сбора материала послужили следующие словари: «Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге» (Диалектологический словарь башкирского языка) [ДСБЯ, 2002], «Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке» [ИТС, 2015] и «Башҡорт теленең академик һүҙлеге» (Академический словарь башкирского языка) (в 10 томах) [АСБЯ, 2011-2018]. Методом сплошной выборки были выделены названия растений, которые: а) являются названиями рода или вида растения (т.е. мы не включали сюда наименования общего порядка типа «ягода» или «трава»); б) имеют помету «диалектное» в [АСБЯ, 2011–2018] или указание на конкретный диалект или говор в [ДСБЯ, 2002].

Для уточнения толкований отдельных слов или их соответствий в башкирском литературном языке использовались толковый словарь «Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре» («Арабские и персидские слова, употребляемые в башкирском языке») [Бейешев, 2009] и переводной «Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения» [Экба, 2004].

В статье предпринята попытка определить хронологические границы заимствований для лексических единиц указанной выше группы. В целях верификации источника заимствования для большинства лексем был проведен этимологический анализ. Слово-источник приводится в круглых скобках в арабской графике с указанием на язык происхождения по [АСБЯ, 2011–2018], в отдельных случая по [Бейешев, 2009], рядом дается транслитерация на кириллице по этимологическому словарю татарского языка [Ахметьянов, 2004].

В процессе исследовательской работы привлекались научные труды, содержащие (помимо прочих) сведения о названиях растений в памятниках др.-тюрк. письменности: «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского [МК, 2005], «Древнетюркский словарь» [ДТС, 2016], «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века» (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба) [Наджип, 2017], Botanica und Zoologica im Babur-name («Ботаника и зоология» в Бабур-Наме) [Hauenschild, 2006].

В статье не рассматривались такие названия растений, содержащие арабский или персидский компонент в составе своего наименования, которые являются кальками с русского языка, т.к. они не являются прямыми заимствованиями.

В работе применялись следующие методы исследования:

– лексико-семантический и описательный (толкование либо описательное значение слов соответствующей группы), а также метод структурного анализа (для определения мотивационных признаков фитонимов);

– метод сравнительно-сопоставительного анализа: к лексемам башкирского языка и его диалектов при наличии приводятся соответствия из других языков кыпчакской группы, а также других групп тюркских и финно-угорских языков с ссылкой на Древнетюркский словарь [ДТС, 2016] и Этимологический словарь татарского языка [Ахметьянов, 2004];

– метод диахронического анализа, с помощью которого отслеживается история вхождения исследуемых лексем в ТЯ в хронологическом порядке на основе анализа памятников др.-тюрк. письменности;

– этимологический метод, для этого мы регулярно обращались к «Этимологическому словарю татарского языка» [Ахметьянов, 2004] как наиболее близкородственного башкирскому, принимая во внимание тот факт, что многие арабо-персидские заимствования в этих языках являются общими. В отдельных случаях использован «Этимологический словарь турецкого языка» [Титце, 2002].

Поскольку своеобразие выявленных лексем не позволяет подчинить их какой-либо из уже имеющихся классификаций, мы предлагаем свою, применимую пока конкретно для этой лексико-тематической группы заимствованных слов.

Так, на основе проведенного анализа нам удалось выделить три самостоятельные группы фитонимов: 1) фитонимы, употребляемые только в литературном башкирском языке; эта группа разделена на три более мелкие лексико-тематические подгруппы: названия плодовых деревьев и их плодов, названия декоративных деревьев и кустарников, названия цветов и трав; 2) фитонимы, названиями которых в диалектах являются арабо-персидские заимствования, а в литературном языке им соответствуют наименования исконного происхождения; сюда относятся 12 самостоятельных подгрупп названий, объединенных по основному заимствованному компоненту; 3) фитонимы, в составе которых употребляются наименования мусульманских святых, имена мифических персонажей и другие антропонимы; в эту группу вошли 10 подгрупп, каждая из которых представлена одним или несколькими названиями, выявленных также на основе общего заимствованного компонента.

В заключительной части статьи приводятся корреляции фитонимов и антропонимов в башкирском языке. Процесс имеет двоякую направленность: некоторые названия растений стали употребляться в качестве антропонимов, а другая часть, напротив, получила свои названия от собственных имен коранических и мифических персонажей.

III. Результаты и обсуждение

1. *Фитонимы, употребляемые только в литературном языке*. Среди всех названий растений четко выделяется группа фитонимов, употребляемых только в баш. лит. языке – таких названий оказалось 21. Мы разделили их на три более мелкие тематические группы, для каждого термина приводится соответствие в тур. яз. по [БРТС, 1998]. Наши наблюдения показали, что названия этой подгруппы фитонимов идентичны для кыпчакских и огузских языков, соответственно, можно предположить, что это достаточно древние заимствования, приобретенные книжным путем. Для верификации данной гипотезы мы обратились к научным трудам, содержащим (в числе прочих других материалов) сведения о названиях растений в памятниках письменности, таких как: «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского [МК, 2005], «Врата истин» А. Югнекского, «Кутадгу Билиг», «Огуз-наме» [ДТС, 2016], «Хосроу и Ширин» Кутба [Наджип, 2017] и «Бабур-Наме» [Hauenschild, 2006]. Наличие искомых лексем в соответствующих памятниках будет отмечено в тексте работы.

1.1. Названия плодовых деревьев и их плодов

1.1.1. *Анар* (перс. انار *нар*) ‘гранат’; тур. *nar*; отмечено словаре Наджипа в форме انار *нар* ‘граната, фрукты’ [Наджип, 2017: IV–389] и в Бабур-наме: *anār* ‘Granatapfel’ [Hauenschild, 2006: 16]; в ДТС указано, что слово встречается в форме *NARA* ‘гранат’ в древнеуйгурском медицинском тексте [ДТС, 2016: 277].

1.1.2. *Дәрсен* (перс. دارچین *тарчин*) ‘корица, кора корицы’; тур. tarçin.

1.1.3. *Зәйтүн* (ар. زيتون *зәйтун, зәйтуни*) ‘оливковое дерево’; *зәйтүнгөл* (*зәйтүн* ‘олива’ + *гөл* ‘цветок’) ‘декоративная олива, маслина’ [АСБЯ, 2011–2018: III–634]; тур. *zeytin*; отмечено в Бабур-наме: *zaytūn* ‘eine Ölbaumart’ [Hauenschild 2006: 66].

1.1.4. *Инжир* (рус. < перс. انجیر *инҗир*) ‘инжир’; в лит. баш. образует производное *инжир бесәйғойроҡ* ‘марь смоковницелистная’ (травянистое растение) [ИТС, 2015: 8]; тур. *incir*.

1.1.5. *Ҡәнәфер ағасы* (ар. قرنفل) ‘гвоздичное дерево’, ‘сизигиум ароматный’ [АСБЯ, 2011–2018: VII–859]; *ҡәнәфер* ‘гвоздика’ (специя из засушенных цветков этого дерева); тур. *karanfil.*

1.1.6. *Тут* (ар. توت *тут*), в [СИГТЯ, 1997: 136] указано перс. происхождение слова – ‘тутовое дерево, шелковица’; слово отмечено в словаре Наджипа: ТУТ ‘тутовник’, توت ی *тут терәги* ‘тутовое дерево’, ‘шелковица’, ссылаясь на Будагова, пишет: « توت тут, تود *туд*, دوت *дут* с пом. перс., восходит к араб. ثوت *тус* ‘шелковица’, ‘тут’, توت اغاجی *тут ағачы* ‘шелковичное дерево’; قره توت *қәрә тут* ‘дикая шелковица’, ‘ежевика’; представляется *қара тут* иначе شاه توت *шаҳ тут* ‘сорт очень сладкого тута черного цвета’, по персидски توت سیاه *тути сийаҳ* ‘черный тут’; тур. *dut*, аз., турк., узб. *тут*; в узб. еще *балиқ тут* или *балхи тут* ‘белая шелковица, вид тутовника с крупными белыми сладкими плодами’; *қўноқ тут* ‘дикорастущий тутовник’; *шо тут* ‘черная шелковица’; *марварид тут* ‘сорт шелковицы, имеющий мелкие, сладкие, поздно созревающие плоды’; *ер тут* ‘клубника’; уйг. кроме *тут* еще *чиқир үзүм*; тат., баш., каз., карач. балк., ног., кум. *тут*; кир. *тыт*; к-калп. *тут*, *науқал тут* [Наджип, 2017:

II–193]; отмечено также в Бабур-наме: *tūt* ‘Maulbeerbaum’[Hauenschild, 2006: 62].

1.1.7. *Хөрмә* (перс. خرما *хурма*) ‘финик/ финиковый’; тур. *hurma* ‘финик’, *trabzon hurması* ‘хурма’; отмечено в Бабур-наме: *hurmā* ‘Dattelpalme’ [Hauenschild, 2006: 32].

1.1.8. *Шафран* (перс. شفرن *шафран*) ‘шафран’ (сорт яблони и ее плодов); *şafran / safran elması* ‘шафран’.

1.1.9. *Шафталы / шәфтәле* (перс. شفتل *шафтал, шафтали*) ‘персик / персиковый’; тур. *şeftali* ‘персик’; отмечено в Бабур-наме: *šaftālū* ‘Pfirsich’[Hauenschild, 2006: 59].

1.1.10. *Әлүк* (перс. الو *алу*) ‘алыча / алычовый’, тат. *әлү, әлүн* ‘слива’; тур. *alaca erik* ‘алыча’; самое древнее из рассматриваемых нами заимствований, зафиксировано у Махмуда Кашгарского (XI в): ALUČ бот. ‘алыча’ (Prunus divariceta Led.), а также производное от него (?) [МК, I 138]: ALUČÏN ‘съедобное растение с коленчатым стеблем’ [ДТС, 2016: 44]; отмечено также в Бабур-наме: *ālū* ‘Hanspflaume’, *ālūča* ‘Kirschplame’ [Hauenschild, 2006: 12].

1.2. Названия декоративных деревьев и кустарников

1.2.1. *Дәфнә* (перс < ар. دفن *дәфнэ*) ‘лавровишня’ [АСБЯ, 2011–2018: III–478]; тат. *дәфнә* ‘олеандр, лавр’; первоначально восходит к греч. имени Дафна [Ахметьянов, 2004: I–176]; в БЯ образует производное *дәфнәсейә* ‘лавровишня’ (*дәфнә* ‘лавр’ + *сейә* ‘вишня’) [ИТС, 2015: 198]; другое производное *хамедафне* ‘род растения семейства вересковых, состоящих из одного вида’, очевидно, является калькой с русского (из лат. *Chamaedaphne*) [ИТС, 2015: 19]; тур. *defne.*

1.2.2. *Зәкүм* (ар. زقوم) ‘закум’ [ИТС, 2015: 168]; перен. рел. ‘ядовитое дерево в аду’ [АСБЯ, 2011-2018: III-634]; тур. *zakkum*.

1.2.3. *Йәсмин* (ар. ياسمون) ‘жасмин, чубушник’; тур. *yasemin*; отмечено в Бабур-наме: *yāsaman* ‘Jasmin’ [Hauenschild, 2006: 65].

1.2.4. *Самшит* (перс. شمشاد) ‘самшит’ (вечнозеленое медленнорастущее небольшое дерево или кустарник с очень твердой, плотной и тяжелой древесиной); тур. *şimşir.*

1.2.5. *Сәрхәт кыяғы* ‘гребенщик, тамариск, божье дерево, астраханская сирень’; первая часть названия происходит от (ар. سرحد *сәрхәт*) ‘простор’, вторая часть исконного происхождения: *кыяк* ‘лист; перо, стрелка (злаковых и травянистых растений, лука, чеснока)’, диал. ‘перо птицы’ [АСБЯ, 2011–2018: V-843]; по всей видимости, название происходит по месту произрастания – кустарник распространен в полупустынях и степных зонах.

1.3. Названия цветов и трав

1.3.1. *Зәғферән/зәғфәрән* (ар. زعفران) ‘шафран’или ‘крокус’; *зәғферән гөлө* ‘шафран’ или ‘крокус посевной’ [ИТС, 2015: 78]; тур. *safran*; очевидно, одно из наиболее ранних заимствований, т.к. встречается в каирском списке Кутатгу-Билиг (первая половина XIV в): ZA’FARAN ‘шафран’ [ДТС, 2016: 676]; отмечено в Бабур-наме: *za’farān* ‘safran’[Hauenschild, 2006: 65].

1.3.2. *Кәнәфер* (ар. قرنفل) ‘гвоздика’ (цветок); в вост. и сакм. говорах имеет фонетический вариант *кәләмфер*; тур. *karanfil.*

1.3.3. *Миләүшә* (перс. بنفشا *банафша/ бәнәфшә*) ‘фиалка’; в лит. баш. и тат. яз. употр. в зн. ‘фиолетовый цвет’; соотв. тат. диал. *меләwиш* ~ кумык. *мелевше*, кар. *мәнәвшә*, чаг. *гөнәфшә.* Ахметьянов возводит перс. *бәнәфшә* < к форме *vanawša* из пехлеви, а также отмечает, что форма *мәләwши* < *менәwши* происходит из ар. яз. (перс. заимствование, образованное по правилам арабского словообразования) [Ахметьянов, 2004: II-187]; тур. *menekşe*; отмечено в Бабур-наме: *banafša ‘Violchen’* [Hauenschild, 2006: 22].

1.3.4. *Райхан* (ар. ريحان *рәйохан*) ‘базилик’; ср. тат. *рәйхан* ‘базилик, душистое растение’; Ахметьянов возводит слово к арабскому корню *рwх* со зн. ‘приятный запах’ и считает, что от него же произошли заимствованные в ТЯ лексемы *рәхәт* и *рух* [Ахметьянов, 2004: III–20]; тур. *reyhan.*

1.3.5. *Рауза* (ар. روضة *руза*) ‘роза’; тур. лит. gül, тур. диал. roza gülü ‘роза’.

1.3.6. *Сөмбөл* (ар. سنبول *сумбул, сумбулah*) ‘гиацинт’, баш. уст. ‘колос’; тат. *сөмбел, сөнбел* [сөмбөл, сөнбөл] ‘гиацинт’, перен. ‘кудри красавицы’, кирг. *сумбул чач* ‘черные кудрявые волосы’ [Ахметьянов, 2004: III–60]; тур. *sümbül*; отмечено в Бабур-наме: *sumbul dirahtī* Moschuswurzel [Hauenschild, 2006: 58].

Таким образом, в подгруппе растений «Названия плодовых деревьев и их плодов» оказалось 10 наименований, в подгруппе «Названия декоративных деревьев и кустарников» – 5, в подгруппе «Названия цветов и трав» – 6.

2. Особенности диалектных употреблений. Среди заимствований, имеющих особенности

употребления в диалектах, сложно выделить самостоятельные лексико-семантические подгруппы, т. к. один и тот же заимствованный компонент может употребляться в составе названия разных видов растений (ср. напр. средн. *алҡагөл* ‘фуксия’, средн., дем. *алҡалы гөл* ‘фуксия’ (цветок), *алҡа үләне* ‘повилка’ (трава); караид. *шайтан ағасы* ‘бузина’ (кустарник или небольшое деревце), дем. *шайтан арбаҫы* ‘перекати-поле’ (травянистое растение), ай. *шайтан мәшкәге* ‘мухомор’ (гриб). В целом можно отметить, что диалектные фитонимы, содержащие заимствованный компонент, в большинстве случаев являются наименованиями местных диких травянистых растений и комнатных декоративных цветов, произрастающих на территории проживания башкир (в отличие от предыдущей группы слов, являющихся наименованиями растений, произрастающих в теплолюбивом климате и, скорее всего, заимствованных в башкирский и др. ТЯ вместе с понятиями и реалиями). Мы выделили 12 самостоятельных групп названий, объединив их по основному заимствованному компоненту.

2.1. Несколько диалектных названий растений имеют в своем составе слово ***алҡа*** ‘серьги’ (ар. حلقة *халқа*): средн. *алҡагөл* ‘фуксия’, средн., дем. *алҡалы гөл* ‘фуксия’ (ар. حلقة *алҡа* ‘серьги’ + перс. گل *гөл* ‘цветок’) - лит. *тамсы гөл* (баш. *тамсы* ‘капля’ + перс. گل *гөл* ‘цветок’) ‘фуксия’; караид. *алҡа үләне* (ар. حلقة *алҡа* серьги + баш. *үлән* трава) ‘повилка’ – лит. *кесерткән ебәге*; соотв. тат. *алка* ‘серьга; кольцо, шайба; круг (вокруг Луны)’, диал. ‘крендель’ [Ахметьянов, 2004: I–57]. В баш. диал. *алҡа* образует и др. сочетания, не свойственные лит. яз.: ср. напр. миас. *йоҙаҡ алҡаһы* ‘замочная дужка’ (лит. *йоҙаҡ дуғаһы*), кызыл. *алҡалыҡ* ‘мочка уха’ (лит. *йәрпесәк*) и др. [ДСБЯ, 2002: 20];

2.2. Большое количество производных слов в БЯ и его диалектах имеет в качестве первого или второго компонента очень распространенное во многих ТЯ слово ***гөл*** (перс. گل *гүл*) ‘цветок, декоративное растение’: лит. *ағас гөл* ‘фикус’, *алмагөл* ‘кирказон обыкновенный’, *баҡса гөлө* ‘крапивка цветная или колеус гибридный’, *далагөл* ‘наголовatка’, *тырнаҡ гөл* ‘календула лекарственная или ноготки’, *зыягөлө* ‘ясколка’, *шәфәкгөл* ‘оберна, хлопушка’, *гөляпраҡ* ‘горицвет волжский’, *бөҙрә гөлнәфис* ‘просвирник курчавый’ [ИТС, 2015: 7, 28, 42, 60, 62, 69, 162, 168, 174]. Ахметьянов приводит следующие соответствия: тат. *гөл,* чув. *кӗл*, мар. *гыль, гел*, удм. *гыль* [Ахметьянов, 2004: I–169]. Слово отмечено в Бабур-наме: *gul* ‘Edelrose’, ‘Rosa’ [Hauenschild, 2006: 29]. Очевидно, одно из наиболее старых зафиксированных заимствований, встречается в стамбульском списке поэмы Ахмеда Югнекского «Врата истин» (первая половина XIII в): GÜL ‘цветок, роза’ [ДТС, 2016: 208];

Отдельно отметим диалектные особенности названий растений, содержащих этот компонент, отличные от литературных: ик-сакм. *гөлбазран, гөлбәзрән* ‘зверобой’ – лит. *һары мәтрүш* ‘зверобой’, лит. *гөлбәзыян* ‘ясенец (трава)’; минз. *гөлбазран, гөлбәзрән* ‘рябина’ – лит. *миләш* ‘рябина’; караид. *гөлбәзейә* ‘пижма’ – лит. *езтөймә* ‘пижма’; диал. *гөл еме*, сал. *гөлйеме*, с-з. *гөлжемеш* – лит. *гөлйемеш* ‘шиповник’; дем. *гөлсирен* ‘сирень’ – лит. *күксин* ‘сирень’; диал. *гөлсәсәк* ‘цветы шиповника’ – лит. *гөлйемеш сәскәһе* ‘цветы шиповника’ [ДСБЯ, 2002: 74]. Заметим, что отмеченное для минз. *гөлбазран, гөлбәзрән* значение ‘рябина’, в тат. лит. означает *гөлбадран* ‘пижма’. Ахметьянов приводит происхождение слова от перс. *гүли бәдран* «айсыман гөл (чәчәк)», отмечая при этом, что, возможно, прежде этим названием именовалось другое растение [Ахметьянов, 2004: I–169].

Приведем подробный анализ двух наименований, содержащих персидский элемент ***гөл*** (перс. گل *гүл*) в качестве второго компонента:

2.2.1. Лит. ***ғәтершә*** *гөлө* (перс. عطرشا + перс. گل) ‘вика душистая’; самостоятельно в баш. лит. слово *ғәтершә* употр. в зн. ‘духи, эссенция, ароматическая специя’ [АСБЯ, 2011–2018: III–316]; соотв. тат. *гатырша* ‘вид духов’, ‘герань’; Ахметьянов возводит слово *ғәтершә/ гатырша* к сл-соч. (перс. عطرشا *ғатри шаһ)*, где первая часть *ғатр* арабского происхождения в зн. ‘приятный запах’ (отсюда ст.-лит. тат. *гаттар* ‘парфюмер’), а вторая часть – перс. *шаһ* ‘шах’ (заимств. во мн. др. ТЯ) [Ахметьянов, 2004: I–166].

2.2.2. Диал. ***шәкәргөл*** (перс. شکر *шәкәр* ‘сахар’ + перс. گل *гүл* ‘цветок’), т.е. букв. ‘сахарный цветок’ - средн. ‘березка’ (комнатное растение семейства виноградных) – соотв. лит. *ҡайын гөл* ‘березка’ [ДСБЯ, 2002: 400]. Баш. *шәкәр* имеет следующие параллели: тат. *шикәр,* мар. *шекар,* уйг. *шәкәр, др.-тюрк. šäkär, šeker*

[ДТС, 2016: 522]; Ахметьянов отмечает происхождение тюрк. слова от перс. *шäкäр*, что свою очередь восходит к хинди *sarkara* в зн. ‘беленый сахар’ [Ахметьянов 2015: IV–97]. Образованные в баш. лит. яз. названия дерева *шәкәрле саған* ‘клен сахарный’ и травянистого растения *шәкәрле талүлән* ‘поручейник сахарный’ [ИТС 2015: 209, 216], по всей видимости, следует трактовать как кальки с русского.

2.2.3. Следует отметить, что в самом персидском языке существует порядка ста слов, производных от основы *гүл* (перс. گل), некоторые из них уже в такой готовой форме заимствованы в ТЯ, среди них тоже достаточно большое количество названий растений: баш. диал. *гөлән,* тат. лит. *гөләп* (перс. گلاب) ‘шиповник’ – баш. лит. *гөлйемеш* ‘шиповник’ (Ахметьянов возводит слово к перс. *гүли аб* ‘розовая вода’, отмечая, что сок шиповника издавна считался целебным [Ахметьянов, 2004: I–169]); баш. лит. поэт. *гөлстан* ‘цветущий край’, ‘цветник, сад’, тат. *гөлестан* (от перс. *гүлистан* ‘цветущая страна’); баш. лит. поэт. *гөлбостан* ‘цветник’, ‘цветущий сад’, тат. лит. *гөлбостан* ‘цветник’, ‘цветущая страна’ (от перс. *гүли бустан* ‘заросли цветов’), баш. уст. *гөлзар* ‘цветник’, ‘луг, покрытый цветами’, тат. *гөлзар* (от перс. *гүлзар*) ‘питомник лечебных трав (цветов)’ и др.

2.3. Сакм. ***кәндей*** (перс. کندی *қанди*) в зн. ‘кувшинка семян белены’ [ДСБЯ, 2002: 173] – лит. уст. *кәндей* ‘посуда из цельного лубка’; по всей видимости, название произошло на основе метафорического переноса по форме предмета; соотв. тат. *кәнди*, тат. диал. *кандика, қәнди* ‘чашечка’, сиб-тат. *қәнт*, чув. *канти*; аз. *kəllə qənd* ‘кусковый сахар’. Ахметьянов возводит слово к перс. *қанди* ‘сахарный, содержащий сахар’; в пчеловодческой лексике употребляется в значении ‘сладость, которую ставят в ульях для пчел’ [Ахметьянов 2015: II–54]. Возможно, соотносится с индо-европ. *candy* ‘сладости’ (?).

2.4. Диал. ***сабыр үләне*** – лит. *һаҙ һаҙанағы*, *һаҙлыҡ һаҙанағы* ‘багульник болотный’ или ‘болотная одурь’; название происходит от (ар. صبر *сабр*) *сабыр, түземлек* ‘терпение, спокойствие’; баш. лит. *сабыр*, диал. *һабыр* ‘терпение; терпеливый, спокойный, степенный’, мар. *савыр*, чув. *сапăр*, удм. *сабър,* морд. *савор* [Ахметьянов, 2004: III–24]. В словаре народных названий растение характеризуется как произрастающее во влажном месте, вечнозеленое, очень ядовитое с невыносимым запахом, свежие побеги которого издавна используются для приготовления лекарственных препаратов; занесено в Красную книгу [ИТС, 2015: 19]. Возможно, происхождение такого названия в диалектах связано с невыносимым, терпким, удушающим запахом этого растения.

2.5. Арг., миас., средн. ***хаж ҡынаһы*** ‘бальзамин’ – лит. *ҡына гөлө* или *бохар ҡынаһы* ‘бальзамин’; первая часть слова происходит от ар. *хаж* (ар. حج *хаҗж* ‘убедиться, увидев собственными глазами’); слово вошло во мн. языки народов исламского мира в рел. зн. ‘богоугодное посещение Мекки, паломничество’ [Ахметьянов: III–228]. Вторая часть *ҡына* – это тоже распространенное во мн. языки слово ар. происхождения (ар. حنا) в зн. ‘хна’; слово зафиксировано в [Наджип, 2017: III–408]. Как отмечено выше, в лит. яз. название растения ‘бальзамин’ имеет второе название *бохар ҡынаһы* (букв. ‘бухарская хна’), очевидно, по месту происхождения; в баш. яз. употребляются и др. названия растений с этим заимствованием, но уже в качестве главного компонента типа *ҡына үләне* ‘недотрога обыкновенная’ и др.

2.6. Кызыл. ***һабын*** *үләне*, *һабынды үлән*, сал. ***һабын*** *силәге* ‘мыльянка лекарственная’ – лит. *һабын сәскә* ‘зорька обыкновенная’ [ДСБЯ, 2002: 368]; в основе слова баш. лит. *һабын* (от ар. صابون сабун), соотв. тат. лит. *сабын*, тат. диал. *сабынь*, удм. диал. *сабын*, мар. *шавынь, шовынь*, морд. *сапонь* в зн. ‘мыло’. Ахметьянов возводит происхождение слова к булг. *сабын’* > чув. *сопăнь* > *супăнь*, что в свою очередь произошло из ст.-тюрк.. **сабуни* <др.-иран. *соибун* ‘мыльный корень (вид травы, корень которого, вспениваясь, имеет свойство смывать грязь) [Ахметьянов, 2004: II-23-34]. Слово получило распространение во многих языках Евразии: араб., перс. *сабун*, латин. *sapo*, фр. *savon*, алт., кирг. *самын*, монг. *сабаң* и др. [Федотов, 1996: II–64].

2.7. Ряд диалектных названий фитонимов имеют в составе слово ***шайтан*** (ар. شيطان *шайтан*): баш. лит. *шайтан*, тат. *шайтан, шәйтан* ‘черт, сатана, бес’; слово распространено во мн. языках Евразии в зн. ‘враг божества’, ‘злой дух’ [Ахметьянов, 2004: IV-83]. Приведем примеры диалектных употреблений: караид. *шайтан ағасы* (букв. ‘чертово дерево’) – баш. лит. *өсҡат*

‘бузина’ (кустарник или небольшое деревце); дем. *шайтан арбаçы* (букв. ‘чертова телега’) – баш. лит. *ҡамғаҡ* ‘перекати-поле’ (травянистое растение); дем. *шайтан көпшәçе*, ай. *шайтан көпшәһе* (букв. ‘чертов стебель’) – лит. *шыма көпшә* ‘дягиль (лекарственное растение). дем. *шайтан ҡымыҙлығы* (*ҡымыҙлыҡ* – лит. название растения ‘горец альпийский’ [АСБЯ, 2011–2918: V–735]) – лит. *һарына* ‘саранка (растение рода лилии)’; ай. *шайтан мәшкәге* (букв. ‘чертов гриб’) ‘мухомор’ – в баш. лит. употребляется русск. заимств. *мухомор.* Два похожих названия другого гриба, тоже содержащие заимствованные элементы, *иблис бәшмәге* (от ар. *иблис* ‘дьявол, черт’) или *пәрей бәшмәге* (от перс. *бәрей* ‘бес, нечистая сила’) соотв. рус. ‘сатанинский гриб’ и являются кальками с русского (от лат. *Boletus satanas*) [ИТС, 2015: 54].

Примечательно, что литературные соответствия вышеприведенных диалектных названий, содержащих компонент *шайтан*, являются исконными. Исключением из этого ряда является только название растения ‘чертополох’, которое и в диалектах, и в лит. языке образовано изафетной конструкцией, содержащей заимствованное слово: средн. *шайтан дегәнәге* (букв. ‘чертов лопух’), караид. *шайтан ҡарағайы* (букв. ‘чертова сосна’), диал. *шайтан үләне* (букв. ‘чертова трава’) – лит. *шайтан таяғы* (букв. ‘чертова палка’) ‘чертополох’ [ДСБЯ, 2002: 389].

2.8. В дем. диал. зафиксировано название растения ***шәресултан*** ‘ядовитая трава, от которой образуются волдыри на теле’ [ДСБЯ, 2002: 401]; лит. соотв. обнаружить не удалось. Первая часть слова предположительно может восходить к исконному корню *шәре-у* баш. ‘состариться’, тат. диал. *шәрә-у*, *шәрәлә-у* ‘испортиться, протухнуть; покрываться плесенью; мокнуть (от глины)’ [Ахметьянов, 2004: IV–94]. Возможно и образование от корня *шәрә-* ‘голый’ по аналогии с названиями растений *шәрә ергәүек* ‘лабазник обнаженный’, *шәрәһабаҡ тәпәйсә* ‘лапчатка голостебельная’, *шәрәяпраҡ гөлйемеш* ‘шиповник гололистный’ [ИТС, 2015: 206].

Вторая часть сложного слова, употребляемая самостоятельно в баш. и тат. яз. в форме *солтан* ‘султан, принц’, происходит от ар. (سلطنت *султан*); слово заимствовано в перс. и многие др. языки, в т.ч. рус. яз. Ахметьянов, ссылаясь на Будагова, подчеркивает, что в языке-источнике оно имеет значение ‘верховная власть’ (но не означает личность), а во мн. заимствующих языках встречается в зн. ‘принцесса’, ‘дочь султана’ (т.е. означает лицо женского рода) [Ахметьянов 2015: III–56]. В баш. яз. есть и другое, исконное слово *солтан*, означающее ‘название одного из подразделений башкир племени *кошсы*’ [АСБЯ, 2011–2018: VII–579]; возможно, это вторичное развитие первого значения.

2.9. Одно диал. название содержит компонент перс. происхождения: ***шәһәр*** (перс. شهر *шähp, шаһр* ‘город’): *шәһәр дараçы* - дем. ‘лебеда белая’ – лит. соотв. *аҡ алабута* ‘лебеда белая’ [ДСБЯ, 2002: 402]; баш. диал. *шәһәр* (лит. *ҡала*) ‘город’ имеет параллели во мн. ТЯ: тат. лит. *шәһәр* ‘город’, тат. ист. ‘область’ и мн. др. Ахметьянов возводит слово к перс. *шähp, шаһр* < авест. *хšаδra* < др.-иран. *хšatra* ‘(захваченный) район, страна’ ← *хši-, хšy-* ‘управлять’ (индоиран.) [Ахметьянов, 2015: IV–95]. Вторая часть сложного слова вполне может быть связана с перс. *дарыу* (перс. دارو) ‘лекарство, зелье’, в таком случае название *шәһәр дараçы* в букв. переводе означает ‘городское лекарство’.

Три составляющие этой группы лексики являются названиями деревьев:

2.10. Дем. ***сынар*** (перс. چنار *чänар, чинар*) ‘белый тополь’ – лит. *сынар* ‘чинара’; *аҡ тирәк* ‘белый тополь’; тат. *чинар* (перс.-тадж. *чänар, чинар)* ‘чинара’ [Ахметьянов, 2004: IV–45]; узб., уйг., турк., аз., тур., тат., каз. *шынар*, калп., ног., кум., алт. *чинара*; в туркм. употр. в виде антропонима, в тур. – топонимическое название; зафиксировано в словаре Наджипа: چنار ЧЫНАР ‘чинара’, ‘платан’; далее у него же отмечено: в др.-уйг. *Ченар чечäк* жен. имя, означающее, по-видимому, ‘стройная, как чинара, девочка-цветок’ [Наджип, 2017: II–345]; слово содержится и в Бабур-наме: *čanār* ‘Morgenländische Platane’ [Hauenschild, 2006: 26].

2.11. Баш. диал. ***сәрүи*** (ар. سرو *сäрwи*) ‘акация’ – лит. *сәрүи* ‘кипарис’; лит. *сәрүәр* (перс. سرور) ‘акация’; Ахметьянов, ссылаясь на Будагова, возводит *сәрви, сәрби* для тат. (кн. зн. ‘кипарис’, *перен.* ‘стан красавицы’) к перс. *сäрwи* ‘подобный кипрису’, *сäрw* ‘кипарис’ [Ахметьянов, 2004: II–46].

2.12. Диал. *шифан ағасы* (перс. شیفان) ‘бузина’ [АСБЯ, 2011–2018: IX–818]; в словаре Ахметья-

нова отмечена лексема *шыпаң, шыбаң *šypaŋ* с различными диалектными вариантами со ссылкой на словарь [Тумашева, 1992: 252]: тоб. *šybaŋ, каз. šyfan; шыпаң, шыбаң*, ст.-тат. (Казань) *шыфаң* ‘пустомеля, болтун’ ~ узб. дерив. *шипаңда* – ‘говорить ерунду’ чаг. *сӱкбāң, сӱкбāнг* ‘поднимать пустой шум’ [Ахметьянов, 2004: IV–106]. Из бузины делают дудочки, а еще щелкают как пузыри ее ягоды: на этом основании можно было бы провести семантическую связь между значениями лексемы *шыфаң* «болтун, пустомеля» и диал. названием дерева *шифан* ‘бузина’ – здесь есть общее семантическое поле со зн. «создавать пустой шум». Отметим, что такое название этого растения есть только в диалектах, в лит. баш. яз. ему соотв. мәрүәр مىارۋە ‘бузина’.

В плане словообразования следует обратить внимание на то, что названия цветов и травянистых растений представляют собой либо сложные слова, одним из компонентов которых является арабо-персидский, другим – либо тоже заимствованный, либо исконный, а также изафетные конструкции, в основном второго типа с аффиксом принадлежности. Названия деревьев как в первой, так и во второй группе слов заимствуются в виде готовых однокорневых основ.

3. Фитонимы, в составе которых употребляются наименования мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы

3.1. Вост. диал. ***бәйғәмбәр тырнағы*** (букв. ‘ногти пророка’) ‘ноготки, календула’, от перс. (перс. پیغمبر *пейгамбар*) в зн. ‘пророк’, в баш. лит. яз. имеет фонетический вариант *пәйғәмбәр тырнағы* с глухим в анлауте; заимствованная часть конструкции имеет соотв. в др. языках Поволжья: чув. *пихампар, пихемпер*, мар. *пиамбар, пиамбер* ‘пророк; божество – помощник верховного бога’; в чув. ‘повелитель волков’; слово восходит к иран. *пдйда, пейда* ‘*появившийся*’ [Ахметьянов 2015: III–8].

3.2. Гайн. ***ғатифа жим*** (букв. ‘пища Гатифы’) ‘просвирник’ – лит. *бесәй табаны* (букв. ‘кошачьи лапки’) ‘просвирник приземистый’ [ДСБЯ, 2002: 76]; персонаж с именем *Ғатифа/ Ғатифә* (ар. عاطفة) предположительно может иметь отношение к суфийским легендам (по аналогии с примерами из п. 3.9), однако точных указаний на это нам обнаружить не удалось; есть упоминание, что трава с таким названием используется для заговаривания болезней [Хисамитдинова, 2010: 60]. Скорее всего, *Ғатифа* – это имя некой святой, обладающей целительной силой, что и дало название растению.

3.3. Средн.-урал. ***ғәйшә сәйе*** (букв. ‘чай Гайши’) ‘чай луговой’ – лит. *болон сәйе*; диалектное название растения представляет собой конструкцию с использованием антропонима *Ғәйшә* (как известно, это имя одной из жен мусульманского пророка Мухаммеда). В исламской традиции *Ғәйшә и Фатима* (жена и дочь пророка) считаются святыми, покровительницами женщин, больных и детей [Хисамитдинова, 2010: 82]; растение является лекарственным и используется в народной медицине.

3.4. Два названия растений в лит. БЯ образованы от лексемы *зөһрә* (ар. زهرة *zyhrä*): ***зөһрә сәсе*** ‘вид травянистого растения’ и ***зөһрә аусыһы*** ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ, 2011–2018: III–623]. Как известно, лексема *Зөһрә* вошло во мн. ТЯ в зн. ‘планета Венера’, в некоторых употр. в качестве антропонима. В самом языке-источнике используется в зн. ‘цветок’, ‘свечение’ происходит от корня *zhp* ‘светиться, сверкать’ [Ахметьянов 2015: I–213]. В баш. мифологии имя *Зөһрә* (Зухра) связано с легендой о том, что девушка-сирота с таким именем была поднята на небо месяцем и стала звездой [Хисамитдинова, 2010: 97]. В таком контексте, по всей видимости, правильнее было бы связывать происхождение названия *зөһрә сәсе* (букв. ‘волосы Зухры’) скорее от антропонима, чем от названия небесного тела. Фитоним ***зөһрә аусыһы*** ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ, 2011–2018, III: 623] имеет более точное название ‘венерина мухоловка’ [ИТС, 2015: 244] и, скорее всего, является калькой с русского.

3.5. Ряд названий фитонимов содержит в своем названии араб. *мулла* (ар. مولى *мәwла*) – слово, заимствованное во мн. языки мусульманского мира в зн. ‘мулла (глава прихода и мечети)’: кызыл., средн., сакм. ***муллабаш*** (букв. ‘голова муллы’), тук-соран. ***мулла салмасы***, дем. ***мулла салмаçы*** (букв. ‘чалма муллы’) ‘одуванчик’ – лит. *бәпембә* ‘одуванчик’ [ДСБЯ, 2002: 237]; очевидно, название возникло на основе метафорического переноса: как известно, в культурных традициях некоторых стран мусульманский священнослужитель носит на голове круглую чалму белого цвета.

Два диалектных названия выражены конструкцией ***молла үләне*** (букв. ‘трава муллы’): с.-з. ‘зверобой’ – лит. соотв. *һары мәтрүш* [ДСБЯ, 2002: 233], а также дем., с-з. ***мулла үләне*** ‘тысячелистник’ – лит. *меңъяпраҡ* [ДСБЯ, 2002: 237]. Оба растения относятся к лекарственным, по всей видимости, они употреблялись муллами в лечебных целях (как известно, в старину мулла часто выполнял, помимо основных еще и функции целителя), откуда и получили свои названия.

3.6. Ср-урал. ***мәрйәмана***, миас. ***мәрйәмана күҙ йәше*** ‘герань’ (букв. ‘слезы матери Марии’) – лит. *торна ботo* ‘герань’ [ДСБЯ, 2002: 241]; имеет параллели в др. ТЯ, напр. тат. *Мәрйәмана яфрагы (гөле)* ‘герань (комнатное растение)’. Происхождение названия связано с легендой о том, что на это растение падали кровавые слезы девы Марии, поэтому оно имеет красноватые листья. Ахметьянов считает, что названия, содержащие в составе имя девы Марии, восходят к тому периоду истории, когда часть кыпчакских народов исповедовали христианство, в частности, в тат. диал. *маржа, маржҗабикә* (букв. ‘госпожа Мария’) (*Мәрҗәм ана* ‘дева Мария’ (букв. ‘Мария-мать’) означает ‘божья коровка’ (семь черных точек на спине этого насекомого означает семь печалей девы Марии), проводится параллель с нем. *Marienkäfer* ‘божья коровка’ [Ахметьянов 2015: II-182]. В баш. лит. яз. лексема *мәрйәмана* (в слитном написании) самостоятельно употребляется в зн. ‘иерехонская роза’, а также является общим названием семейства колокольчиковых [АСБЯ, 2011–2018: VI–482]. В арг. говоре есть еще одно созвучное название травянистого растения *мәрйә сасы* (букв. ‘волосы Марии’) – соотв. лит. *ҡылған* ‘ковыль’, однако мы склонны считать, что это название происходит от рус. Мария (в ряде говоров и в разг. яз. антропоним стал нарицательным и лексема *мәрйә* употр. в зн. ‘русская женщина’).

3.7. Средн. ***мәрйен ағасы*** или ***мәрьям ағасы*** ‘бузина красная’ – лит. *өсҡат* ‘бузина’; ик-сакм. ***мәрйен ағасы*** или ***мәрьям ағасы*** ‘паслен’ – лит. *бүре еләге* ‘волчья ягода’ [ДСБЯ, 2002: 241]; как и предыдущие, эти названия связаны с культом девы Марии, ср. средн. тат. *Мәрҗән агачы* (по Ахметьянову, более ожидаемой была бы форма *Мәрҗәм агачы*) ‘бузина красная’ [Ахметьянов, 2004: II–182]. Другие (параллельные) варианты названий этих растений *мәрйен ағасы* (средн. ‘бузина красная’ и ик-сакм. ‘волчья ягода’) имеют в составе слово *мәрйен*, которое происходит от (ар. مرجان *мәрҗән*) ‘коралл, коралловый’, ‘бусина, бусы’ – здесь скорее всего имеет место метафорический перенос по внешнему признаку цвета и формы ягод.

3.8. Средн. ***салауат йемеше*** (букв. означает ‘ягода Салавата’) ‘белена’ – лит. *тилебәрән* ‘белена’; в лит. баш. *салауат* употребляется в зн. ‘хвалебная молитва’, а также используется в качестве антропонима в баш. и тат. яз.; восходит к ар. (صلوة *сәләwат*) ‘восхваление бога; осанна’; кырг. *салабат, салават* ‘величие, духовное величие, способность забывать зло’ [Ахметьянов, 2004: III–31]. Мы склонны связывать диалектное название этого растения скорее с антропонимом, нежели с его апеллятивным значением, по аналогии с выше рассмотренными *ғәйшә сәйе* ‘чай Гайши’, *зөһрә сәсе* ‘волосы Зухры’, *ғатифа жим* ‘пища Гатифы’ и т. д. В ряде говоров *салауат* образует аналогичные изафетные конструкции со зн. ‘радуга’, отличные от баш. лит.: тук-соран., средн. *салауат күпере* (букв. ‘мост Салавата’), сакм. *салауат юлы* (букв. ‘дорога Салавата’) – лит. соотв. *йәйғор* ‘радуга’ [ДСБЯ, 267];

3.9. Лит. ***сөләймән моһоро*** (ар. سليمان) – ‘водяное растение, относящееся к семейству лилейных’; образовано, подобно предыдущему названию, от антропонима *Сөләймән* (ар. سليمان) и букв. означает ‘печать Сулеймана’; возможна связь с известным библейским персонажем Сулейман / Соломон; в баш. и тат. яз. имеется и сходное название рыбы – *сөләйман балығы* ‘лосось’, однако Ахметьянов считает сомнительным, что оно может иметь отношение к пророку Сулейману [Ахметьянов, 2004: III–60]. Наиболее вероятным нам представляется связать происхождение этого названия с суфийской легендой, которая повествует о том, как шах Сулейман Бакыргани был проклят Аллахом, вследствие чего после смерти его могилу накрыло водой. В трудах историков возникновение такой легенды обосновывается вполне реальным историческим событием – изменением русла реки Амударьи после разрушения плотин во время монгольского нашествия в 1221 г. [Бартольд, 1965]. Впрочем, имя библейского царя Соломона, согласно коранической традиции, тоже в некоторой степени связано с водой: в ра-

боте О. А. Сухаревой отмечено, что «по мусульманскому поверью, его трон висел над водой» [Сухарева, 1975: 47]. В этом же исследовании говорится, что с водой связана некая *Сулаймон-пари* (*су лабига утурган Сулаймон-пари*), такая связь могла установиться по созвучию первого слова имени *Сулаймон* с узбекским *су* – вода (см. подр. об этом [Хисамитдинова, Экба, 2020: 111–129]). Обобщая, можно сказать, что так или иначе, имя *Сулейман* как в мусульманской традиции, так и в доисламской мифологии прочно ассоциируется с водой, поэтому нам кажется вполне логичным соотносить названия *сөләймән мөһөрө* ‘водяное растение’ (букв. ‘печать Сулеймана’) и *сөләйман балыгы* ‘лосось’ (букв. ‘рыба Сулеймана’) с одноименным персонажем. Подтверждение этой версии находим и в Мифологическом словаре БЯ: «*Сөләймән* – дух воды, водяной; *сөләймән мөһөрө* – водное растение, являющееся в мифологии цветком водяного» [Хисамитдинова, 2010: 268].

3.10. Дем. ***хәмзә йыуаҫы*** (букв. ‘лук Хамзы’) ‘лук косой’ – лит. *оҫкон йыуаһы* ‘лук косой’ [ДСБЯ, 2002: 367]; *Хәмзә* (ар. حمزة) – имя коранического персонажа, одного из ближайших сподвижников мусульманского пророка Мухаммеда, его младший дядя и молочный брат, известен как покровитель слабых и обездоленных. В качестве антропонима в разных фонетических вариациях (Хамза, Хәмзә, Хамзат, Хамзет и др.) слово используется во многих языках Поволжья, Средней Азии и особенно Кавказа (подр. см. [Справочник, 1987: 48–231, 323–382]). Вторая часть составного названия *йыуа* употр. в баш. лит. яз. в двух значениях – как общее название дикорастущих луковичных растений и как мифологизированное растение, имеющее отпугивающую силу, как и все острые на вкус растения (используют как отпугивающее средство от болезней и нечистой силы) [АСБЯ, 2011–2018: IV–240]. В сакм. говоре образовано и другое производное слово: *хәмзәбармаҡ* ‘безымянный палец’ (букв. ‘палец Хамзы’) – соотв. лит. *сығанаҡ бармаҡ* ‘безамянный палец’ [ДСБЯ, 2002: 367].

4. ***Антропонимы и их корреляция с фитонимами в башкирском языке.*** Некоторые названия растений, как и многие арабо-персидские заимствования других лексико-тематических групп, функционируют в качестве антропонимов. Для данной группы лексики это в основном женские имена, производные от персидского корня ***гөл*** (перс. گل *гүл*) ‘цветок, декоративное растение’: *Гөлбостан* ‘цветник’, ‘цветущий сад’, *Гөлзар/ Гөлзәр* ‘цветник’, ‘луг, покрытый цветами’, *Гөлйемеш* ‘шиповник’ и мн. др. Вышеприведенные имена происходят от фитонимов, заимствованных из языка-источника сразу в качестве сложных слов.

Огромное количество женских имен образовано от персидской основы *гүл* путем присоединения к ней либо исконного, либо арабо-персидского заимсвованного компонента уже в принимающем языке: *Гөлжан* (перс. *гүл* ‘цветок’ + ар. *джан* ‘душа’) ‘цветок души’, *Гөлжәннәт* (перс. *гүл* ‘цветок’ + *джәннәт* ‘рай’) ‘райский цветок’, *Гөлнара* (перс. *гүл* ‘цветок’ + ар. *нар* ‘гранат’) ‘цветок граната’, *Гөлнур* (перс. *гүл* ‘цветок’ + ар. *нур* ‘свет’) ‘светящийся цветок’, *Гөлзада* (перс. *гүл* ‘цветок’ + перс. *заде* ‘царевна’) ‘царевна цветов’, *Ғөлназирә* (перс. *гүл* ‘цветок’ + перс. *назирә* ‘всевидящая’) ‘всевидящий цветок’, *Гөлсәсәк* (перс. *гүл* ‘цветок’ + тюрк. *сәсәк* ‘цветок’) ‘цветок шиповника’, *Гөлсирен* (перс. *гүл* ‘цветок’ + рус. *сирень*) ‘цветок сирени’ и мн. др. (см. полный список башкирских имен [Справочник, 1987: 98–113]). Такой вид словообразования для антропонимов является очень высокопродуктивным и во многих других ТЯ.

Среди прочих названий цветов и трав женскими собственными именами в баш. яз. являются *Миләүшә* (перс. بنفشا *бәнәфшә/ бәнәфшә*) ‘фиалка’, *Рауза* (ар. روضة *руза*) ‘роза’, *Райхана* (ар. ريحان *рәйхан*) ‘базилик’, ‘душистое растение’ и *Сөмбөл* (ар. سمبول *сумбул, сумбулаһ*) ‘гиацинт’. В качестве антропонимов также употребляются названия деревьев *Сәрүәр* (перс. سرور) ‘кипарис’ или ‘акация’ и *Зәйтүнә* (ар. زيتون *зәйтун, зәйтуни*) ‘олива’. Как отмечено в [Ахметьянов, 2004: II-46], *сәрүәр* для тат. лит. языка имеет перен. зн. ‘стан касавицы’ и восходит к перс. *сәрwи* ‘подобный кипарису’. Имя *Зәйтүнә* Ахметьянов трактует как «*Кытай гүзәле*» ‘китайская красавица’, отмечая, что в прежние времена китайские девушки считались особенно красивыми [Ахметьянов, 2004: I–210].

Упоминая антропонимы в контексте исследуемой нами тематики, следует отметить, что име-

ет место и обратный процесс, когда название растения происходит от имени собственного. К таким случаям отнесена большая часть наименований, приведенных в 3-й части статьи: *ғатифа жим* (букв. ‘пища Гатифы’) ‘просвирник’, *ғәйшә сәйе* (букв. ‘чай Гайши’) ‘чай луговой’, *зөһрә сәсе* (букв. ‘волосы Зухры’) ‘вид травянистого растения’, *хәмзә йыуаҫы* (букв. ‘лук Хамзы’) ‘лук косой’ и т. д. В таких названиях, представляющих собой изафетные конструкции различного типа, в качестве зависимого компонента идет нарицательное существительное, а в качестве основного – имя собственное какого-либо значимого мусульманского деятеля, святого или мифического персонажа. Такого рода наименования в подавляющем большинстве случаев оказались характерными только для диалектов.

IV. Заключение. Таким образом, в ходе исследования мы постарались максимально полно отобрать фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах, зафиксированных в словарях, распределить их по лексико-тематическим группам, произвести сравнительный анализ диалектных названий с литературным башкирским языком, для большинства лексем привести соответствия с языками из других групп тюркских языков (карлукскими и огузскими), финно-угорскими и монгольскими языками. Для большей части лексем удалось провести этимологический и диахронический анализ.

На основе проведенного исследования удалось выделить три самостоятельные группы названий растений:

1) фитонимы, употребляемые только в литературном языке и не имеющие диалектных соответствий; эта группа подразделена на три более мелкие лексико-тематические подгруппы: а) названия плодовых деревьев и их плодов, б) названия декоративных деревьев и кустарников, в) названия цветов и трав. С большой долей вероятности можно предположить, что все эти названия пришли в башкирский (и, скорее всего, в другие тюркские языки) через книжные источники. Косвенно об этом свидетельствует и отсутствие этих названий в диалектах;

2) фитонимы, названиями которых в диалектах являются арабо-персидские заимствования, а в литературном языке им соответствуют наименования исконного происхождения (исключением из этого ряда является только одно название растения ‘чертополох’, которое и в диалектах, и в литературном языке образовано изафетной конструкцией, содержащей арабское заимствование). Следует отметить, что в большинстве случаев это названия трав и травянистых растений, произрастающих на традиционной территории расселения башкир, а также комнатных декоративных цветов, исключениями стали только три названия деревьев;

3) фитонимы, в составе которых употребляются наименования мифических персонажей, мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы – удалось выявить 10 таких конструкций; большинство подобных названий характерны только для диалектов и имеют параллельные соответствия исконного происхождения в баш. лит. языке; они, безусловно, связаны с влиянием как мусульманской религии, так и с древними языческими обрядами и очень перекликаются с наименованиями духов-хозяев в башкирской мифологии (подробнее об этом см. [Хисамитдинова, Экба, 2020: 111–129]).

Подобная классификация представляется нам наиболее правильной для этой лексико-тематической группы заимствованной лексики, в дальнейшем с большой долей вероятности будет возможным применить ее и для других лексико-тематических групп арабо-персидских заимствований.

Что касается хронологических рамок проникновения арабо-персидских названий растений в ТЯ, то можно отметить следующее:

1) наиболее рано зафиксированы заимствованные лексемы *әлүк* (перс. *алу*) ‘алыча / алычовый’ (отмечено у Махмуда Кашгарского (XI в.) и *ғөл* (перс. *гул*) ‘цветок’, ‘декоративное растение’ (встречается в стамбульском списке поэмы Ахмеда Югнекского «Врата истин» (первая половина XIII в.);

2) вхождение названий деревьев *тут* (ар. *тут*) ‘тутовое дерево’, ‘шелковица’ и *сынар (чинар)* (перс. *чӑнар, чинар*) ‘чинара’ условно можно отнести ко второй половине XIV в. – эти лексемы отмечены в памятнике «Хосроу и Ширин» Кутба; примерно к этому же периоду относится название *зәғферән / зәғфәрән* (ар. زعفران) ‘шафран’ или ‘крокус’, оно встречается в каирском списке Кутадгу-Билиг (памятник датируется временем не позднее первой половины XIV в.);

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 89-103

3) наибольшая часть названий из всех, которые нам удалось обнаружить в памятниках, отмечены в тексте «Бабур-Наме» (конец XV – начало XVI вв.): *анар* (перс. انار *нар*) ‘гранат’, *миләүшә* (перс. بنفشا *банафша/бәнәфшә*) ‘фиалка’, *хөрмә* (перс. خرما *хурма*) ‘финик / финиковый’, *шафталы / шәфтәле* (перс. شفتل *шафтал, шафтали*) ‘персик / персиковый’, *сөмбөл* (ар. سمبول *сумбул, сумбулah*) ‘гиацинт’, *йәсмин* (ар. ياسمين) ‘жасмин, чубушник’ и *зәйтүн* (ар. زيتون *зәйтун, зәйтуни*) ‘оливковое дерево’. Очевидно, они являются более поздними, послемонгольскими заимствованиями, т. к. в более ранних памятниках их обнаружить не удалось. В «Бабур-Наме» также встречаются и зафиксированные для более ранних текстов названия: *әлүк* (перс. الو *алү*) ‘алыча’, ‘слива’, *гөл* (перс. گل *гүл*) ‘цветок’, ‘декоративное растение’, *сынар (чинар)* (перс. چنار *чәнар, чинар*) ‘чинара’, *тут* (ар. توت *тут*) ‘тутовое дерево’, ‘шелковица’, *зәғферән/зәғфәрән* (ар. زعفران) ‘шафран’или ‘крокус’.

Можно с большой долей вероятности предположить, что и другая небольшая часть названий, характерная для башкирского литературного языка (рассмотренная нами в первой части работы), но не обнаруженная в этих памятниках, может быть отнесена к периоду не позднее XV–XVI вв., т. к. практически все эти наименования совпадают для кыпчакских и огузских языков. Таким образом, подтверждается версия о книжном пути заимствования той части лексики, которая характерна только для литературного языка.

Отдельно следует заметить, что среди названий растений, содержащих арабский или персидский компонент в своем составе, довольно много таких, которые являются кальками с русского языка: *шифалы ромашка* (от перс. *шифа* ‘польза’) ‘ромашка лекарственная’, *ғәжәп вельчавка* (от ар. *ғәжәп* ‘удивление’) ‘вельчавка удивительная’, *выҡытһыҙ үлән* (от ар. *ваҡыт* ‘время’) ‘безвременник прекрасный’ или ‘безвременник великолепный’, *дарыулы тимер үлән* (от перс. *дарыу* ‘лекарство’) ‘вербена лекарственная’, *йәнүлән* (от ар. *йән* ‘душа’) ‘душевка’, *зифа мамыҡбаш* (от ар. *зифа* ‘стройный, тонкий’) ‘пушица стройная’ [ИТС, 2015: 44, 55, 56, 57, 71, 89] и мн. др. Такие названия мы намеренно не включали в список рассматриваемых фитонимов, так как они не являются прямыми заимствованиями, а пришли в башкирский язык через русский в основном из латыни.

Принятые сокращения:

Общие:

букв. – буквальный перевод
дер. – дериваты
диал. – диалектное
др. – другие
зн. – значение
ист. – историческое
кн. – книжное
лит. – литературное
лит. яз. – литературный язык
мн. – многие
напр. – например
перен. – переносное
подр. – подробно
поэт. – поэтическое
разг. – разговорное
рел. – религиозное
сл.-соч. – словосочетание
см. – смотри
соотв. – соответствие
ср. – сравните
ст.-лит. – старо-литературное
употр. – употребляется
уст. – устаревшее
яз. – язык или языки

Языки и диалекты:

аз. – азербайджанский
авест. – авестийский
алт. – алтайский
ар. – арабский
баш. – башкирский
булг. – булгарский
др.-иран. – древнеиранский
др.-тюрк. – древнетюркский
индо-евр. – индоевропейский
каз. – казахский
к-балк. – карачаево-балкарский
кирг. – киргизский
лат. – латинский
мар. – марийский
минз. – минзелинский говор тат. языка
монг. – монгольский
морд. – мордовский
нем. – немецкий
перс. – персидский
рус. – русский
сиб.-тат. – сибирскотатарский

ст.-тат. – старотатарский
ст.-тюрк. – старотюркский
тат. – татарский
тоб. – тобольский диалект тат. языка
тув. – тувинский
тур. – турецкий
ТЯ – тюркские языки
узб. – узбекский
удм. – удмуртский
уйг. – уйгурский
фр. – французский
чаг. – чагатайский
чув. – чувашский

Диалекты и говоры башкирского языка:

Восточный диалект:
ай. – айский говор
арг. – аргаяшский говор
кызыл. – кызыльский говор
миас. – миасский говор
сал. – сальютский (сальзигутский) говор
Южный диалект:
дем. – демский говор
ик-сакм. – ик-сакмарский говор
иргиз. – иргизский говор
сакм. – сакмарский говор
средн. – средний говор
тук-соран. – тук-соранский говор
Северо-западный диалект:
гайн. – гайнинский говор
караид. – караидельский говор
нижнебельск. – нижнебельский говор
ср.-урал. – среднеуральский говор
танып. – таныпский говор

Дополнительные источники:

АСБЯ – Башҡорт теленең академик һүҙлеге (Академический словарь башкирского языка) в 10 томах. Уфа: Китап, 2011–2018.

Ахметьянов Р.А. Этимологический словарь татарского языка (в 4 томах). Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004.

Бейешев Ә.Ғ. Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре (Биишев А.Г. Арабские и персидские слова, употребляемые в башкирском языке). Уфа: изд. ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 140 с.

БРТС – Большой русско-турецкий словарь. (Вьуьk Russa-Tьrkce sцzlьk). М.: Русский язык, 1998. 680 с.

ДСБЯ – Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге (Диалектологический словарь башкирского языка). Уфа: Китап, 2002. 432 с.

ДТС – Древнетюркский словарь (изд. второе, пересмотренное). Астана: «Ғылым» баспасы, 2016. 760 с.

ИТС – Усманова М.Г., Исянгулова Г.А., Хайретдинов С.С. Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке. Синонимы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 263 с.

МК – Диван Лугат ат-Турк Махмуда Кашгарского. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с. + 2.с. вкл.

Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба). В 4-х книгах. Астана: «Ғылым» баспасы, 2017. Кн. I. 366 с.; Кн. II. 372 с.; Кн. III. 452 с.; Кн. IV. 620 с.

Справочник личных имен народов РСФСР [Под ред. А.В. Суперанской]. М.: Русский язык, 1987. 655 с.

Тумашева Д.С. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: изд-во Казанск. университета, 1992. 356 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. Т. 1. А-Р. 470 с. Т. 2. С-Я. 509 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

Экба З.Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения. Уфа: Китап, 2004. 208 с.

Tietze A. Tarihi ve Etimolojik Türkiye Türkçesi Lugatı. Sprachgeschichtliches und etymologisches Wцrterbuch des Tьrkei-Tьrkichen. Istanbul-Wien: Simurg, 2002.

Список литературы:

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Сочинения. В 9 т. М.: Изд-во вост. лит., 1963-1968. Т. III. Работы по исторической географии. 711 с.

Норманская Ю.В. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов [Отв. ред. А.В. Дыбо]. М.: Вост. лит., 2008. С. 119–154.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [Отв. ред. Э.Р. Тенишев]. М.: Наука, 1997. 799 с.

Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии [Отв. ред. Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов]. М.: Наука, 1975. С. 5–93.

Хисамитдинова Ф.Г., Экба З.Н. Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 111–129. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-111-129

Хисматова А.Р. Дендронимы в башкирском и немецком языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2005. 21 с.

Шайхулов А.Г. К методике выявления мотивирующих признаков номинаций в семантических микросистемах фитонимов // Лексика тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте: материалы конференции. Казань, 1986. С. 100–124.

Шайхулов А.Г. Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. Казань, 1988. С. 107–114.

Ягафарова Г.Н. Исследование тематических групп (ономасиологический подход). Уфа: ООО «Деловая династия», 2008. 128 с.

Hauenschild I. Botanica und Zoologica im Baburname. In: TURCOLOGICA. Band 66 (Herausgegeben von Lars Johanson). Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2006. Pp. 1-66.

References:

Bartold V.V. Svedenija ob Aral'skom more i nizov'jah Amudar'i s drevnejshih vremjon do XVII veka [Details of the Aral Sea and Lower Amu Darya from Ancient times to the 17th century]. *Sochinenija* [Works]. *In 9* volums. *Vol. 3. Works on historical geography*. Moscow: Publ. oriental literature, 1965. 711 p. (In Russian)

Hisamitdinova F.G., Jekba Z.N. Naimenovanija duhov-hozjaev v bashkirskoj mifologii [The names of local spirits in Bashkir mythology]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altaic Studies]. №3 (38). 2020. Pp. 111-129. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-111-129 (In Russian)

Hismatova A. R. *Dendronimy v bashkirskom i nemeckom jazykah* [Dendronyms in Bashkir and German]. Cand. Sci. (Phylology) dissertation abstract. Ufa, 2005. 21 p. (In Russian)

Ingeborg Hauenschild. *Botanica und Zoologica im Bābur-name* [Botanica and Zoologica in Bābur-name]. In: TURCOLOGICA. Vol. 66 (Herausgegeben von [edited by] Lars Johanson). Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2006. Pp. 1-66. (In German)

Jagafarova G.N. *Issledovanie tematicheskih grupp (onomasiologicheskij podhod*) [A research on thematic groups (onomasiological approach)]. Ufa: Publ. in "Business dynasty", 2008. 128 p. (In Russian)

Normanskaya Yu.V. Geograficheskaja lokalizacija prarodiny tjurkov po dannym floristicheskoj leksiki [Geographical localization of the ancestral homeland of Turks according to the floral vocabulary]. *Prirodnoe okruzhenie i material'naja kul'tura pratjurkskih narodov* [The natural environment and material culture of Proto Turkic peoples]. Executive editor: A.V. Dybo. Moscow: Publ. in Oriental literature, 2008. Pp. 119-154. (In Russian)

Shajhulov A.G. K metodike vyjavlenija motivirujushhih priznakov nominacij v semanticheskih mikrosistemah fitonimov [On methodology for the identification of motivating criteria of nomination in semantic microsystems of the plant names]. *Leksika tjurkskih jazykov v sravnitel'no-istoricheskom aspekte: Materialy konferencii* [Vocabulary of the Turkic Languages in comparative and historical context]. Conference data. Kazan, 1986. Pp. 100-124. (In Russian)

Shajhulov A.G. Motivirujushhie osnovy v nazvanijah rastenij tatarskogo i bashkirskogo jazykov [Motivating bases in the names of plants in the Tatar and Bashkir Languages]. *Tatarskaja leksika v semantiko-grammaticheskom aspekte* [Tatar vocabulary in semantic and grammatical context]. Kazan, 1988. Pp. 107-114. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic Language. Lexis]. Executive editor: E.R. Tenishev. Moscow, 1997. 799 p. (In Russian)

Suhareva O.A. Perezhitki demonologii i shamanstva u ravninnyh tadzhikov [The throwbacks of demonology and shamanism of the lowland Tajiks]. *Domusul'manskie verovanija i obrjady v Srednej Azii* [Pre-muslim beliefs and rites in the Central Asia]. Executive editor: G.P. Snesarev, V.N. Basilov. Moscow: Science Publ., 1975. Pp. 5-93. (In Russian)

Сведения об авторах:

Экба Зарема Назировна – к.ф.н., н.с. отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН; г. Москва, Российская Федерация;

https://orcid.org/0000-0002-7300-1392;
zaremaekba@iling-ran.ru

Information about the author:

Ekba Zarema Nazirovna – Cand. Sci. (Philology), Research Fellow of the Department of Ural-Altaic Languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation;
https://orcid.org/0000-0002-7300-1392;
zaremaekba@iling-ran.ru

2023; 2(43): 104-114 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.008
УДК: 811.512.212'373

Фразеологизмы в эвенкийском фольклоре, отражающие законы родового общества

А.Н. Варламов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, ataki2006@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена традициям искусства слова эвенков на примере тематической фразеологии в жанрах эвенкийского фольклора. В статье впервые анализируется бытование фразеологических единиц, отражающих социальные традиции родового общества, в устном народном творчестве эвенков. Целью исследования является систематизация фразеологических единиц, отражающих морально-нравственные нормы и законы родового общества эвенков, в жанрах нимнгакан (эпос, миф), улгур (предание) и обрядовом фольклоре. В междисциплинарном исследовании материалы языка и фольклора рассматриваются во взаимосвязи с социальными и этнографическими традициями этноса. Основу методики составляют приемы структурного и компонентного анализа, позволяющие представить наиболее точный (дословный) перевод фразеологизмов в соответствии с агглютинативной структурой эвенкийского языка. В результате исследования выявлены фразеологизмы эвенкийского языка, отражающие нормы и законы общественных отношений родового социума эвенков, такие как: первичность коллективной (родовой) принадлежности индивида, уважительное отношение к людям старшего возраста, Бориһи – помощь людям, неспособным самостоятельно вести хозяйство и Нимат – справедливое распределение добычи, запрет обвинения человека без веских на то оснований, негативное отношение к необоснованной межродовой вражде, неприятие нарушения преемственности поколений. Фразеологизмы в фольклорных текстах выполняют функцию сохранения и передачи комплекса знаний, выработанных этносом в процессе исторического развития и основанных на устойчивом положении этнического самосознания этноса, придающем импульс жизни всему спектру культурных традиций.

Ключевые слова: эвенки, эвенкийский язык, эвенкийский фольклор, фразеологизмы, фразеологические единицы, нимнгакан, улгур, обряд

Для цитирования: Варламов А.Н. Фразеологизмы в эвенкийском фольклоре, отражающие законы родового общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 104–114. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.008

Idioms in Evenk Folklore, Reflecting the Laws of Tribal Society

A.N. Varlamov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, ataki2006@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the traditions of Evenk art of the word on the example of thematic phraseology in the genres of Evenk folklore. The article analyses for the first time the use of phraseological units, which reflect social traditions in the Evenk folklore. The aim of the research is to analyse the use of phraseological units, which reflect the set of moral and ethical standards and laws of tribal society of the Evenk in the genres of nimngakan (epic, myth), ulgur

© Варламов А.Н., 2023

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 104-114

(legend) and ritual folklore. The interdisciplinary research considers the materials of language and folklore in relation to social and ethnographic traditions of the ethnic group. The methodology is based on the techniques of structural and component analysis, which make it possible to present the most accurate (verbatim) translation of phraseological units in accordance with the agglutinative structure of the Evenk Language. As a result of research, the author concludes about an important meaning of word as a figurative embodiment, a means of spreading and regulating the standards and laws of social relations of the Evenk tribal society. The phraseological units act as preservation and providing knowledge developed by an ethnos in the process of historical development. According to the author, the most important social traditions of the Evenk remain relevant in the era of globalization.

Keywords: the Evenk, Evenk Language, Evenk folklore, phraseologisms/idioms, phraseological units, nimngakan, ulgur, rite

For citation: Varlamov A.N. Idioms in Evenk Folklore, Reflecting the Laws of Tribal Society. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 104-114. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.008 (In Russian)

I. Введение. Эвенкийская фразеология остается недостаточно изученной в тунгусоведении. Первой к теме эвенкийской фразеологии обратилась Г.М. Василевич при составлении эвенкийско-русского словаря, сопроводив примеры употребления некоторых слов идиомами, фразеологическими единствами и фразеологическими выражениями [ЭРС, 1958]. Примеры фразеологических единиц (ФЕ), опубликованные Г.М. Василевич, послужили материалом для первого и единственного специального исследования Г.И. Варламовой, посвященного фразеологизмам в эвенкийском языке. В работе автором подробно рассмотрена типология и специфика фразеологизмов в языке эвенков. В качестве критерия определения ФЕ исследователь называет: 1) устойчивость; 2) целостность значения; 3) раздельное оформление; 4) воспроизводимость в речи в виде готовой конструкции; 5) образность и метафоричность [Варламова, 1986: 14]. Привлекая обширный материал по языку и фольклору эвенков, автор выделяет две группы фразеологизмов по их происхождению: естественные и условные, определяет эмоциональность и образность ФЕ в качестве наиболее важных признаков [Там же: 16–20]. Анализ фразеологического материала позволил исследователю сделать правомерный вывод о преобладании в эвенкийском языке ФЕ двух типов: фразеологических сращений (идиом) и фразеологических единств [Там же: 28], кроме того, она выделяет следующие типы фразеологизмов: именные, глагольные, адъективные, адвербиальные, числительные [Там же: 32–44]. В работе оправданно уделено внимание взаимосвязи и отчетливому сходству ФЕ эвенкийского языка с образными формами речи [Там же: 44–55]. В исследовании Г.И. Варламовой впервые представлены образцы фразеологизмов эвенкийского языка и образцы эвенкийских пословиц и поговорок, содержащих ФЕ [Там же: 59–74].

Позднее тема эвенкийской фразеологии в той или иной степени становилась предметом внимания лингвистов в рамках сравнительно-сопоставительных исследований, а также в исследованиях и публикациях, посвященных лингвокультурологии [Черникова, 2005; Мерекина 2008; Мальчакитова 2016; Зотова, Кондратьева 2017; Афанасьева 2022].

Настоящая публикация посвящена фразеологии устного народного творчества эвенков. В исследовании впервые рассматривается тематическая группа фразеологизмов, содержание которых направлено на регулирование норм поведения индивида в рамках законов социальных отношений, в различных жанрах эвенкийского фольклора. *Целью* исследования является систематизация фразеологических единиц, отражающих морально-нравственные нормы и законы родового общества эвенков, в жанрах нимнгакан (эпос, миф), улгур (предание) и обрядовом фольклоре. *Задачи* исследования: выявить ФЕ, описывающие принятые нормы права, морально-нравственные традиции, обуславливающие преемственность поколений и сохранность культурной идентичности; определить степень функциональности исторических социальных традиций в современном эвенкийском обществе.

Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии тематического материала на примере эвенкийской фразеологии и предложении новых сведений об объекте исследова-

2023; 2(43): 104-114 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

ния. *Практическая значимость* работы в первую очередь связывается с возможностью ознакомления молодого поколения этноса со спецификой и потенциалом родного языка, культурными традициями этноса.

II. Материалы и методы. В качестве основного материала использованы сборники по фольклору эвенков [СМЭТФ; ИФЭ; ФЭО], в которых опубликованы тексты различных жанров эвенкийского фольклора. Использованы тексты эпического жанра восточных эвенков [ЭГС, ДБТ], тексты мифа [ИУЭ, ДПЧЧЭ] и обрядового фольклора [ОППЭ]. Привлечены материалы Архива востоковедов Института востоковедения Российской академии наук (АВИВР РАН), работы по этнографии [Ides, 1706; Георги, 1777; Василевич, 1969 и др.]. Значительный объем использованного материала составляют публикации Г.И. Варламовой, посвященные фразеологизмам в эвенкийском языке [Варламова, 1986; ЭЭНТТ и др.]. Для уточнения перевода текстов фольклора использованы словари [ЭРС, 1958; ЭРС, 2004; ССТМЯ, 1975, 1977 и др.].

В исследовании применен междисциплинарный подход, в рамках которого материалы языка и фольклора рассматриваются во взаимосвязи с этнографическими традициями этноса. В качестве основного использован метод структурного анализа, позволяющий представить наиболее точный (дословный) перевод ФЕ в соответствии с агглютинативной структурой эвенкийского языка.

III. Результаты. В среде абсолютно всех групп эвенков род представлял собой структурную единицу, социальную форму общества, являясь основой социальной организации этноса, обусловленного биологическими потребностями самовоспроизводства и самосохранения [Широкогоров, 2017: 202]. Несмотря на то, что преобладающей хозяйственной единицей являлись семьи, каждая из них в обязательном порядке имела признаки рода: родовое название, экзогамию и устойчивые социальные традиции, обязательные для родового объединения (обязательства защиты, справедливого распределения добычи, коллективный труд и коллективные обрядовые традиции) [Василевич, 1969: 151]. Естественным образом исторические традиции родовой организации нашли отражение в языке и устном народном творчестве эвенков разных групп. Рассмотрим тезис на примере фразеологических единиц в различных жанрах фольклора эвенков.

В эвенкийском языке принадлежность человека (людей) к роду, народу обозначается словом *тэгэ* ‘народ’, ‘племя’, ‘род’ [ЭРС, 2004: 644], происходящим от тунгусо-маньчжурского *тэкэн* ‘корень, корневище’, ‘основание, основа’, ‘начало’, ‘происхождение’ [ССТМЯ, 1977: 230–231]. При этом в языке разных групп эвенков для обозначения родовой принадлежности используются оба варианта корневой основы: *Би тэкэнми Нюрмаган.* – Я своим происхождением из рода Нюрмаган [ЭРС, 2004: 647]; *тэгэнми – Пуягир* – мой род Пуягир. В эпическом жанре эвенков идиома *эвэнки тэкэнин, бэе тэкэнин* ‘корень эвенка’, ‘корень человека’ представляет собой образную характеристику эпического героя в значении «предок», «основатель, продолжатель рода»:

Нуӈан ичэври ирэндэвэн	Если его внешний облик
Аят аргана адулами,	По-хорошему внимательно рассмотреть,
Тэдемэ-дэ дулин тукала буга оёдун	Настоящим-то средней глиняной земли поверхности
Эвэнки тэкэнин оми-да оӈат	*Эвенка корнем*, каким должен быть,
Мата одан нуӈан.	Богатырем стал он.

[ЭГС: 132-133]

В эвенкийском обществе выражением «корень человека» удостаиваются самые выдающиеся люди из числа общественных, духовных лидеров рода, этноса. «Стать корнем человека» – основа одной из эвенкийских заповедей кодекса морально-нравственных законов Иты: Абдува иргикэл, hутэвэ балдывкал, *бэе тэкэнын* окал. – Скотину расти, ребенка роди, *человека корнем* будь [ЭЭНТТ: 192].

В жизни каждого члена рода первичной являлась не индивидуальность, а коллективная принадлежность. В этой связи показательной иллюстрацией является эвенкийский этикет знакомства, согласно которому при встрече незнакомых людей требовалось обязательно обозначить родовую принадлежность, при этом оглашать имя собственное незнакомцу не являлось обязательным [Курейская, 2004: 4–5]. Человека, не назвавшего своего рода, следовало

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 104-114

считать врагом. Это правило вошло в нормативно-правовые нормы некоторых групп эвенков в XIX в., закрепленные в уставах деятельности местных органов управления [Самоквасов, 1876: 54]. Принятая форма знакомства выражалась в виде устойчивых ФЕ с целью выяснения происхождения лица по родовой принадлежности: *Иргит тэкэлкэн-сэксэлкэн оданни?* – Какого ты рода? (досл. Откуда корнем-кровью сделался ты?) Аналогичная формула знакомства присутствует в большинстве текстов нимӈакана:

Си-кэнэ иргит *Тэгэлкэн-ӈэн*? Иду бугалкан?	*Ты-то же, откуда* *Корнем будешь?* Какой земли-родины? [ИФЭ: 21, 180]
Эр минэвэ *Иргит тэкэлкэн-сэксэлкэн* Мата *оданды* гунэкис, Дулин аин эвэнкин биӈнэм, Со бэе Содани мата Гунмури гэрбилкэн биӈнэм.	Если меня *“Откуда корнем-кровью* Богатырь *сделался?”* спросишь, [То я] Храбрый человек Содани богатырем Называемым являюсь. [ЭГС: 154, 155]

ФЕ являются отражением норм поведения индивида в рамках законов социальных отношений, например, иллюстрируют необходимость выражения уважительного отношения к людям старшего возраста. ФЕ *дылачава нёгут ичэри* ‘солнце раньше увидевший’*, дылачава амаргут ичэри* ‘солнце позже увидевший’ представляют собой образную характеристику в значении «старший», «младший». Эти социальные традиции находят отражение в текстах нимнгаканов:

Би аки-эдэ, *Дылачава амаргут ичэчэ*. Он садем Си энэвэс сара? Си сами, самчас!	Я брат [мой] старший, друг [мой], *Солнце позже* [тебя] *увидела*. Как же знать буду, Если ты не знаешь? Если уж знал бы [кто из нас], то ты!» [ИФЭ: 20, 179]

Вариант обозначенной ФЕ составляет одну из заповедей кодекса Иты: *Дылачава нёгут ичэчэлбэ* долчаткал. – *Слушай советы старших* [досл. *тех, кто раньше тебя солнце увидел,* слушай] [ДПЧЧЭ: 18, 40; ЭЭНТТ: 190, 191].

Интересна и необычна для человека европейской культуры идиома *инӈит кутучи бидеми* ‘языком благополучным быть’, представляющая собой образное выражение, поговорку в значении «доброй молвой прославиться», «доброй молвой [о себе] счастлив будешь», близкой по значению «доброе дело без награды не остается». Варианты ФЕ составляют этиологическое содержание текста мифа: Сагдылду бэлэӈнэкэл, дюлэски *иннит* ая *кутучи бидеӈэн*. – Старым людям помогай, в будущем *молвой* хорошо, *счастливо жить будешь* [досл.: языком благополучным будешь]» [ИУЭ: 88].

ФЕ *Боруӈнакал – индус мэнин тамавувки.* – *Делись* [всегда, с другими людьми] – *жизнь сама с тобой рассчитается* является пословицей в значении «будь щедрым, дарующему возвращается сторицей». Изречение основано на социальных законах рода *Боруhи* – обязательстве помощи людям, неспособным самостоятельно вести хозяйство и *Нимат* – обязательстве справедливого распределения добычи [Василевич, 1969: 68–69; Расцветаев, 1933: 34, 39]. Эти важные законы родового общества продолжают функционировать в среде современных эвенков [Варламов, 2022а: 601–604]. Варианты ФЕ встречаются в текстах мифа, а также являются составной частью эвенкийских заповедей Иты: Дептылэвэ гиркидуви *боруӈнакал*, эӈнэкэл эвлэнэ – *индус мэнин тамавувки*. – Пищей с другом *делись* [всегда], не жалей – *в жизни твоей добро к тебе вернется* [досл. жизнь сама с тобой рассчитается] [ИУЭ: 88]; Буга бунэвэн бэеду эври мулана, *борилдыври, нимадыври*… Буга буми будиӈэн. – Все, что [тебе] Небом-родителем даруется, для людей не жалей, соблюдай *обычай Боруhи*, *обычай Нимат*… Небо, вознаграждая, дарует [и тебе] [ДПЧЧЭ: 18, 40].

ФЕ *Чиругиндуливи эмукин одяӈан* – Тот, кто не помогает другим людям, остается без помощи [досл. по жадности своей одиноким остается] противопоставляет порок индивида интересам и законам рода: *Чиругин бисикис* – ӈи-дэ этэн бэлэрэ, *умукин одяӈас*. – *Жад-*

2023; 2(43): 104-114 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

ным будешь – никто не поможет, *одиноким станешь* [ИУЭ: 88].

Отдельную группу составляют ФЕ, отражающие отношение родового общества к его членам. Прежде всего это касается социально незащищенной категории – сирот, стариков и женщин, оставшихся без кормильца. Пословица *Ањадяканма карайчадук бэе эвки будэ. – От того, что сироту воспитает, человек не умирает* основана на одном из социальных законов эвенков: запрещается оставлять на произвол судьбы одиноких стариков и сирот. В социальных традициях эвенков детей, оставшихся без родителей, обязаны были воспитывать родственники. Подобное бережное отношение сохранялось к людям, неспособным самостоятельно вести хозяйство [Василевич, 1969: 155, 156, 179, 180; Расцветаев, 1933: 39]. ФЕ встречается в текстах эпоса и составляет одну из заповедей кодекса *Иты*:

Умнэ карайдав-да	Раз уж мы взялись заботиться
Окин айодалас-ку,	До выздоровления твоего,
Окин будэлэс-ку	Или до смерти твоей
Карайдылавар истав.	Будем за тобой ухаживать.
«*Ањадяканма карайчадук*	«*От того, что позаботится о сироте*
Бэе эвки будэ», – гуњкитын.	*Человек не умирает*», – говорят.
Тар айаван амаргут дялдадянни-гу,	Это добро после оценишь ли, нет ли?
эденды-гу?	
Дялдаракис-кат,	Оценишь или нет
эhикис-кэт –	
«*Аи бэйэвэн карайчаду*	«*К тому, кто воспитал* [досл.: *оберегал, заботился*] *человека-аи, никакой грех не придет*», – говорят.
Экун-кат њэлумуhи эвки эмэрэ», – гуњкитын.	
	[ДБТ: 52, 53]

Ањадяканма карайчадук умун-дэ бэе эчэ абулла. Буга буми, будињэн.	*– От того, что позаботился о сироте ни один человек [еще] не умер* [от нужды, голода]. Небо, даруя, вознаградит [за это] [ЭЭНТТ: 191].

В мировоззрении эвенков считается, что дети, сироты находятся под покровительством верховного божества Буга, Айиhит-эни, поэтому оставить их в беде – большой грех для членов рода. Этот закон в среде эвенков сохраняется в настоящее время – родственники детей, оставшихся без родителей, обязаны взять их в свою семью и воспитать: Буга эдындерэ угидаду сача бирэн – куњакарвэ, *ањадякарва койитчари, бутыла эњнэрэн бэлэрэ*. Гуњнэрэн: “Долдыњнам! – Небо-Буга ветром наверху [все] узнает – детей, *сирот обманывающим до смерти не помогает*. Говорит: «Я [все] слышу!»[1].

ФЕ *hуркэн-куњакан аилган аhатканди калтакачи овча. – Парня судьба девушкой наполовину сотворяется*, *Бэе аhи унякандин бэе овки. – Мужчина пальцем женщины мужчиной становится* являются вариантами поговорки, отражающей высокий социальный статус женщины и особое отношение членов общества к женщине как матери и хранительнице семейного (соответственно, родового) очага: Эми-да индери гоhочивки бивки. Аhия ачин идук балдымчас? *Аhи унякандин кэргэнми иргивки*. Энимни-аминми удяна бидекэл. – Всяк живущий пару себе находит, всяк свой корень имеет. Без женщины-матери как бы ты родился? *Женщина семейство свое трудом рук своих растит* [досл. пальцем своим растит]. Матери, родителей и предков своих тропу торя, по следу их живя, иди [ДПЧЧЭ: 18, 40].

Тарит биhэмдэ.	Поэтому говорят:
hуркэн-куњакан аилган	*Парня судьба* [досл.: *спасение, улучшение, исправление*]
аhатканди калтакачи овча.	*Девушкой наполовину сотворяется* [ЭГС: 348, 349].

Слово *аилган* в мировоззренческих представлениях противопоставляется исходной, предначертанной судьбе *маин* [Варламова, 2004: 76–77; Варламов, 2022б: 39]. В шаманских традициях эвенков существует ритуал «поправления судьбы», «укрепления, удлинения нити жизни» [Варламова, 2002: 144–145]. В этой связи, «исправленная судьба» имеет иное название – *аилган, айилган*, происходящее от корневой

[1]Архив востоковедов Института востоковедения Российской академии наук (АВИВР РАН). Ф. 49. Оп. 1. Д. 6б. Л. 6.

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 104-114

основы *ай-ми, аи-ми* ‘исправить, поправить’ [ЭРС, 2004: 29, 30] с добавлением суффикса *-лган*, образующего название предмета, результата действия [Василевич, 1958: 767].

ФЕ сохраняют сведения о нормах права в родовом обществе эвенков. Например, *Буруя ачин бэевэ эӈнэкэл тырэрэ.* – Не обвиняй невиновного человека» [досл. Невиновного человека не прижимай]». В своде морально-нравственных норм эвенкийского общества запрещается обвинять человека без веских на то оснований [Варламова, 1986: 66]. ФЕ представляет собой образное выражение, является составной частью одной из эвенкийских заповедей Иты: Бэевэ hэргимнэри – одёдук одёкит. *Буруйя ачин бэевэ тырэрэкис* – одё. Бэе уhагун – бэе соргун овки. – Человека унижать – из запретов запрет. *Невиновного человека прижимать* – запрет. Из кажущегося плохим человек лучшим может оказаться [ЭЭНТТ: 192, 191].

Обычно для доказательства своей невиновности эвенку было достаточно заручиться собственным словом: «У нихъ всегда на языкѣ и на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Лгать кажется имъ дурно: и сіе самое предохраняетъ ихъ отъ подозренія и клятвъ» [Георги, 1777: 37]. В исключительных случаях возникала необходимость клятвенного заверения подозреваемого, после которого обвинение с него безоговорочно снималось [Ides, 1706: 45; Ельницкий, 1895: 50].

Часть ФЕ содержит сведения о социальных отношениях на межродовом, межплеменном уровне. Прежде всего это касается восприятия рода как гарантии защиты члена родового сообщества. Многие ФЕ иллюстрируют закон кровной мести в качестве защитной функции родового сообщества. Мотив кровной мести является сюжетообразующим во многих текстах эвенкийских преданий-улгуров [ИФЭ: 154, 156–157 и др.; СМЭТФ: 91–92, 92–93, 271–272 и мн. др.].

ФЕ *бэюсинми дялви – мстить за род [досл. охотиться [на врага] за членов своего рода]* встречается во многих текстах преданий эвенков разных групп: Хэвэкэ бичэн ганалчилду сониӈитын. Эсилэ сурурэн нуӈан *бэйусиллэн дялви*. – Ховоко был у ганальчей сонингом. Ну вот, отправился он *мстить за родню* [досл. охотиться за родню] [ИФЭ: 136, 290].

ФЕ *сэксэлвэ hултэми* – «кровь (мн. ч.) откупорить» означает «начать межродовую вражду»: Ошикир кэлэрэ нян дялвар, бэлэгэнэрэ Хикчиӈэвэ… Даллэ. Эсилэ тэгэрэ, гуллэ. Йургинивэ hанӈукталла Ошикир:

– Кэ, эдянни, асиви буденни?

Йургиникэкун уӈурэкэкунду илитчана гунден:

– Будем-ӈу, эдям-ӈу? Этэм бурэ! *Сэксэлвэтын hултэрэ*.

Тадук-та гарпачиллан Ошикирва.

Люди рода Ошикир тоже привели своих сватов, посодействовать [в сватовстве] Хикчинги (имя девушки)… Стали свататься. Вот сели, разговор начали. У Юргини спрашивают Ошикиры:

– Ну, что сделаешь, девушку [вашу] отдашь?

Юргинище стоя посередине говорит:

– Отдам-ли, нет-ли? Не отдам! *Кровь свою откупорили*.

После этого сразу стал стрелять [из лука] в Ошикиров [ИФЭ: 150, 307].

Варианты ФЕ *тэкэнмэс бокондёв*; *тэкэнмэс исчиӈав* имеют значение «отомщу [досл. корень-род твой настигну]: «*Тэкэнмэс бокондёв*, дылвас бучидяв. – Отомщу твоему роду [досл. корень твой настигну], голову твою высушу [Варламова, 1986: 45, 63].

Во фразеологизмах эвенков заметно негативное отношение к необоснованной межродовой вражде. Несмотря на то что в социальных традициях эвенков преобладают законы рода, при внешней угрозе принятые нормы социальных отношений диктуют необходимость объединения и негативное отношение к предательству по отношению к другому роду в войне с внешним врагом. В преданиях-улгурах встречается идиома *тэгэлвэ эвидеми* – вносить вражду между родами [досл. своими родами играть]:

«Хэрбэ баӈэр оран:

– Эрчэмэюл бинэл, некэдес? Лучасинчал бинэл, *тэгэлвэ эвидес*!

Хэрбэ в отказ пошел:

– Это как же так живя, [существовать далее] собрались? К русским бегая, *вражду между родами вносите* [досл. родами играете]! [ИФЭ: 142, 297].

Значительное число ФЕ являют собой отражение морально-нравственных традиций, обуславливающих преемственность поколений и сохранность культурной идентичности. *Ая бине сугакэл(лу)! Ая hоктоё сугакэл(лу)! Гороёло*

2023; 2(43): 104-114 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

сугаркэл(лу)! – варианты идиом, образных выражений, устойчивых форм ритуальных обращений к духам предков в значении «долгий путь проторите», «сделайте судьбу счастливой». Досл. перевод: «Хорошую жизнь [указателями-метками] укажи(те)!», «Счастливую жизнь [знаками] обозначь(те)!», «Хороший жизненный путь протори(те)!»:

Тар некэксэ, гунивки: – Кэ, эһэкэ! һутэлдув дюлэски *ая һоктоё сугакэл*, *Ая биние сугакэл*!	Так сделав, говорят: – Ну, дедушка! Детям моим на будущее *добрую дорогу протори*, *Хорошую жизнь укажи!* [ОППЭ: 192, 193]

Аямат ӈэнэдектынэ, Аямат бидектынэ. *Гороёло сугаркаллу-нэ* Аямат ӈэнэдектынэ!	Хорошо пусть идут, Хорошо пусть живут. *Долгую жизнь им проторите* [досл.: *в далёкое путь им обозначьте*], Хорошо пусть живут. [ФЭО: 308, 309]

Возникновение приведенных выше форм ФЕ связано с этнографической традицией эвенков обозначать путь своего следования, место нахождения жилища, хранения добычи, возможной опасности и др. специальными знаками – *сугар*, *илкэн*, *самэлки* [Василевич, 1969: 186–187; ЭРС, 2004: 242, 490, 519]. Мотив указателя-илкэн является распространенным в различных сюжетах жанра преданий эвенков [ИФЭ: 156, 313-314; СМЭТФ: 91, 92; ИУЭ: 72].

В мировоззрении эвенков одним из наиболее тяжких грехов является поведение (деятельность) индивида, способное привести к нарушению преемственности поколений, к исчезновению рода. Этот грех обозначается ФЕ *бэе удяван һакуми* – человека след закрыть, *сэксэлвэр дялуматми* – крови (мн. ч.) своей [путь] преградить. Варианты ФЕ имеют значение «препятствовать продолжению рода [через предательство социальных, культурных традиций рода, этноса]», «закрыть путь потомкам рода», «предать свой род, народ», «изменить традициям своего рода, народа». ФЕ основываются на традициях родового общества, в котором будущее потомков индивида во многом зависит от его преданности роду, социальным, культурным традициям народа: *Бэе удялин ӈэнэкэл*, *бэе удяван энэ һакура. – Соблюдай традиции предков, будущему народа не препятствуй* [досл. По следу человека иди, человека след не закрывая] [ДПЧЧЭ: 18, 40];

Чэмдал гунэн:

– Он аһия булдем? *Сэксэлвэр далуматта*!

– [Человек рода] Чэмда сказал:

– Как я девушку [дочь им] отдам? *Крови своей [путь] преграждают* [между собой]! [ИФЭ: 142, 297].

Существуют ФЕ, регулирующие отношение родового общества к возникновению патронимий. Например, поговорка *һалаӈ окса, сулиӈ экэл ора* – став самостоятельным, не кичись, не зазнавайся [досл. Ответвлением [рода] став, заостренным не становись] [Варламова 1986: 48]. Выражение возникло на основе исторических традиций – в истории многих родов наблюдается выделение патронимий разного уровня, которые остаются в пределах коллективного взаимодействия с членами рода-основы: *һалаӈ окса, сулиӈ оча* биһим, гуннэ, экэл дюлэви-нюн токторо. – *Ответвлением* [родового древа] *став*, *заостренным стал* – не говори. Будущее [вашего рода] не обрубай [ДПЧЧЭ: 18, 40].

Мировоззренческим символом эвенкийского рода является огонь. Эта символика обусловила возникновение ФЕ в виде пословиц и народных наставлений. Поговорка *Бэел тоготын индерэ – Люди огнем своим живут* имеет значение «огонь – символ жизни семьи, рода»: Иргэчи *бэел* упкал *тоготын индерэ*. – Все разумные *люди живут для продолжения своего рода* [досл. огнем своим живут][1].

Преемственность поколений рода представляется эвенками как «передача эстафеты» поддержания огня: «*Того дугэе ачин бивки*. Он тар гуктэ бидиӈэн? Окин-ка окин, билир-билир эр бэе тоговон Айиһит-эни нуливканча. Тадук эһилэ бэел тогочил очал. Тогово нуливки очал. Си энинни энинин тогови нулдяча, си энинни тогови нулдяча, си мэнни тогови нулдиӈэс. Си һутэлис тоговор нулдиӈэтын, һутэлис һутэлтын тоговор нулдиӈэтын. Тарит гуивкил: *Того дугэе*

[1]АВИВР РАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6б. Л. 252.

ачин [Кэптукэ, 1990: 8, 53]. – *Огонь не имеет конца – так* [*в жизни*] *обычно бывает*. Что эта пословица значит? Когда-то очень давно, в глубокой древности этот человеческий огонь Айиhит-эни зажгла [передав людям]. Так с тех пор люди с огнем стали. Огонь разжигать-поддерживать стали. Твоей матери мать огонь свой поддерживала, твоя мать огонь свой поддерживала, ты сама огонь поддерживаешь. Твои дети свой огонь будут [так же] поддерживать, дети твоих детей свой огонь будут поддерживать. Поэтому-то и говорят: *огонь конца не имеет*.

IV. Обсуждение. Дискуссионным представляется проблема соотношения бытования фразеологизмов в языке в связи со снижением его функциональности в результате ассимиляции. Действительно, начиная с 70-х гг. XX в. степень сохранности эвенкийского языка катастрофически снизилась: с 52% владеющих языком в 1970 г. до 7–10 % в настоящее время [Варламов, 2022а: 646–647, 738–739]. Естественным образом исчезновение языка обуславливает снижение функциональности фразеологии. Вместе с тем мы можем наблюдать феномен роста популярности эвенкийских ФЕ в современном творчестве, прежде всего в поэзии и современной музыке. При этом использование ФЕ встречается как на родном, так и на других языках, прежде всего русском. По нашему мнению, этот процесс обусловлен коллективной потребностью этнического общества как к сохранению культурной идентичности, так и к формам его словесного выражения. В свою очередь, это явление основывается на устойчивом положении этнического самосознания этноса, придающем импульс жизни всему спектру культурных традиций.

V. Заключение. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о богатом фонде фразеологизмов эвенкийского языка в различных жанрах фольклора эвенков. Фразеологизмы представлены в виде идиом, образных выражений, пословиц, поговорок, наставлений и запретов, отражающих социальные традиции родового общества эвенков. К числу наиболее распространенных фразеологизмов рассматриваемой тематики относятся ФЕ, регулирующие нормы поведения индивида в рамках законов социальных отношений, отношение общества к его членам, нормы права, морально-нравственные традиции, обуславливающие преемственность поколений и сохранность культурной идентичности. Значительная часть рассмотренных ФЕ, как и питающих их социальных традиций, сохраняет актуальность в условиях глобализации. К их числу относятся: бережное отношение этнического общества к социально незащищенным его членам, традиция преемственности поколений. Слово, основанное на мировоззренческих и социальных традициях, по-прежнему имеет важное функциональное значение в жизни этнического общества эвенков. Фразеологизмы продолжают оставаться не только в виде образной формы речи, но и как средства распространения и регулирования норм и законов общественных отношений родового общества эвенков.

Дополнительные источники и принятые сокращения:

Василевич Г.М. Суффиксы и частицы // Эвенкийско-русский словарь [Сост. Г.М. Василевич]. М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Ч. 2. С. 744–799.

Курейская Е.А. Как зовут тебя, бэе? Словарь эвенкийских имен. Тура, 2000. 42 с.

ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Отв. ред. В.И. Цинциус]. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.

ССТМЯ 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Отв. ред. В.И. Цинциус]. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.

ЭРС 1958 – Эвенкийско-русский словарь [Сост. Г.М. Василевич]. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 576 с.

ЭРС 2004 – Эвенкийско-русский словарь [Сост. А.Н. Мыреева]. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.

ФЕ – фразеологические единицы

Список литературы:

Афанасьева Е.Ф. Сравнительный анализ пословиц и поговорок в эвенкийском, русском и бурятском языках // Исследование и преподавание языков: анализ, опыт, технологии. Сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2022. С. 11–17. DOI: 10.18101/978-5-9793-1726-2022-174

Варламов А.Н. Концепт ДУША в языке и мировоззренческих традициях эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022б. Т. 8. № 3. С. 31–45. DOI: 1022250/24107190_2022_8_3_31

Варламов А.Н. Сонинги Дулин Буга: этногенез и этническая история эвенков. Новосибирск: Наука, 2022а. 704 с.

Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 185 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 1).

Варламова Г.И. Фразеологизмы в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 80 с.

Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей: в 4 ч. Ч. 3: О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. СПб.: Типография Вейтбрехта и Шнора, 1777. 116 с.

ДБТ – Дулин буга Торгандунин = Торгандун среднего мира / Республика Саха (Якутия), Департамент по делам народов и др. [Сост., перевод на русский язык, вступительная статья, комментарии А.Н. Мыреевой; ответственный редактор Г.И. Варламова]. Новосибирск: Наука, 2013. 855 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).

ДПЧЧЭ – Двуногий да поперечноглазый, черноголовый человек-эвенк и его земля Дулин Буга = Дюр һалгалкан, эвуныки еһалкан, коӈнорин дылилкан, эвэнки-бэе тадук балдыдяк бугалканин Дулин дуннэӈин [Сост. Г.И. Варламова–Кэптукэ]. Якутск: Розовая чайка, 1991. 49 с.

Ельницкий К.В. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. СПб.: Изд-е Д.Д. Полубояринова, 1895. 136 с.

Зотова Н.В., Кондратьева Н.В. Фразеологические единицы как средства выражения эмотивности (на материале удмуртского и эвенкийского языков) // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 4. С. 103–107.

ИУЭ – Илэ упкаттук эӈэһитмэр [Сост. Н.К. Оёгир]. Красноярск: Кн. изд-во, 1987. 96 с.: ил.

ИФЭ – Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания [Сост. Г.М. Василевич]. Л.: Наука, 1966. 400 с.

Кэптукэ Г. Рассказы Чэриктэ – Чэриктэ улгурилин: Рассказы, повесть-сказка (на русском и эвенкийском языках). Красноярск: Кн. изд-во, 1990. 88 с.: ил.

Мальчакитова Н.Ю. Фразеологические единицы в произведениях Г. Кэптукэ // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Мат-лы Всеросс. науч.-метод. конф. (с междунар. участием) 22 янв. 2016 г. [Отв. ред. О.Н. Морозова]. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2016. С. 216–220.

Мерекина Е.В. Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование эвенков). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 20 с.

ОППЭ – Обрядовая поэзия и песни эвенков [Сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин]. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2014. 487 с., [8] с цв. вкл. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32).

Расцветаев М.К. Тунгусы мямяльского рода: Соц.-экон. очерк с прилож. тунгус. бюджетов. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. (АН СССР. Труды совета по изучению производ. сил. Серия Якутск. Вып. 13). 178 с.: ил.

Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права инородцев. Варшава: Типография Ивана Носкова, 1876. [XII]. 284 с.

СМЭТФ – Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору [Сост. Г.М. Василевич]. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 290 с.

ФЭО – Фольклор эвенков Олёкмы [Сост. Г.И. Варламова и др.]. Якутск: Алаас, 2021. 358 с.

Черникова Е.В. Концепты ДУША и ДУХ в русском, английском и эвенкийском языках (сопоставительное исследование на фразеологическом уровне). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва, 2005. 20 с.

Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). М.: Наука Вост. Лит., 2017. 710 с.

ЭГС – Эвенкийские героические сказания [Сост. А.Н. Мыреева]. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 1).

ЭЭНТТ – Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: сб. науч. тр. [Под ред. Г.В. Быковой, Г.И. Варламовой]. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. Вып. 1. 270 с.

Ides E. Isbrant. Three Years Travels from Moscow Over-land to China: thro Great Ustiga, Siriania, Permia, Sibiria, Daour, Great Tartary, &c. to Peking. London: Printed in Dutch by the Direction of Burgomaster Witzen, 1706. 210 p.

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 104-114

References:

Afanasyeva E.F. Sravnitel'nyy analiz poslovits i pogovorok v evenkiyskom, russkom i buryatskom yazykakh [Comparative analysis of proverbs and sayings in the Evenk, Russian and Buryat Languages]. *Issledovanie i prepodavanie yazykov: analiz, opyt, tekhnologii* [Language research and teaching: analysis, experience, technology]. Collection of scientific articles. Ulan-Ude, 2022. Pp. 11–17. (In Russian)

Chernikova E.V. *Kontsepty DUShA i DUKh v russkom, angliyskom i evenkiyskom yazykakh (sopostavitel'noe issledovanie na frazelogicheskom urovne)* [Concepts of SOUL and SPIRIT in Russian, English and Evenk Languages (comparative study at the phraseological level)]. Abstract of Ph.D. thesis. Moscow, 2005. 20 p. (In Russian)

Dulin buga Torgandunin = Torgandun srednego mira [Torgandun of the middle world]. Republic of Sakha (Yakutia), Department of Peoples Affairs, etc. Compiled, translated into Russian, introductory article, comments by A.N. Myreeva; executive editor G.I. Varlamov. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Vol. 31. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 855 p. (In Russian)

Dvunogiy da poperechnoglazyy, chernogolovyy chelovek-evenk i ego zemlya Dulin Buga = Dyur halgalkan, evunyki ehalkan, koŋnorin dylilkan, evenki-bee taduk baldydyak bugalkanin Dulin dunneŋin [TTBME – The two-legged and two-eyed, black-haired man Evenk and his land Dulin Buga = Dyur halgalkan, evunyki ehalkan, kongnorin dylilkan, evenki-beye taduk baldydyak bugalkanin Dulin dunnengin]. Comp. G. I. Varlamova-Keptuke. Yakutsk: Pink seagull Publ., 1991. 49 p. (In Evenki and Russian)

Elnitsky K.V. *Inorodtsy Sibiri i Sredneaziatskikh vladeniy Rossii* [Foreigners of Siberia and the Central Asian possessions of Russia]. St. Petersburg: Publ. D.D. Poluboyarinova, 1895. 136 p. (In Russian)

Evenkiyskie geroicheskie skazaniya [Evenk heroic folk tales]. Comp. A. N. Myreeva. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Vol. 1. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 392 p. (In Russian)

Evenkiyskiy etnos v nachale tret'ego tysyacheletiya [EEBTM – Evenk ethnos at the beginning of the third millennium]. Collection of scientific works. Ed. G.V. Bykova, G. I. Varlamova. Blagoveshchensk: BGPU Publ., 2006. Iss. 1. 270 p. (In Russian)

Fol'klor evenkov Olekmy [FEO – Folklore of the Evenk Olekma]. Comp. G. I. Varlamova. Yakutsk: Alaas Publ., 2021. 358 p. (In Russian)

Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov i ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, veroispovedaniy i prochikh dostopamyatnostey: v 4 ch. Ch. 3: O narodakh samoedskikh, man'chzhurskikh i vostochnykh sibirskikh, kak i o Shamanskom zakone* [Description of all peoples living in the Russian state: Their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, faiths and other memorials: in 4 vol. Part 3: About the Samoyed, Manchu and Eastern Siberian peoples, as well as about the shamanic law.]. St. Petersburg: Print. of Weitbrecht and Schnor, 1777. 116 p. (In Russian)

Ides E. Isbrant. *Three Years Travels from Moscow Over-land to China: thro Great Ustiga, Siriania, Permia, Sibiria, Daour, Great Tartary, &c. to Peking.* London: Printed in Dutch by the Direction of Burgomaster Witzen, 1706. 210 p.

Ile upkattuk eŋehitmer [IUE – Ile upkattuk engehitmer]. Comp. N.K. Oegir. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo Publ., 1987. 96 p.: il. (In Evenk)

Istoricheskiy fol'klor evenkov. Skazaniya i predaniya [HFE – Historical folklore of the Evenk. Folk tales and legends]. Comp. G. M. Vasilevich. Leningrad: Science Publ., 1966. 400 p. (In Russian)

Keptuke G. *Rasskazy Cherikte – Cherikte ulgurilin: Rasskazy, povest'-skazka* [Charikte's stories – Charikte ulgurilin: Stories, story-tale]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo Publ., 1990. 88 p.: il. (In Evenki and Russian)

Malchakitova N.Yu. Frazeologicheskie edinitsy v proizvedeniyakh G. Keptuke [Phraseological units in the works of G. Keptuke]. *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshikh i srednikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape* [Teaching a foreign language to students of higher and secondary educational institutions at the present stage]. Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference (with international participation) 22 Jan. 2016. Managing editor O.N. Morozov. Blagoveshchensk: Amur State University Press, 2016. Pp. 216-220. (In Russian)

Merekina E.V. Kul'turnye kontsepty kak yadernaya chast' yazykovogo soznaniya malochislennogo naroda (etnolingvokul'turologicheskoe issledovanie evenkov) [Cultural Concepts as a Core Part of the Linguistic Consciousness of Indigenous minority peoples (Ethnolinguistic and Cultural Study of the Evenki)]. Abstract of Ph.D. thesis. Barnaul, 2008. 20 p. (In Russian)

Obryadovaya poeziya i pesni evenkov [RPSE – Ritual poetry and songs of the Evenk]. Comp. G. I. Varlamova, Yu. I. Sheykin. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; Vol. 32. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo "Geo", 2014. 487 p., [8]. (In Russian)

Rastsvetaev M.K. *Tungusy myamyal'skogo roda: Sots.-ekon. ocherk s prilozh. tungus. Byudzhetov* [Tunguses of the Myamyal tribe: Soc.-econ. essay with Tungus budgets]. Academy of Sciences of the USSR. Pro-

ceedings of the council for the study of production forces. Series: Yakutsk. Iss. 13. Leningrad: Publ. AN SSSR, 1933. 178 p.: il. (In Russian)

Samokvasov D.Ya. *Sbornik obychnogo prava inorodtsev* [Collection of customary law of foreigners]. Varshava: Typography of Ivan Noskov, 1876. [XII], 284 p. (In Russian)

Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru [CMETF – Collection of materials on Evenk (Tungus) folklore]. Comp. G.M. Vasilevich. Leningrad: Publ. of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR. P.G. Smidovich, 1936. 290 p. (In Russian)

Shirokogorov S.M. *Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniya i istorii etikh grupp* [The social organization of the northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and the history of these groups]. Moscow: Science. Eastern literature Publ., 2017. 710 p. (In Russian)

Varlamov A.N. Kontsept DUShA v yazyke i mirovozzrencheskikh traditsiyakh evenkov [The concept SOUL in the language and worldview of the Evenk]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2022b. Vol. 8. № 3. Pp. 31-45. (In Russian)

Varlamov A.N. *Soningi Dulin Buga: etnogenez i etnicheskaya istoriya evenkov* [Soningi Dulin Buga: ethno-genesis and ethno-history of the Evenk]. Novosibirsk: Science Publ., 2022a. 704 p. (In Russian)

Varlamova G.I. *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkiyskogo fol'klora* [Epic and ritual genres of Evenk folklore]. Novosibirsk: Science Publ., 2002. 376 p. (In Russian)

Varlamova G.I. *Frazeologizmy v evenkiyskom yazyke* [Idioms in the Evenk Language]. Novosibirsk: Science Publ., 1986. 80 p. (In Russian)

Varlamova G.I. *Mirovozzrenie evenkov: otrazhenie v fol'klore* [Evenk worldview: reflection in folklore]. Series: Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Vol. 1. Novosibirsk: Science, 2004. 185 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo KhKh v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (18th – early 20th century)]. Leningrad: Science Publ., 1969. 304 p. (In Russian)

Zotova N.V., Kondratieva N.V. Frazeologicheskie edinitsy kak sredstva vyrazheniya emotivnosti (na materiale udmurtskogo i evenkiyskogo yazykov) [Phraseological units as a means of expressing emotiveness (on the material of the Udmurt and Evenki languages)]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Success of modern science and education]. 2017. Vol. 3. № 4. Pp. 103–107. (In Russian)

Сведения об авторах:

Варламов Александр Николаевич – д.ф.н., в.н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; г. Якутск, Российская Федерация;

http://orcid.org/0000-0002-4928-402X;
ataki2006@yandex.ru

Information about the author:

Varlamov Alexander Nikolaevich – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Yakutsk, Russian Federation;

http://orcid.org/0000-0002-4928-402X;
ataki2006@yandex.ru

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 115-125

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.009
УДК: 811.512.157’373.46

Функционирование терминов якутской национальной культуры в научных текстах на русском языке

А.А. Васильева

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, vaaperevod@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются переводческие приемы передачи национальных реалий, которые в научных текстах на русском языке выступают в роли терминов материальной и духовной культуры якутов. Переводческие приемы транскрипции, транслитерации, подбора функциональных аналогов и эквивалентов, а также приемы описания реалии в данной статье также рассматриваются как способы образования терминов с помощью перевода. В сближении переводоведения и терминоведения на материале терминов якутской культуры заключается новизна исследования. Целью работы является выявление и описание переводческих приемов при формировании вторичной терминосистемы якутской национальной культуры в научных текстах на русском языке. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: классифицировать собранный по тематическому принципу материал согласно универсальной классификации приемов передачи безэквивалентной лексики; описать особенности применения переводческих приемов, которые обуславливаются лингвистической спецификой языковой пары «якутский и русский языки»; охарактеризовать особенности функционирования якутских терминов-реалий во вторичной языковой среде. В исследовании были использованы методы сплошной выборки материала, статистические методы подсчета и сравнения лексических единиц; методы наблюдения и сравнения при работе с тематическими выборками, методы анализа и синтеза при описании процессов формирования вторичной терминосистемы якутской национальной культуры на русском языке. На основе своих наблюдений автор выявляет проблемы якутско-русского перевода, требующие дальнейшего изучения и решения, – транскрипция и транслитерация при общем кириллическом алфавите контактирующих языков, а также широкая вариативность переводных терминов национальной культуры и их дефиниций.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, реалии, термины, перевод, приемы перевода, якутский язык, русский язык

Для цитирования: Васильева А.А. Функционирование терминов якутской национальной культуры в научных текстах на русском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 115–125. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.009

Functioning of the Terms of the Yakut Ethnic Culture in Scientific Russian Texts

A.A. Vasilieva

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”, Yakutsk, Russian Federation, vaaperevod@mail.ru

Abstract. The article considers translation shifts of conveying culture-specific elements that are presented as terms in scientific works in Russian. In the article, such translation shifts as transcription, transliteration, selection of functional

© Васильева А.А., 2023

replacements and equivalents, and descriptions of culture-specific elements are also considered as methods of creating terms with translation. This research is novel because of such convergence of translation and terminology studies based on the terms of Yakut culture. The aim of this article is to reveal and describe translation shifts that were used in the formation of the secondary system of terms of the Yakut culture in scientific works in Russian. To achieve this aim, the article accomplishes the following tasks: classifies the data collected in themes in accordance with the universal classification of methods for translating culture-specific words; describes the special aspects of using translation shift in the unique linguistic features of the pair "Russian and Yakut Languages"; defines the features of the functioning of the Yakut culture-specific terms in the secondary language environment. This research uses the following methods: continuous sampling method; statistical methods of count and comparison of lexical units; methods of observation and comparison when working with themed selections; analysis and synthesis methods when describing the formation of the secondary system of terms of the Yakut culture in Russian. Based on these observations, the author points out problems of Yakut-Russian translation that need further study and solving - the question of transcription and transliteration given the shared Cyrillic Alphabet of the contacting languages, and of the broad diversity of translational cultural terms and definitions.

Keywords: Culture-specific words, culture-specific elements, terms, translation, translation shifts, Yakut Language, Russian Language

For citation: Vasilieva A.A. Functioning of the Terms of the Yakut Ethnic Culture in Scientific Russian Texts. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 115-125. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.009 (In Russian)

I. Введение. Тексты, в которых обнаруживаются национально-культурные реалии, делятся на две большие группы: художественные и научные. В текстах обеих групп реалии демонстрируют особенности быта и духовной культуры того или иного народа. Если в художественных текстах реалии чаще всего используются для подчеркивания экзотичности, то в научных текстах национальные реалии выступают в роли терминов, у которых чаще всего нет эквивалентов в переводящем языке. Несмотря на то, что реалии-термины входят в число безэквивалентной лексики, в общей практике перевода все же сложились способы их передачи: «…выбор у переводчика небольшой: нужен термин; либо он заимствует его – обычно из ИЯ (транскрипция), либо «сочиняет» свой (калька, неологизм, составной термин и др.), либо общеязыковой единице присваивает статус термина» [Влахов, Флорин, 1980: 279]. Те авторы, которые о якутской культуре изначально пишут на русском языке, тоже используют эти способы, так как они переводят информацию о культуре еще до того, как напишут о ней в своих научных трудах.

В исследовании мы фиксируем и классифицируем способы наименования на русском языке элементов якутской духовной и материальной культуры, которые в научном описании якутской культуры функционируют как термины. Так как мы рассматриваем эти наименования в качестве безэквивалентной лексики с точки зрения переводоведения и в то же время нам необходимо пронаблюдать их функционирование в роли терминов в научных текстах, в данной статье мы применяем рабочий термин «термин-реалия» для обозначения предмета исследования – слов, обозначающих уникальные понятия материальной и духовной культуры якутов. *Целью* работы является не только переводоведческая классификация приемов передачи на русский язык якутских терминов-реалий, но и классификация и описание этих приемов с точки зрения терминоведения как переводных способов терминообразования во вторичной языковой среде. Исследуемый материал якутских терминов-реалий представляет интерес как лингвистическое явление в теоретическом плане в аспекте терминоведения и как факт вторичного становления и функционирования терминосистемы якутской материальной и духовной культуры в научных текстах на другом языке.

На сегодняшнем этапе развития частной теории и практики якутско-русского перевода мы рассматриваем термины якутской национальной культуры как национальные реалии в связи с тем, что, во-первых, в исследуемых текстах они переводятся как реалии, во-вторых, подавляющее большинство из них, по всей видимости, находится на этапе фиксации и упорядочения во вторичной языковой среде – русскоязыч-

ных научных текстах. Поэтому в данной статье мы будем пользоваться инструментарием переводоведения, в основном опираясь на монографию С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1980], а также сделаем попытку сблизить ее с инструментарием терминоведения, используя работы Е.И. Оконешникова [Оконешников, 2015] и Ю.М. Борисовой [Борисова, 2022].

В российской науке теория и практика иноязычного описания родной культуры разрабатывается профессором В. Кабакчи и его последователями как направление интерлингвокультурологии [Кабакчи, 2019]. Ранее мы рассматривали якутские реалии и приемы стилизации в художественном и академическом переводе с якутского языка на русский язык в ракурсе интерлингвокультурологии [Васильева, 2020]. В данной статье мы попытаемся взглянуть на якутские реалии с точки зрения терминоведения, в этом заключается *новизна исследования*. *Актуальность* работы обусловлена тем, что описание культуры на языке с большим количеством носителей является одним из способов ее сохранения, и главным требованием при таком описании должна стать точность, правдивость, полнота, пути достижения которых предстоит еще изучить не только самим этнографам, но и лингвистам, ведь культура отражается в языке, а при переводе на другой язык неизбежно происходят трансформации разной степени глубины. Поэтому для точности передачи культурной информации лингвистические, в том числе переводческие, приемы весьма важны.

II. Материалы и методы. Идея этой работы возникла из практической необходимости обучения студентов переводческому делу. Для начинающих переводчиков с якутского языка научные тексты о якутской культуре являются, наравне со словарями и справочниками, богатым источником фоновых знаний для повышения качества своего перевода. Поэтому в течение 2020–2021 и 2021–2022 уч. г. в рамках учебно-научной работы студентами 3–4 курсов бакалавриата по направлению 45.03.01 Филология. Прикладная филология (якутский, русский языки) СВФУ им. М.К. Аммосова было собрано около тысячи единиц наименований понятий материальной и духовной культуры якутов, фигурирующих в научных и научно-популярных текстах на русском языке. Весь собранный студентами материал сейчас объединяется в один большой ресурс, во-первых, для того чтобы начинающий переводчик мог выбирать вариант передачи реалии, подходящий для его переводческих целей, а во-вторых, чтобы другим молодым исследователям национальной культуры можно было сравнить эти описания, объединить, дополнить или уточнить для использования в своих работах.

Материал для исследований такого рода – обширнейший, так как якутская культура издавна привлекала к себе исследователей разного уровня, а в настоящее время глубоко изучается учеными, которые вводят в научный оборот якутские народные термины и понятия в текстах на русском языке. Однако для учебно-научных работ студентов было избрано определенное количество источников согласно целям начального обучения методикам исследования языковых материалов, а выбор исследуемых источников ограничивался в том числе и доступностью книг в электронных библиотеках, ведь работа проводилась в пандемийные годы самоизоляции. Таким образом, тема вторичного формирования терминосистемы якутской национальной культуры на русском языке требует дальнейшего изучения с привлечением большего количества источников и данных.

Тематически наш материал охватывает следующие сферы функционирования терминов-реалий: 1) женская одежда – 32 единицы; 2) охота и рыбалка – 41 единица; 3) посуда и утварь – 229 единиц; 4) постройки (архитектура) – 49 единиц; 5) шаманский костюм и шаманство – 76 единиц; 6) народная медицина – 49 единиц; 7) народные верования и имена божеств и духов – 101 единица; 8) термины родства – 41 единица; 9) наименования орнаментов – 20 единиц; 10) народные танцы – 48 единиц; 11) женские украшения – 43 единицы; 12) блюда национальной кухни – 36 единиц; 13) музыкальное искусство – 145 единиц. Всего – 910 единиц, но отдельные термины-реалии повторяются в связи с тем, что некоторые юные исследователи из параллельных групп выбирали одну и ту же тематическую область, но источники и, соответственно, варианты переводов терминов у них были разные.

Учебно-исследовательская работа студентов проводилась в двух группах, у которых была об-

щая задача составить списки реалий-терминов определенной тематической области, но задачи учебного исследования немного отличались. Так, первой группе было предложено найти и зафиксировать разнообразие переводов одних и тех же реалий-терминов в научной литературе разных лет. Например, в этнографических работах В. Серошевского, А.Е. Кулаковского, Г.В. Ксенофонтова, а далее – в работах ученых советской эпохи и нашего времени. Вторая группа студентов должна была оценить точность передачи значений якутских реалий-терминов в СМИ и интернет-публикациях для широкого круга читателей по сравнению с научными трудами с узким кругом теоретически подготовленных реципиентов. Эти задачи, как уже говорилось, имеют для нас прикладное значение и лингводидактическую ценность.

Таким образом, в работе использовались методы сплошной выборки исследуемого материала из значительного количества источников разной тематики и временной принадлежности, статистические методы подсчета и сравнения лексических единиц, сгруппированных по тематике и по примененным переводческим приемам, методы наблюдения и сравнения при работе с выборками из источников разных этапов научного описания якутской этнографии, методы анализа и синтеза при описании процессов формирования вторичной терминосистемы якутской национальной культуры на русском языке.

III. Результаты и обсуждение.

Национальные реалии в роли терминов. Несомненно, в якутском языке издревле установилась терминология различных сфер национальной культуры. В наше время весьма активна среда профессионалов-народных мастеров, существует профессиональная и научная коммуникация на родном языке в среде мастеров-ремесленников, охотников, целителей, др. носителей национальной культуры и в среде исследователей национальной культуры. Когда национальные реалии используются в научных текстах, описывающих культуру того или иного народа, они выступают в роли терминов. О том, как слова из общей лексики переходят в разряд терминов, Е.И. Оконешников писал следующее: «…со временем, в особенности с появлением научных знаний, подобные протермины становятся общеупотребительными, а некоторые из них переходят в разряд «народных терминов». Все это говорит о неустойчивости границы между терминологией и общеупотребительной лексикой. Происходит постоянный процесс превращения протерминов в общеупотребительные слова, и наоборот» [Оконешников, 2015: 118–119]. Протерминами он называет «донаучные слова-термины», к которым относит слова «для обозначения специальных предметов и объектов ремесел, охоты, рыболовства, религии» [Оконешников, 2015: 118]. Далее ученый отмечает следующие этапы становления терминов: «…слова-термины в своем становлении проходят этапы функционирования, фиксации, упорядочения, унификации и стандартизации. Свое терминологическое значение слово приобретает тогда, когда оно начинает специализироваться и употребляться в реальном общении представителей какой-либо определенной отрасли знания. Существенную роль при этом играют стадии новизны, стабилизации и закрепления» [Оконешников, 2015: 147]. Указанные этапы становления якутские термины-реалии проходят во второй раз при описании якутской культуры на русском языке, т. е. при введении этих слов во всеобщий научный оборот.

Е.И. Оконешников давно отмечает важность терминографической фиксации терминов-реалий национальной культуры и в нескольких своих статьях размышляет о трудностях их перевода в якутской лексикографической практике [Оконешников, 2015: 15–25, 25–31, 45–48]. Он выделяет несколько «лексикографических приемов преодоления трудностей перевода, связанных с несоизмеримостью объема значений слов в двух языках» [Оконешников, 2015: 16], которые соответствуют классификации лексических трансформаций в переводе – толкование реалии, транскрипция, транслитерация, подбор частичных эквивалентов. Ю.М. Борисова в своей монографии на материале социально-экономической терминологической лексики выделяет приемы «перевода безэквивалентных однословных терминов» и описывает их как: а) описательный перевод; б) калькирование; в) терминологические словосочетания; г) фонетическая адаптация; д) прямое заимствование [Борисова, 2022: 64–90]. Таким образом, и переводоведение, и терминоведение при рассмотрении одного и того же явления – переноса терминологиче-

ских понятий уникальных культур из одной языковой среды в другую – называют одни и те же лингвистические приемы слегка по-разному, в зависимости от того, какие именно аспекты таких лексических единиц для них актуальны. Поэтому дальнейшие научные изыскания в этом направлении могут иметь большое теоретическое и прикладное значение.

В исследуемом материале – научных текстах по якутской этнографии – при наименовании на русском языке элементов якутской культуры мы отмечаем следующие переводческие приемы: а) транскрибирование и транслитерирование национальных реалий; б) подбор функционального аналога (уподобительный перевод); в) разные виды описательного перевода; г) значительно реже – подбор терминов-эквивалентов. Рассмотрим эти приемы на примерах.

1. Транскрипция и транслитерация

В якутско-русском переводе до сих пор не сложились строгие правила транскрибирования. Безусловно, фонетики русского и якутского языков сильно различаются, а алфавит и графика в обоих языках – общие (кириллические). Это усложняет транскрибирование, так как одна и та же буква в обоих языках может обозначать различные звуки, а сочетание определенных букв, например, дифтонгов якутского языка или удвоенных согласных, читается по-русски совсем по-другому. Поэтому у большинства терминов-реалий имеется минимум два варианта написания в русских текстах – транслитерированное и транскрибированное. Когда у контактирующих при переводе языков имеется одинаковая система письма, уловить грань между транскрипцией и транслитерацией весьма сложно [Васильева, Сидорова, 2021]. Одинаково на якутском и русском языках пишутся термины-реалии, в которых нет специфических звуков якутского языка, например: *хомус, кут, чабычах, тымтай* и т. п.

При анализе материала мы заметили, что транскрипция как способ передачи термина-реалии чаще встречается в труде Вацлава Серошевского – он как носитель русского языка использует те буквы русского алфавита, которые наиболее близки по звучанию якутскому слову и отражают его близкое воспроизведение в русской артикуляции: *кэтенчи* (як. кээтинчэ), *биле* (як. билэ), *мойтрук* (як. моойторук), *сотуро* (як. сутуруо), *сыалли* (як. сыалдьа), *ютюлюк* (як. үтүлүк) и др. [Серошевский, 1993: 326–331]. К тому же в те времена, когда он писал свою работу, не было установленных правил написания якутских слов, якутская письменность была распространена преимущественно среди церковнослужителей.

Кроме этого, транскрибирование мы видим и в работах советского периода: Ф.М. Зыков, например, транскрибирует следующие слова: *кегю* (як. *күөгү*), *итюмях* (як. *үтүмэх*), *мунгка етюте* (як. *мунха өтүүтэ*), *ныры* (як.: *нырыы*) и др. [Зыков, 1989]; в работах И.А. Потапова: *удяа* (як. *удьаа*), *бюлюр* (як. *бүлүүр*), *кенкелёйн* (як. *көҥкөлөй*) и др. [Потапов, 1972]. Также варианты транскрибирования встречаются в современных газетных статьях и публикациях в интернете: *уут кюэсэ* (як. *үүт күөһэ*) [Петрова, 2015], *туес* (як. *тууйас*) [Традиционная…, 2001], *мюся* (як. *мүһэ*), *сюмех* (як. *сүүмэх*) и др. [Самсонов, 1996].

Тем не менее в нашем материале транслитерация, то есть написание реалий в традициях якутской графики, является преобладающим способом в работах якутских ученых, у того же Ф.М. Зыкова обнаруживаем: *батыйа, туу, куйуур, анньыы* и т. п., у И.А. Потапова: *ымыйа, айах* и др. Очень много транслитерации встречается в работах С.И. Петровой: *бастыҥа, дьабака, муостаах бэргэһэ, нуоҕайдаах муостаах бэргэһэ, ураа* или *куйуһун бэргэһэ* и др. [Петрова, 2013]. В приведенных примерах мы видим, что авторы просто вводят в русский текст якутское написание реалии-термина, используя буквы, которых нет в русском алфавите, но которые введены в якутскую кириллицу для обозначения специфических звуков якутского языка – *ө, ү, ҥ, һ, ҕ*; две одинаковые буквы для обозначения долготы гласных *аа, ыы, уу, оо, ии* и др. или удвоенных согласных; дифтонги *иэ уо, ыа, үө*, которых нет в русском языке; йотированные звуки обозначают в традициях якутской графики – с использованием буквы *й – йа, йу (йуу)*. Предпочтение транслитерации может говорить не только об отсутствии переводческих компетенций у этнографов, но и о желании быть точным при передаче терминов для сопоставления с ранее изданными текстами на якутском языке. Возможно, авторы считают, что их работы вызовут настоящий интерес только у носителей якутской культуры и языка.

2. Приблизительный перевод (подбор функционального аналога и описательный перевод)

Если материальная культура обоих народов отличается несущественно или если народы проживают в похожем климатическом поясе и у них выработались схожие традиции ведения хозяйства, а также если язык перевода настолько функционален, что с веками выработал способы описания самых различных культур, то в нем всегда можно подобрать функциональный аналог той или иной реалии иной культуры. Однако способ подбора функционального аналога при переводе нивелирует национальные особенности, национальный колорит. Например, орудия труда и охоты в основном имеют аналоги в разных культурах – луки, стрелы, копья, топоры, ножи, сети, лодки, лыжи и т. п. Но каждый народ проявляет свою самобытность в изготовлении этих орудий, приспосабливает их к климату и природе, к своим выработанным веками традициям. Поэтому авторы этнографических исследований, даже если прибегают к приемам приблизительного перевода, то часто параллельно применяют и другие способы передачи безэквивалентной лексики, чаще всего транскрипции или транслитерации. Например, *ведро* для кумыса саары ыагас [Хабарова, 1981: 61]; кумысные *кубки* чорон [Софронеев, 1972: 45]; кожаные *штаны* сыали, меховые *сапоги* торбаса [Серошевский, 1993: 324–325].

При использовании в текстах на ином языке реалии-термины почти всегда поясняются. Эти пояснения могут быть определены как прием приблизительного перевода (описание, объяснение, толкование), а также как дефиниция термина. Если сравнивать описания предметов женского костюма, выполненные В. Серошевским (XIX в.) и С. Петровой (XXI в.), то можно заметить отличия в уровне детализации: В. Серошевский как сторонний наблюдатель выхватывает основные черты реалии – материал и функцию, а в описаниях С. Петровой как носителя народного ремесла и специалиста-искусствоведа детализация более глубокая, вплоть до толкования мифологической символики предметов женской одежды и их элементов. Например, у В. Серошевского описание шапки содержит уподобление по внешнему виду знакомому головному убору и сведения о материале: «Там мужчины и женщины предпочитают *меховой шлем из лисьих или песцовых лапок, подбитый беличьим мехом*» [Серошевский, 1993: 317]. У С. Петровой описание реалии-термина более развернутое, например, «бастына (начельник) – *головной убор девушки, богато украшенный бусами, височными и нагрудными украшениями из меди, с солярным кругом на лбу «туohахта»*» [Петрова, 2001: 9]. В этих пояснениях авторы обращают внимание на основные особенности описываемой одежды. Если В. Серошевский ограничивается общими особенностями головного убора, то С. Петрова в одном пояснении объединяет и транслитерацию (*бастына*), и подбор аналога (*начельник*), и генерализацию (*головной убор*), и описание реалии по функции (головной убор *девушки*), и описание реалии по внешнему виду (*богато украшенный бусами, височными и нагрудными украшениями из меди, с солярным кругом на лбу «туohахта»*), и толкование (в данном примере неполное) мифологического аспекта реалии (*с солярным кругом на лбу «туohахта»*). Таким образом, можно сказать, что большая вариативность перевода терминов-реалий зависит не только от целей научного или иного описания культуры, но и от компетенций автора научного текста.

3. Эквиваленты народных терминов

Строго говоря, реалия не может иметь точного эквивалента в другом языке, именно поэтому переводоведы относят реалию к разряду безэквивалентной лексики. С другой стороны, эти самые реалии в научных текстах выступают как термины национальной культуры и должны соответствовать признакам терминов, т.е. быть однозначными, не иметь коннотативных значений, синонимов, иметь в языке перевода абсолютные синонимы. Конечно, они не могут, да и не обязаны быть включены в русский лексикон стопроцентно, но в узкой среде специалистов-ученых могли бы иметь полноценное терминологическое применение. Другими словами, якутские термины-реалии постепенно должны пройти стадии новизны, стабилизации и закрепления во вторичной языковой среде.

Материал нашей выборки, фрагментарно охватывающий научные труды XIX, XX и XXI веков, позволяет проследить, как исследователи начинали вводить в научный оборот новые слова, обозначающие оригинальные предметы и понятия якутской культуры. Кроме того, сама

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 115-125

история развития ремесел с ее взаимопроникновением культур, приспособлением новаций к традиционной культуре также отражается в этой лексике. Материал, способы изготовления, специфические детали, особенности применения и т.п. этих орудий труда все же имеют национальное, региональное, временное своеобразие. Поэтому исследователи часто добавляют к ним определения «якутский», «старинный» и т.п.: *якутский лук, якутские серьги, старинная шапка, якутский охотничий шалаш* и т. д.

В русских текстах о якутской одежде и украшениях есть немало русских слов, которые можно было бы назвать эквивалентами каких-либо слов, обозначающих предметы одежды: *нагрудник, набедренник, натазник, шейная гривна, нагрудное / наспинное украшение* и т.п. Но они исключают национальный колорит и называют реалию-термин только по тому, на какую часть тела они надеваются. Поэтому к ним требуется дополнительное пояснение. Авторы научных текстов используют этот прием перевода в сочетании с другими приемами передачи безэквивалентной лексики.

Якутские термины-реалии во вторичной языковой среде. Итак, имеющими эквиваленты в русском языке мы можем назвать очень малое количество терминов-реалий якутской культуры. Например, это термины тематической группы «музыкальное искусство» *ырыа, ырыаһыт* и *биһик ырыата*, которые в русском языке могут использоваться соответственно как *песня, певец* и *колыбельная* [Васильева, Ховрова, 2022: 52]. Эквиваленты терминов обнаруживаются в тематических группах «народная медицина» (*ымынах – сыпь, илбийии – массаж, эмп – лекарство* и др.), «термины родства» (*ийэ – мать, аҕа – отец, оҕо – ребенок, эһэ – дед, эбэ – бабушка, күтүөт – зять* и др.). Казалось бы, такие слова необходимо исключить из числа национальных реалий, однако в описаниях национальной культуры эти явления и понятия тесно связаны с духовной культурой и верованиями, поэтому многие подобные слова обладают признаками безэквивалентной лексики, в том числе разницей коннотаций в контактирующих лингвокультурах.

Вторую группу якутских терминов-реалий, которые мы условно называем эквивалентами в силу того, что они уже прочно вошли в русский лексикон и обозначают уникальные предметы или явления, составляют такие термины, как *олонхо* (як. олоҥхо), *ысыах* (як. ыһыах), *хомус* (як. хомус), *чорон* (як. чороон), *сэргэ* (як. сэргэ) и т. п. Эти слова теперь воспринимаются скорее как культурологические и искусствоведческие термины, а не как национальные реалии. Как видим, эквивалентами в данном случае мы называем нерусские слова, так как они не равны, т.е. неэквивалентны *былинам, масленице, вargану, кубку, столбу* и т. п., в силу своей яркой национальной самобытности, проявляющейся не только во внешнем материальном облике, но и в культурном, ассоциативном, духовном смыслах. Можно сказать, что эти иноязычные слова, пройдя путь становления термина от стадии новизны до стадии закрепления в иной языковой среде, вошли в лексический состав принимающего языка. Поэтому мы называем их эквивалентами, несмотря на то что заимствованы они способом транскрипции и транслитерации. Эквивалентами мы их называем потому, что они в переводных специальных текстах часто используются без дополнительных пояснений или привлечения функциональных аналогов.

Стадия стабилизации терминов характеризуется тем, что вводимый термин, имея на предыдущих этапах своего формирования несколько вариантов внешнего оформления и дефиниций (описательного перевода), начинает употребляться на этой стадии в единственном, бесспорном варианте. Например, если на начальном этапе исследований якутского фольклора термин *олонхо* в научных текстах на русском языке определялся то как *сказка*, то как *поэма* и т. п., писался с буквосочетанием *нг* вместо специфической *ҥ* – *олонгхо* – вплоть до середины XX в., то в наше время общее название, жанр героического эпоса якутов в русских текстах всегда пишется как *олонхо*, и любой грамотный человек в нашей стране знает, что это – якутский героический эпос. Так со временем прошла стадия стабилизации термина и осуществляется стадия закрепления в русском языке.

Примечательно, что исследователи осмысливают якутскую культуру в контексте мировой культурологии и искусствоведения, в их научных описаниях встречаются примеры наименования якутских реалий терминами латинского,

2023; 2(43): 115-125 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

греческого происхождения. Например, уникальная техника пения, которая в якутской среде называется *кылыһах*, в работах музыковедов называется *одно- или двукратной глоттализацией* [Кондратьева, Лесовиченко, Мазепус, 2010: 604] или *фальцетным призвуком* [Спиридонова, 2011], а ударный инструмент из кожи быка *табык* обозначается как *ударный мембранофон* [Дьяконова, 2014] и т.п. Также можно отметить, что в русскоязычную терминосистему через имеющиеся эквиваленты вводятся названия якутских орнаментов, например: *арочные мотивы* (як. *тыҥырах ойуу*), *шатровый узор* (як. *ураһа ойуу*), *елочный орнамент* (як. *таҥалай ойуу*) и др. [Йохансен, 2008]. Такое решение проблемы перевода или ввода терминов-реалий в более широкий научный оборот, скорее всего, также можно считать отдельным приемом подбора эквивалента термина.

В проанализированном материале обнаруживается большая вариативность терминов-реалий, начиная написанием (прямое заимствование и фонетическая адаптация) и заканчивая определением (толкованием). Например, в тематической группе «Музыкальное искусство» было обнаружено и описано до пяти вариантов передачи якутских терминов-реалий в научных текстах на русском языке, а термин *алгыс* имеет шесть вариантов передачи на русском языке в научных текстах [Васильева, Ховрова, 2022: 52]. Такая широкая вариативность характеризует текущую стадию формирования якутской музыковедческой терминологии, а также многих других сфер якутской национальной культуры.

Описательный перевод терминов-реалий якутской национальной культуры можно соотнести с составлением дефиниций. Е.И. Оконешников считает, что «...на ранних этапах работы по упорядочению терминологии допустимы неполные и избыточные дефиниции» [Оконешников, 2015: 140] и подчеркивает, что дефиниция термина «должна быть точной, краткой, но достаточной и не содержать избыточной информации» [Там же]. В нашем материале вариантов описательного перевода одного и того же термина-реалии бывает несколько, так как вводимые в научный оборот термины нуждаются в определениях разной степени точности. Отбор наиболее точного описания, способного стать общепринятой дефиницией термина-реалии, – это дальнейшая задача терминографической работы.

IV. Заключение. Рассмотрев функционирование терминов-реалий якутской национальной культуры в научных текстах на русском языке, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, якутские народные термины, благодаря наличию профессиональной среды и исследовательского интереса со стороны сахаязычных ученых, формируют уникальную терминосистему в первом языке – якутском. При вводе во всеобщий научный оборот на русском языке эти термины заново проходят стадии становления терминов уже в новой языковой среде. Они, как предметы и понятия, описывающие уникальную культуру, в первую очередь воспринимаются как реалии – безэквивалентная лексика. Однако, употребляясь в научной коммуникации как номинации предметов научного исследования, они начинают выполнять роль терминов. Способы их внедрения во вторичную языковую среду вписываются в классификацию приемов передачи безэквивалентной лексики с точки зрения переводоведения, а с точки зрения терминоведения эти самые приемы могут быть научно описаны в рамках терминографических способов перевода терминологической лексики, не имеющей межъязыковых соответствий.

Во-вторых, характерной особенностью представления якутских терминов-реалий на русском языке мы считаем то, что сторонний наблюдатель, т. е. носитель иной культуры и языка, чаще всего использует транскрипцию при написании реалии-термина, а носитель национальной культуры и языка чаще использует транслитерацию при обозначении реалий-терминов, игнорируя графику и орфографию принимающего языка. Мы считаем, что такие недочеты происходят не из-за слабой корректуры текста, а от того, что исследователь-носитель культуры при написании своих научных работ на русском языке основывается на привычном, традиционном написании якутских слов, чему способствует и общая графическая система контактирующих языков. С другой стороны, предпочтение транслитерации может быть обусловлено тем, что основным читателем своих работ двуязычный автор считает коллег – народных мастеров и исследователей якутской культуры, и мало ориентируется на русскоязычных уче-

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 115-125

ных или лиц, впервые открывающих для себя мир якутской культуры. Трудности транслитерации и транскрипции якутских реалий свидетельствуют об общей неразработанности вопросов сопоставительной фонетики русского и якутского языков, об отсутствии оптимальных правил практической транскрипции между разносистемными языками с общей кириллической графикой.

В-третьих, авторами научных текстов или их переводов вырабатываются разные варианты дефиниций терминов-реалий на русском языке. Эта вариантность на данном этапе развития терминосистемы якутской культуры как на русском языке, так и на якутском, вполне допустима. Кроме того, такое положение терминологии для начинающих переводчиков и составителей новых научно-популярных, рекламных и т. п. текстов (путеводителей, справочников, блогов и т.п.) является богатым источником информации и разнообразным материалом для терминографической работы.

Для будущих поколений очень важно то, каким образом и насколько корректно описывается якутская культура на русском языке, в частности, точность перевода терминов-реалий, объективность их дефиниций и т. д. Ведь научное описание родной культуры на русском языке – языке с более широкими коммуникативными возможностями – это один из способов сохранения ускользающей старинной культуры предков путем повышения доступности информации об уникальной якутской культуре более широкой аудитории.

Дополнительные источники:

Самсонов Н.Г. Словарь заимствованных слов. Якутск: Бичик, 1996. 141 с.

Традиционная деревянная и берестяная утварь якутов: из коллекции музея [Фотоальбом]. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. 37 с.

Список литературы:

Борисова Ю.М. Переводная социально-экономическая терминологическая лексика якутского языка: терминографический аспект. Новосибирск: СО РАН, 2022. 106 с.

Васильева А.А. Описание иноязычной (якутской) культуры на русском языке (к постановке проблемы) // Наследие предков и современный тюркский мир: языковые и культурные аспекты: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Н.К. Антонова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. С. 571–575. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44392628 (дата обращения: 12.03.2023)

Васильева А.А., Сидорова А.П. Сахалыы ураты дорҕоону нууччалыы тылбаас тиэкискэ тириэрдии кыһалҕата // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации: материалы Международной научно-практической конференции. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2021. С. 391–396. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46319202&pff=1 (дата обращения: 12.03.2023)

Васильева А.А., Ховрова С.А. Народные термины музыкального искусства якутов в научных текстах на русском языке // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2022. № 1. С. 44–55. DOI 10.25587/SVFU.2022.57.11.005

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.

Дьяконова В.Е. Табык – ударный мембранофон якутов // Традиционная культура. Научный альманах. 2014. Том 15. № 4 (56). С. 71–78.

Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, 1989. 140 с.

Йохансен Улла. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. Якутск: Дани Алмас, 2008. 159 с.

Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 250 с.

Кондратьева Н.М., Лесовиченко А.М., Мазепус В.В. Якутская музыкальная культура // Историческая энциклопедия Сибири: В 3-х т. Т. 3. [Гл. ред. В.А. Ламин]. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2010. С. 604–605.

Оконешников Е.И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии. Сб. науч. ст. Якутск: ИГИиПМНС, 2015. 210 с.

Петрова А.Г. Традиционная посудная пластика саха: культурно-исторические связи и общая характеристика // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2015. № 8 (98). С. 107–111.

Петрова С.И. Современная якутская одежда. Якутск: ЯГУ им. М.К. Аммосова, 2001. 22 с.

Петрова С.И. Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 207 с.

Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск: Якутское книжное издательство, 1972. 141 с.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 713 с.

Софронеев П.С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск: Якутское книжное издательство, 1972. 189 с.

Спиридонова Л.С. Камерно-вокальное творчество якутских композиторов. Магнитогорск, 2011. 32 с.

Хабарова М.В. Народное искусство Якутии. Л.: Художник РСФСР, 1981. 142 с.

References:

Borisova Yu.M. *Perevodnaya sotsial'no-ekonomicheskaya terminologicheskaya leksika yakutskogo yazyka: terminograficheskiy aspek* [Translation socio-economic terminological vocabulary of the Yakut Language: terminographic aspect]. Novosibirsk: SO RAN, 2022. 106 p. (In Russian)

Vasil'eva A.A. Opisanie inoyazychnoy (yakutskoy) kul'tury na russkom yazyke (k postanovke problemy) [Description of foreign (Yakut) culture in Russian (to the formulation of the problem)]. *Nasledie predkov i sovremennyy tyurkskiy mir: yazykovye i kul'turnye aspekty: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu N.K. Antonova* [The heritage of ancestors and the modern Turkic world: linguistic and cultural aspects: materials of the II International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of N.K. Antonova]. Yakutsk: Izdatel'skiy dom SVFU, 2020. Pp. 571-575. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44392628 (date of the application: 12.03.2023) (In Russian)

Vasil'eva A.A., Sidorova A.P. Sakhalyy uraty dorҕoonu nuuchchalyy tylbaas tiekiske tirierdii kyhalҕata [Problems of translating Yakut sounds into Russian]. *Yazyki i kul'tura khomusa narodov Evrazii: rechevye i muzykal'nye kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Languages and culture of the khomus of the peoples of Eurasia: speech and musical communications: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Yakutsk: Publ. of SVFU, 2021. Pp. 391-396. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46319202&pff=1 (date of the application: 12.03.2023) (In Yakut)

Vasil'eva A.A., Khovrova S.A. Narodnye terminy muzykal'nogo iskusstva yakutov v nauchnykh tekstakh na russkom yazyke [Folk terms of the musical art of the Yakuts in scientific texts in Russian]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova]. 2022. №1. Pp. 44-55. DOI 10.25587/SVFU.2022.57.11.005 (In Russian)

Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Publ. of International relationships, 1980. 342 p. (In Russian)

D'yakonova V.E. Tabyk – udarnyy membranofon yakutov [Tabyk – percussion membranophone of the Yakuts]. *Traditsionnaya kul'tura. Nauchnyy al'manakh* [Traditional culture. Scientific Almanac]. 2014. Vol. 15. № 4 (56). Pp. 71-78. (In Russian)

Zykov F.M. *Traditsionnye orudiya truda yakutov (XIX – nachalo XX veka)* [Traditional tools of labor of the Yakuts (19th – beginning of the 20th century)]. Novosibirsk: Science Publ., 1989. 140 p. (In Russian)

Yokhansen Ulla. *Ornamental'noe iskusstvo yakutov: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ornamental art of the Yakuts: a historical and ethnographic study]. Yakutsk: Dani Almas Publ., 2008. 159 p. (In Russian)

Kabakchi V.V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Introduction to interlinguoculturology: textbook allowance for universities]. 2nd edition, corrected and enlarged. Moscow: Yurayt Publ., 2019. 250 s. (In Russian)

Kondrat'eva N.M., Lesovichenko A.M., Mazepus V.V. Yakutskaya muzykal'naya kul'tura [Yakut musical culture]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. In 3 volumes. Volume 3. Chief editor V.A. Lamin. Novosibirsk: Publ. "Historical Heritage of Siberia", 2010. Vol. 3. Pp. 604-605. (In Russian)

Okoneshnikov E.I. *Yazyk sakha: problemy leksikografii i terminografii* [Sakha language: problems of lexicography and terminography]. Collection of scientific articles. Yakutsk: Publ. of IGIiPMNS, 2015. 210 p. (In Russian)

Petrova A.G. Traditsionnaya posudnaya plastika sakha: kul'turno-istoricheskie svyazi i obshchaya kharakteristika [Sakha traditional utensil plastic: cultural and historical connections and general characteristics]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. Tambov: Diploma Publ.. 2015. № 8 (98). Pp. 107-111. (In Russian)

Petrova S.I. *Sovremennaya yakutskaya odezhda* [Modern Yakut clothes]. Yakutsk: YaGU im. M. K. Ammosova, 2001. 22 p. (In Russian)

Petrova S.I. *Narodnyy kostyum yakutov: istoriko-etnograficheskoe i iskusstvovedcheskoe issledovanie* [Folk costume of the Yakuts: historical, ethnographic and art history research]. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 207 p. (In Russian)

Potapov I.A. *Yakutskaya narodnaya rez'ba po derevu* [Yakut folk woodcarving]. Yakutsk: Yakutsk book publ., 1972. 141 s. (In Russian)

Seroshevskiy V.L. *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: experience of ethnographic research]. 2nd edition. M.: ROSSPEN Publ., 1993. 713 p. (In Russian)

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 115-125

Sofroneev P.S. *Yakuty v pervoy polovine XVIII veka* [Yakuts in the first half of the 18th century]. Yakutsk: Yakutsk book publ., 1972. 189 p. (In Russian)

Spiridonova L.S. *Kamerno-vokal'noe tvorchestvo yakutskikh kompozitorov* [Chamber-vocal creativity of Yakut composers]. Magnitogorsk, 2011. 32 p. (In Russian)

Khabarova M.V. *Narodnoe iskusstvo Yakutii* [Folk art of Yakutia]. Leningrad: Artist of the RSFSR Publ., 1981. 142 p. (In Russian).

Сведения об авторе статьи:

Васильева Акулина Александровна – к.ф.н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»; г. Якутск, Российская Федерация;

https://orcid.org/0000-0003-2692-7026;
vaaperevod@mail.ru

Information about the author:

Vasilyeva Akulina Aleksandrovna – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of the Stylistics of the Yakut Language and the Russian-Yakut Translation of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education M.K. Ammosov North-Eastern Federal University; Yakutsk, Russian Federation;

https://orcid.org/0000-0003-2692-7026;
vaaperevod@mail.ru

2023; 2(43): 126-132 *Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА / LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.010
УДК: 821.512.157.09

Рецепция поэзии Анны Ахматовой в творчестве якутских поэтов: к постановке проблемы

Л.И. Румянцева

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, rumlena162@mail.ru

Аннотация. В статье в качестве первой постановки проблемы рассматриваются вопросы рецептивного восприятия творчества и личности Анны Ахматовой якутскими поэтами – В. Потаповой и Н. Харлампьевой, что определяет ее актуальность. Предметом специального анализа стала лирика В. Потаповой и книга очерков Н. Харлампьевой «Признание в любви: Якутия в русской поэзии второй половины XX века». Цель работы – определение специфики восприятия творчества и личности А. Ахматовой в двух разных поэтических формах осмысления якутской литературы: в лирике В. Потаповой и в экспериментальном опыте прозостихотворной книги размышлений Н. Харлампьевой. В статье использован структурно-типологический метод в исследовании поэтики и выявлении цитатного плана текста, привлечены отдельные аспекты подходов рецептивной эстетики. В результате исследования установлено, что ахматовская рецепция в творчестве якутских поэтов символизирует собой два разных варианта рецептивного восприятия одного исходного источника, свидетельствующего о его изначальной многогранности и возможностях поэтических реинтерпретаций. В лирике В. Потаповой ахматовская рецепция присутствует в непроявленном виде, выражаясь в универсалиях мотива «одиночества», «творчества» как преодоления несчастливой судьбы. Зрелое творчество Н. Харлампьевой знаменует принципиально новый подход к освоению ахматовской темы в якутской литературе, важнейшими особенностями которого становятся интертекстуальность, эссеизм, свойственные ее прозе, актуализация в тексте книги экспериментальных структур (прозиметрум). В результате анализа этого произведения обосновывается возможность его рассмотрения в русле «филологической прозы» – малоисследованного субжанра современной литературы, особенно актуального в аспекте взаимосвязей русской и якутской литератур на современном этапе.

Ключевые слова: русско-якутские литературные связи, рецепция, инонациональная рецепция, лирика, филологическая проза, интертекстуальность, эссеизм, прозиметрум

Для цитирования: Румянцева Л.И. Рецепция поэзии Анны Ахматовой в творчестве якутских поэтов: к постановке проблемы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 126–132. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.010

Reception of Anna Akhmatova's Poetry in the Works of Yakut Poets: (to the Formulation of the Problem)

L.I. Rumyantseva

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk, Russian Federation, rumlena162@mail.ru

Abstract. In the article, for the first time, the issues of receptive perception of the work and personality of Anna Akhmatova by Yakut poets – V. Potapova and N. Kharlampyeva are considered, which determines the relevance of

© Румянцева Л.И., 2023

addressing this topic. The subject of a special analysis was the book of essays by Natalia Kharlampyeva "Declaration of Love: Yakutia in Russian Poetry of the Second Half of the 20th Century". The aim of the article is to determine the specifics of the perception of creativity and personality of A. Akhmatova in two different poetic forms of understanding Yakut literature: in the lyrics of V. Potapova and in the experimental experience of the prose book of reflections of the poet N. Kharlampyeva. The article uses the structural-typological method in the study of poetics and the identification of the quotation plan of the text, some aspects of the approaches of receptive aesthetics are involved. As a result of the study, it was found that Akhmatov's reception in the works of Yakut poets symbolizes two different variants of the receptive perception of one source, indicating its original versatility and the possibilities of poetic reinterpretations. In the lyrics of V. Potapova Akhmatova's reception is present in an unmanifested form, such universals as loneliness, the tragedy of being, creativity as overcoming an unhappy fate are conceptually assimilated. The mature work of N. Kharlampeva marks a fundamentally new approach to the development of the Akhmatova theme in Yakut literature, the most important features of which are intertextuality, essayism, characteristic of her prose, and the use of experimental prosimetric structures in the text of the book. In the process of analyzing the genre specifics of this work, the possibility of considering it in line with "philological prose", a little-studied subgenre of modern literature, is substantiated, which is especially relevant in the aspect of the relationship between Russian and Yakut literature at the present stage.

Keywords: Russian-Yakut literary connections, reception, foreign reception, lyrics, philological prose, intertextuality, essayism, prosimetrum

For citation: Rumyantseva L.I. Reception of Anna Akhmatova's poetry in the works of Yakut poets: (to the formulation of the problem). In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 126-132. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.010 (In Russian)

I. Введение. Начало наиболее продуктивного этапа развития отечественного и мирового ахматоведения приходится на 1960–1980-е и примыкающие к ним 1990 годы. Рецепция наследия Анны Ахматовой в якутской литературной традиции начинается примерно в это же время в поэзии Варвары Потаповой. Целостная картина восприятия и интерпретации поэзии А. Ахматовой якутской литературой включает в себя ряд явлений, представленных разнородными фактами: это и сознательное следование поэтической традиции (В. Потапова, Н. Харлампьева), и переводы произведений А. Ахматовой на якутский язык (Н. Дьяконов, С. Амгинская), и художественная рефлексия в прозе (Н. Харлампьева). Однако, несмотря на общую констатацию фактов поэтического преломления в якутской литературе творчества А. Ахматовой, до сих пор в должной мере не поставлена проблема осмысления видов и форм рецептивного освоения ахматовской поэзии в целом.

Актуальность работы обусловлена необходимостью постановки на данном этапе вопросов рецепции поэтического наследия А. Ахматовой в аспекте собственно диахронических процессов развития самой национальной поэзии. В связи с этим проблема инонациональной, в данном случае якутской, рецепции литературы применительно к поэзии А. Ахматовой предполагает новые подходы в ее изучении, исходя прежде всего из особенностей развития воспринимающей литературы.

В целом ряде статей В.Д. Яковлевой [Яковлева, 2012], П.В. Сивцевой-Максимовой, в том числе в соавторстве с Е.А. Архиповой [Сивцева-Максимова, Архипова, 2014] рассматривались переводы русской классики в русле русско-якутского культурного «диалога», затрагивались отдельные аспекты влияния русских поэтов на якутскую поэзию. В монографии Л.Н. Романовой «Поэзия Натальи Харлампьевой: динамика лирической книги стихов» намечено понимание ахматовской традиции в творчестве Н. Харлампьевой как некого организующего начала, обусловившего на первых порах «искренность, обнаженность чувств и исповедальность» поэтического высказывания, а позднее – «романность» лирики [Романова, 2014: 18]. В монографии подчеркивается значимость поэтического влияния А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной и других на становление поэзии Натальи Харлампьевой. Однако ахматовская тема в качестве специфического объекта художественной рефлексии и рецепции в творчестве этого поэта не была в поле специального внимания исследователей.

Таким образом, изучение особенностей введения и освоения чужого слова якутской литературой посредством творческой переработки, трансформации и переводов произведений русских поэтов является заметным направлением якутского литературоведения, исследователи отмечают плодотворность ахматовской поэтической традиции в творческой эволюции В. Потаповой, Н. Харлампьевой. Вместе с тем следует отметить, что специальных работ, посвященных выявлению особенностей именно ахматовской рецепции, пока нет.

Целью работы является определение специфики восприятия творчества и личности А. Ахматовой в лирике В. Потаповой и в книге размышлений поэта Н. Харлампьевой.

Теоретическая значимость работы связана с постановкой впервые на материале якутской литературы вопросов ахматовской рецепции, поэтического освоения наследия А. Ахматовой якутскими поэтами XX в. *Практическая значимость* статьи определяется уточнением концепции взаимодействия русской и якутской литератур в рамках освоения русской поэтической традиции в XXI в., возможностью использования приемов и методов анализа, разработанных на материале русской поэзии начала XX в., и их экстраполяции на материал инонациональных поэтических традиций.

II. Материалы и методы. В настоящее время термин «рецепция» включает в себя достаточно широкий спектр понятий, разработанный представителями Университета г. Констанц (Х.Р. Яусс, В. Изер и др.). Рецепция в данном случае понимается не столько как индивидуальное творческое влияние или как вполне определенные аспекты авторской рефлексии, сколько как многоаспектное явление, формирующее новое качество национальной литературы в контексте ее функционирования в широком пространстве мирового культурного процесса. В настоящей статье специфика ахматовского влияния на творчество якутских поэтов рассматривается на материале стихотворений В. Потаповой из книги «Үчүгэйиэн бу сиргэ» («Как хорошо на этой земле», 1989) и эссе Н. Харлампьевой, вошедшего в состав ее очерковой книги «Признание в любви: Якутия в русской поэзии второй половины XX века» (2012). Отправными моментами в анализе и интерпретации этих произведений стали представления о специфике художественного мира А. Ахматовой, сложившиеся в отечественном литературоведении (В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, В.В. Виноградов, Ю.К. Щеглов и др.), типология цитатного прозиметрума Ю.Б. Орлицкого [Орлицкий, 2004], что определило методологию и структурно-типологический метод в анализе якутских текстов.

III. Результаты и обсуждение. В русской поэтической традиции новое качество поэзии XX века связано прежде всего с выходом первых стихотворных книг Анны Ахматовой в 1912–1914 гг. Первичная эстетическая рецепция читателей Ахматовой 1910-х годов касалась такой узнаваемой черты ее поэтического голоса, как внимание к повседневности, предметной детали. Мемуаристы свидетельствуют о многочисленных подражаниях ранней Ахматовой, воспроизводивших «вещные» лейтмотивы ее лирики – «кольцо», «перчатка» и др. Реинтерпретация ахматовских произведений в лирике В. Потаповой избежала подобного поверхностного копирования отдельных приемов. Преимущество продуктивной рецепции якутской поэтессы заключалось в том, что она воспринимала поэзию Ахматовой во всей ее целостности, этому способствовала изменившаяся культурно-историческая обстановка в 1960–1970-е гг., когда создавались стихи Потаповой и уже тогда состоялось, по существу, признание онтологического статуса поэзии Анны Ахматовой отечественным и зарубежным читателем. Собственно восприятие и усвоение ахматовского творчества в пространстве инонациональной традиции свидетельствует о непрекращающейся литературной коммуникации, выявляющей и эстетический ранг реципиента. Содержательность и креативность диалога русской и якутской поэтической традиции, реализованные в творчестве Варвары Потаповой и Натальи Харлампьевой, обусловлены значительностью эстетических достижений Ахматовой, а также художественной зрелостью и готовностью якутских поэтов осуществить поэтическую коммуникацию, концептуально восприняв приемы и образы ахматовской поэзии.

Псевдоним Варвары Потаповой – Кутурҕан Куо (буквально Печальная Дева) позволяет соотнести образ якутской поэтессы с образом Музы А. Ахматовой, благодаря которому в читательском сознании был сформирован неповто-

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 126-132

римый и узнаваемый образ автора, часто маркируемый с помощью эпитетов «бледная», «унылая», «печальная», «нищая», «потерянная» и т. д. Наряду с указанными мотивами лирическую героиню Ахматовой характеризуют повторяющиеся мотивы повышенной креативности: склонность к пророчеству, трансу, болезненному бреду, мудрому проникновению в суть вещей [Щеглов, 1996]. Аналогичные характеристики и лейтмотивы присутствуют и в лирике В. Потаповой, не утрачивая утонченной связи с предшествующей поэтикой и в то же время сохраняя яркую национальную самобытность.

В становлении индивидуальной поэтической манеры В. Потаповой, наряду с восприятием «чужой» культурной традиции, сохраняется идущая от национального фольклора система представлений. В частности, представление о трагической судьбе Певца (Поэта) и связанный с этим мотив судьбы, «полной страданий и лишений». Данный аспект фольклорной традиции был описан в отношении основоположника якутской литературы А.Е. Кулаковского, жизненный путь поэта «соотносится с якутскими народными представлениями о пути (*муҥ-сор суола* 'дороге страданий') как судьбе Певца, ее предопределенности свыше божественным предначертанием» [Покатилова, 2010: 26].

Фольклоризм обусловил акцентированность мотивов судьбы, поэтического дара, данного свыше в структуре лирической героини В. Потаповой:

Туох билиэй, баҕар. Мин даҕаны Толук буолуом Дьол ситэригэр…	Кто знает, может быть. Я тоже Стану жертвой ради счастья…
Тоҕо эрэ мин төрөөбүтүм Тоҥ буорга турар балаҕанҥа, Тоҕо эрэ ымсыыран кэлбитим Тыйыс дьыбардаах халлаанҥа.	Почему-то я родилась в балагане, Стоящем на мёрзлой земле, Почему-то пришла я, завидуя Суровому морозному небу.
[Потапова, 1989:18]	(Пер. В.Д. Монастырева)

Поэтические новации Потаповой стали возможны на фоне возвращения А. Ахматовой в литературу 1960-х годов и были восприняты профессиональной и широкой публикой как успешный пример освоения ахматовской поэтики национальным поэтом. При этом ахматовская рецепция носит внетекстовый характер, отсутствуют указания на исходный текст, поскольку лирика В. Потаповой усваивает принципы художественного мышления, реализованные в поэтическом мире А. Ахматовой.

В ранних стихах Н. Харлампьевой основой проникновенного лиризма стали предельная искренность переживаний, открытость, исповедальность [Окорокова, Семенова, 2016], не в последнюю очередь связанные с влиянием поэзии Анны Ахматовой, однако ахматовское в ее стихах живет в преломлении лирики Варвары Потаповой.

Примечательно, что ахматовский контекст в зрелом творчестве Харлампьевой претворяется уже в принципиально ином, художественном формате – в жанре эссе. Противопоставление стиха и прозы изначально несет в себе антиномию искусственного и безыскусственного, простого и истинного. В индивидуальной эволюции поэта борьба этих начал приводит к появлению нового в поэтическом языке. Новым в творчестве Н. Харлампьевой является переход от «стихов» к «филологической прозе». Это явление стало объектом пристального внимания исследователей [Гинзбург, 1970; Новиков, 1999], которые характеризуют филологическую прозу как особый тип текста, вобравший в себя черты поэзии и прозы, а также балансирующий на границе литературы и литературоведения. Отсюда разнообразие жанровых форм ее выражения (роман, трактат, эссе, очерк), своеобразный автобиографизм, воплощение в герое определенных черт биографического автора. При этом авторское сознание оперирует отсылками к литературно-философским, культурологическим, литературоведческим источникам, создавая широкое интертекстуальное поле и расширяя границы самого текста.

Книга Н. Харлампьевой «Признание в любви» (2012) посвящена целостной рецепции русской поэзии второй половины XX века. Героями очерков стали А. Ахматова, Л. Гумилев, А. Твардовский, Н. Глазков, И. Бродский, С. Кузнецова, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Казакова, А. Преловский. За исключением Ахматовой, все эти поэты побывали в Якутии, на страницах их произведений, воспоминаний или переводов так или иначе воплотились их якутские впечатления, добавляя штрихи к так называемому якутскому тексту русской литературы.

В очерке «Тюркское притяжение» описаны поиски «своей» Ахматовой, приводящие автора то в музеи Фонтанного дома и Комарово-Келломяки, то в залы Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Харлампьева-эссеист, выступая одновременно как поэт, читатель, исследователь и критик, создает текст, в котором свободно соединены разнородные стилевые пласты (поэтические цитаты, выдержки из архивных документов, деловая переписка), оправдывая интертекстуальность как важнейшую черту эссеизма. Многочисленные цитирования стихов Ахматовой в прозаическом окружении создают особый ритмический тип речи, или прозиметрум, который обусловил специфику стихопрозаической композиции произведения.

Рассмотрим особенности прозиметрумов в эссе Н. Харлампьевой.

«... ташкентский цикл пронизан *чувством возвращения и узнавания, / открытием в себе, в своей душе / созвучия азийской реальности.*

Это рысьи глаза твои, Азия,

Что-то высмотрели во мне...

Как только она ступает на эту землю, в ней воскрешаются забытые воспоминания, которые саму ее удивляют и волнуют» [Харлампьева, 2012: 7].

Ритм выделенного курсивом фрагмента существенно отличается от естественного прозаического ритма и при анализе выявляет отчетливую ямбическую структуру (*Я*53542), в то время как стихотворная цитата в тексте представляет собой трехстопный анапест:

пронизан чувством возвращения	U-|U-|UU|U-|UU||
и узнав**а**ния,	UU|U-|UU||
откр**ы**тием в себ**е**, в сво**е**й душ**е**	U-|UU|U-|U-|U-||
созв**у**чия аз**и**йской	U-|UU|U-|U||
ре**а**льности	U-|UU||

Как видим, цитируемое слово подчеркнуто изолированно от авторского по принципу научного цитирования и может быть названо «обьективным». Характерно, что прозаический метр и стихотворный не совпадают, однако остается сопоставимым обьем метризованных и стихотворных фрагментов.

В следующем фрагменте находим другой вид прозиметрической структуры.

«В цикле стихотворений “Сказка о черном кольце” *блеснет и исчезнет кольцо (Амф3)*, подаренное бабушкой

Мне от бабушки-татарки

Были редкостью подарки... (Х4)

Но *“перстень черный под скатертью узорной”* она подарила любимому человеку, который к тому же уехал в никуда» [Харлампьева, 2012: 8].

Как и в предыдущем отрывке здесь нет совпадения метров прозы и стиха. Текстовая цитата выделена, но в следующем предложении наблюдаем пример субъективного цитирования, характерный именно для эссеистики и «писательской критики». В оригинале Ахматовой: *«Как под скатерью узорной / Протянула перстень черный».* В тексте Н. Харлампьевой происходит деформация цитаты: *«перстень черный под скатертью узорной».* Фрагмент стиха до конца не усваивается в прозаической авторской речи, сохраняются кавычки, однако ритм четырехстопного хорея утрачивает четкость метрической структуры.

Выше приведены примеры как «объективного» цитирования, так и деформации цитаты. Далее в тексте эссе находим особый вид цитирования, которое происходит при максимальном вовлечении цитируемого слова в авторский текст – стихотворное слово перетекает в прозу, границы его уже не маркируются, память о стихе сохраняется в силу его узнавания читателем по характерным приемам.

«Не знаю, кому как, а мне, якутскому поэту, живущему в XXI веке, приятно, что маленький отблеск внимания великой Анны Ахматовой осиял якутскую поэзию. Это можно сравнить с тем, как солнечный луч золотит все, к чему прикоснется» [Харлампьева, 2012: 12].

В этом прозиметруме наблюдаем предел деформации цитаты, а точнее – полное преобразование стиха, прозаический пересказ стихотворного текста. На наш взгляд, фрагмент *«солнечный луч золотит все, к чему прикоснется»* воспроизводит в свернутом виде сюжет стихотворения Ахматовой «Молюсь оконному лучу», о чем свидетельствуют характерные повторы, указанные ниже:

Молюсь оконному ***лучу /*** Он бледен, тонок, прям. / Сегодня я с утра молчу, / А сердце – пополам. / На рукомойнике моем / Позеленела медь. / Но так ***играет луч*** на нем, / Что весело

глядеть. / Такой невинный и простой / В вечерней тишине, / Но в этой храмине пустой / Он словно праздник ***золотой /*** И утешенье мне. / [Ахматова, 1986].

Таким образом, проза Н. Харлампьевой с композиционной точки зрения представляет собой особым образом структурированное явление, включающее в себя различные виды цитатных прозиметрумов, роль которых состоит в создании особого эссеистского стиля, позволяющего автору вступать с цитируемым текстом в специфическую перекличку-диалог. Скрытые и явные цитирования влияют на формирование метрического поля, благодаря чему возникает новое качество единства стиха и прозы [Орлицкий, 2004: 106].

IV. Заключение. Литературная рецепция, подразумевающая восприятие текста осведомленным и квалифицированным читателем, способствует переосмыслению и реинтерпретации текста, как это показывает художественный опыт В. Потаповой, органично усвоившей «свое» и «чужое» слово. Рецепция Ахматовой в формате *филологической прозы*, предпринятая Н. Харлампьевой, демонстрирует принципиально другие подходы к восприятию предшествующей поэтики. Поэзия В. Потаповой и «проза поэта» Н. Харлампьевой показывают изменение форм рецепции от стихотворной формы, интертекстуальность которой практически не выявляется, до прозаической субжанровой структуры с принципиальной установкой на монтаж «своих» и «чужих» фрагментов текста, вступающих в специфическое взаимодействие в условиях создаваемой в целом стихопрозаической композиции и особого в конечном итоге ритмического типа речи.

Анализ показывает, что освоение ахматовской поэтики в лирике В. Потаповой с самого начала приобретало концептуальный характер, связанный с творческим самоопределением якутской поэтессы. Однако ахматовские мотивы и образы, попадая в пространство инонациональной, якутской, традиции и своеобразно трансформируясь в ней, приобретают вполне оригинальный облик, опознаваемый в читательском восприятии и оценке потаповской лирики как «якутской Ахматовой».

Значимым этапом в освоении ахматовской темы в якутской литературе предстают «прозопоэтические» опыты якутской поэтессы Н. Харлампьевой. Определяющим в них становится целостное восприятие ахматовской поэзии и личности Поэта как «имеющего судьбу» и отчетливо очерченный «свой» пространственный мир (символика Петербурга и его окрестностей). Началом, объединяющим якутских поэтов, предстает не столько непосредственная преемственность между ними в аспекте ахматовской темы, сколько то, что разноплановая в своей основе рецепция личности и лирики Ахматовой приобретает в конечном счете «текстовый» характер, эксплицируясь в разнообразных формах и типах поэтического высказывания на «другом» языке. Исходя из этого, оказывается возможным текстуальный анализ и соответствующее понимание «рецепции» и рецептивного восприятия «другой» литературы как движения текстов.

Список литературы:

Ахматова А.А. Собрание сочинений. В 2-х томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. 448 с.

Гинзбург Л.Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 62–91.

Новиков В.И. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый Мир. 1999. № 10. С. 193–205. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/10/filologicheskij-roman.html (дата обращения: 07.12.2019).

Окорокова В.Б., Семенова В.Г. Поэтический мир Натальи Харлампьевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 21–24.

Орлицкий Ю.Б. Стихотворная цитата в прозаическом тексте (к типологии цитатного прозиметрума) // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха [Под ред. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой]. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 106–130.

Покатилова Н.В. От устной традиции к письменной в ранней литературе [Отв. ред. С.Ю. Неклюдов; Северо-Восточный федеральный ун-т им. М.К. Аммосова]. Новосибирск: Наука, 2010. 247 с.

Романова Л.Н. Поэзия Натальи Харлампьевой: динамика лирической книги стихов. Новосибирск: Наука, 2014. 128 с.

Сивцева-Максимова П.В., Архипова Е.А., Егорова С.И. О творческом наследии М.Ю. Лермонтова в истории якутской литературы // Вестник СВФУ. 2014. Т. 11. № 6. С. 82–88.

Харлампьева Н.И. Признание в любви: Якутия в русской поэзии второй половины XX века. Якутск: Бичик, 2012. 160 с.

Щеглов Ю.К. Черты поэтического мира Ахматовой // А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст [Предисл. М.Л. Гаспарова]. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 261–289.

Яковлева (Посельская) В.Д. «Клятва демона» М.Ю. Лермонтова в переводе А.Е. Кулаковского: Особенности переводческих интерпретаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Выпуск 67. С. 157–160.

Потапова В. «Үчүгэйиэн бу сиргэ»: Хоһооннор. Дьокуускай (Якутск): Кинигэ изд-вота, 1989. 112 с.

References:

Ahmatova A.A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: imaginative literature publ., 1986. 448 p. (In Russian).

Ginzburg L.Ja. O dokumental'noj literature i principah postroenija haraktera [About nonfiction and character building principles]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1970. № 7. Pp. 62-91. (In Russian)

Harlamp'eva N.I. *Priznanie v ljubvi: Jakutija v russkoj pojezii vtoroj poloviny XX veka* [Declaration of love: Yakutia in Russian poetry of the second half of the 20th century]. Jakutsk: Bichik Publ., 2012. 160 p. (In Russian)

Novikov V. I. Filologicheskij roman. Staryj novyj zhanr na ishode stoletija [Philological novel. An old new genre at the turn of the century]. *Novyj Mir* [New world]. 1999. № 10. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/10/filologicheskij-roman.html (date of the application: 07.12.2019) (In Russian)

Okorokova V.B., Semenova V.G. Pojeticheskij mir Natal'i Harlamp'evoj [The poetic world of Natalia Kharlampyeva]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice]. Tambov: Gramota Publ., 2016. №6 (60): in 3 parts. Part 2. Pp. 21-24. (In Russian)

Orlickij Ju.B. Stihotvornaja citata v prozaicheskom tekste (k tipologii citatnogo prozimetruma) [Poetic quotation in a prose text (towards a typology of quotation prosimetrum)]. *Slavjanskij stih. VII: Lingvistika i struktura stiha* [Slavic verse. VII: Linguistics and the structure of the verse]. Ed. M.L. Gasparova, T.V. Skulacheva. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. Pp.106-130. (In Russian)

Pokatilova N.V. *Ot ustnoj tradicii k pis'mennoj v rannej literature* [From Oral to Written Tradition in Early Literature]. Rep. ed. S.Yu. Neklyudov; North-Eastern Federal University im. M.K. Ammosova. Novosibirsk: Science Publ., 2010. 247 p. (In Russian)

Potapova V. *Kak zhe khorosho v etom mire: stikhotvoreniya* ["How good is this world": poesy].Yakutsk: book publ., 1989. 112 p. (In Yakut)

Romanova L.N. *Poeziya Natal'i Harlamp'evoj: dinamika liricheskoj knigi stihov* [Poetry of Natalia Kharlampyeva: the dynamics of a lyrical book of poems]. Novosibirsk: Science Publ., 2014. 128 p. (In Russian)

Shcheglov Ju. K. Cherty poeticheskogo mira Ahmatovoj [Features of the Akhmatova's poetic world]. *Zholkovskij A.K., Shcheglov Ju.K. Raboty po pojetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst* [Works on the poetics of expressiveness: Invariants – Theme – Techniques – Text]. Foreword by M.L. Gasparov. Moscow: Publ. Group "Progress", 1996. 344 p. (In Russian)

Sivceva-Maksimova P.V., Arhipova E.A., Egorova S.I. O tvorcheskom nasledii M.Ju. Lermontova v istorii jakutskoj literatury [On the creative heritage of M.Yu. Lermontov in the history of Yakut literature]. *Vestnik SVFU* [Bulletin of NEFU. 2014. V. 11. № 6. Pp. 82-88 (In Russian)

Yakovleva (Posel'skaya) V.D. "Klyatva demona" M.Yu. Lermontova v perevode A.E. Kulakovskogo: Osobennosti perevodcheskih interpretacij ["The Demon's Oath" by M.Yu. Lermontov translated by A. E. Kulakovsky: Features of translation interpretations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2012. № 20 (274). Philology. Art history. Issue 67. Pp. 157-160. (In Russian)

Сведения об авторе:

Румянцева Лена Иннокентьевна – к.ф.н., доцент кафедры «Русская литература XX века и теория литературы» филологического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»; г. Якутск, Российская Федерация;

https://orcid.org/0000-0003-4658-3259;
rumlena162@mail.ru

Information about the author:

Rumyantseva Lena Innokentevna – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the of the Department of Russian Literature of the 20th Century and Theory of Literature of the Faculty of Philology of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; Yakutsk, Russian Federation;

https://orcid.org/0000-0003-4658-3259;
rumlena162@mail.ru

Северо-Восточный гуманитарный вестник / North-Eastern Journal of Humanities 2023; 2(43): 133-138

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.011
УДК: 398.221=(554)

Рецензия на книгу Л.Н. Жуковой «Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса)» [Отв. ред. А.А. Немировский]. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2022. 76 с.: взгляд востоковеда

Ф.Ф. Желобцов

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, fedotzhel@mail.ru

Для цитирования: Желобцов Ф.Ф. Рецензия на книгу Жуковой Л.Н. «Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 133–138. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.011

Book review by L.N. Zhukova “Yukagir-Chinese Folklore-Mythological Parallels (to the Question)”. Resp. ed. A.A. Nemirovsky. St. Petersburg: Own Publ., 2022. 76 p.: Orientalist’s Point of View

F.F. Zhelobtsov

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”, Yakutsk, Russian Federation, fedotzhel@mail.ru

For citation: Zhelobtsov F.F. Book review by L.N. Zhukova "Yukagir-Chinese Folklore-Mythological Parallels (to the Question)". In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 133–138. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.011 (In Russian)

Книга Л.Н. Жуковой дает ожидаемый импульс к изучению истории, этногенеза и духовной жизни народов Восточной Сибири, в частности юкагиров – древнего народа, сохранившего себя с периода неолита [Ушницкий, Варавина, 2018: 109]. Из-за сложностей темы, требующей широкого комплексного подхода, а также определенного источниковедческого вакуума автор предваряет свою работу словами о том, что ведет в ней речь в ракурсе постановки проблемы, а не конкретного утверждения о существовании прямых контактов древних юкагиров с не менее древними китайцами. Задача исследователя – выявление юкагирско-китайских мифологических схождений, призванных инициировать обсуждение того, что за этими схождениями стоит. В любом случае данный труд – это еще одна интересная версия к восстановлению древней истории Восточной Сибири.

Историк-исследователь Л.Н. Жукова является единственным, кто в течение многих лет целенаправленно занимается изучением жизни и быта юкагиров. Много внимания она уделяет их культуре, в частности изучению их национальной одежды с уникальным орнаментом. Ею опубликован целый ряд работ по самым разным темам жизни и быта северных народов. Здесь, несмотря на скудность исследовательской базы на

© Желобцов Ф.Ф., 2023

периферии и удаленность от крупных научных центров, налицо удачное сочетание исследовательского опыта специалиста и хорошее знание жизни и быта палеоазиатских народов.

Центральное место в книге занимает анализ юкагирско-китайских фольклорно-мифологических параллелей, выдвигающих возможность взаимовлияния, а то и контактов между древними юкагирами и представителями китайской цивилизации. На первый взгляд, это просто невероятно, учитывая громадную территорию расселения юкагиров и отдаленность исторического Китая. Но существует феномен исторической памяти человеческого этноса, который сохраняет далекое прошлое в своих мировоззрениях и фольклоре. Нельзя забывать и о том, что за мифами и легендами лежит реальная жизнь народов бесписьменного периода человечества.

Выявляя наличие общих элементов в фольклоре юкагиров и древних китайцев, автор предполагает, что они могли появиться в результате самых разных сценариев и комбинаций: от опосредованной передачи культурных ценностей до влияния миграций различных этносов. Она справедливо замечает, что этому могли способствовать многочисленные контакты (культурно-торговые) от Китая до Северо-Восточной Азии: в XV в. – от Минского Китая до юкагирских племен на Индигирке и Яне. Свой вклад могли внести многочисленные тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские кочевые племена, постоянно вторгавшиеся в Поднебесную и воевавшие на севере китайских империй. Как известно, юкагиры всегда тесно общались с кочевниками и особенно с тунгусскими. Свою значимую роль играла и «Ленская магистраль». По ней с юга бесчисленными волнами разноязычных этносов шло заселение Сибири, когда любая южная мифологема могла оказаться у насельников Сибири, включая юкагиров [История Якутии, 2020: 231].

В своей работе Л.Н. Жукова затрагивает такие самые дискутируемые темы, как история происхождения, этногенеза и языка. Однако в центре ее внимания – вопросы духовной культуры юкагиров. Автор представляет читателю свое видение и наблюдения в порядке постановки проблемы о вероятной возможности существования в древние времена юкагирско-китайских контактов. На основе анализа фольклорно-мифологических материалов фольклора обоих народов она одновременно побуждает интерес у исследователей и нацеливает на обсуждение совершенно нового направления в культурной жизни юкагиров.

Поскольку в книге практически отсутствуют материалы об этногенетическом происхождении, особенностях языка и верований юкагиров, которые бы создавали фон для лучшего понимания поставленной проблемы, представляется необходимым краткий страноведческий экскурс.

Не вдаваясь в сложности, подчеркнем одно: исследователи-юкагироведы сходятся в том, что юкагиры являются одним из самых древних этносов Восточной Сибири [Сулейманов, 2018: 80]. Ведь если считать, что русские пришли сюда в XVII в., якуты – в X–XII вв., тунгусы – в середине 1-го тысячелетия н. э., то юкагиры живут здесь более трех тысяч лет и в древности занимали громадную территорию на севере и северо-востоке Сибири. Отметим, что с антропологической точки зрения юкагиры – монголоиды.

Первый дореволюционный исследователь жизни и быта юкагиров В.И. Иохельсон связывал происхождение и этногенез юкагиров с индейцами Северной Америки [Сулейманов, 2017: 173]. Советские ученые во главе с известным археологом А.П. Окладниковым, не отвергая принадлежность неолитической культуры Якутии предкам юкагиров, выдвинули теорию о существовании единого этнического субстрата уральского происхождения, который обитал от саами на западе до юкагиров на востоке. По их мнению, в рамках этого субстрата зародилось сложение древней уралоязычной основы юкагиров. Ряду современных исследователей принадлежит версия, суть которой состоит в признании юкагиров пришельцами с юга [Иванов, 2001: 112; История Якутии, 2020: 366].

Последняя версия этногенетической картины происхождения юкагиров, основанная на новейших исторических материалах, также изложена в новом трехтомном издании «История Якутии» [История Якутии, 2020: 279–280; 2021а: 31–32; 2021б: 52–53].

На сегодня среди исследователей нет единого мнения даже в отношении происхождения этнонима «юкагир». Считается, что он, вероятно, заимствован у якутов, которые в свою оче-

редь переняли его у тунгусов. Сами же юкагиры называют себя «одулы» (верхнеколымские лесные юкагиры) и «вадулы» (нижнеколымские тундренные юкагиры-оленеводы) [Ушницкий, Варавина, 2018: 109].

Л.Н. Жукова в своей работе поддерживает версию о древнеуральском происхождении предков юкагиров, также основываясь на результатах анализа генетических характеристик, которые демонстрируют, что «по спектру материнских линий юкагиры ближе к урало-, алтаеязычным этносам, чем к палеоазиатам» [Цит. по: Жукова, 2022: 14].

Письменная история юкагиров началась с приходом в Ленский край русских в середине XVII в. В документах русской колониальной администрации юкагиры стали упоминаться с 1635 г. В середине XVII в. юкагиры занимали территорию от Лены до Анадыря. В 1649 г. казак-землепроходец Семен Дежнев, основав Анадырское зимовье, завершил присоединение огромной «Юкагирской землицы» к Российскому государству. По архивным данным Б.О. Долгих, в то время юкагиров насчитывалось около 5000 человек в 12 родовых группах [Гоголев, 2015: 32; Сулейманов, 2018: 80].

Исследователи отмечают катастрофическое сокращение численности юкагирского населения с середины XVII в.

Среди главных причин этого было аманатство (система заложников), которое широко практиковалось казаками для получения ясака с местного населения. В этот период в аманатах находились одновременно 6 % взрослого населения в русских зимовьях и острогах [Гоголев, 2015: 32]. Все это вело и к ассимиляции, и к обрусеванию юкагиров. К началу XX в. фактически остались только две этнические группы юкагиров, сумевших сохранить свой язык и культуру.

Другой причиной сокращения численности народа стала эпидемия черной оспы, бушевавшая в те времена на севере. Болезнь беспощадно уничтожала людей на заимках и стойбищах. По данным этнографа-североведа И.С. Гурвича, в результате эпидемии оспы среди юкагиров только в 1691–1694 гг. погибло больше половины населения – 2345 человек [История Якутии, 2020: 370; Романова, Степанова, 2021: 219].

Множество загадок таит в себе и происхождение языка юкагиров. Он не похож ни на один язык соседей по региону, хотя В.И. Иохельсон отмечал языковую и культурно-бытовую близость юкагиров к чукчам и корякам [Гоголев, 2015: 13]. Сегодня лингвисты лишь условно относят юкагирский язык к палеоазиатским языкам, но едины в том, что он был первым языком на территории всей Якутии.

Весьма интересным является то, что вплоть до недавнего времени у верхнеколымских юкагиров существовало рисуночное (пиктографическое) письмо на бересте, получившее большое развитие во второй половине XIX в. Это уникальный пример ранней письменности в культуре среди палеоазиатских народов. Юкагиры первыми среди кочевых народов Арктики придумали пиктографическую письменность не позже XVII в., а, возможно, еще раньше на своей прародине.

Впервые понятие «письма юкагиров на бересте» ввел В.И. Иохельсон, будучи участником этнографической экспедиции в 1895–1896 гг. по Колыме. С помощью пиктографии племена, ведущие полукочевой образ жизни в суровых условиях тундры, обменивались важными сообщениями: где лучше добыча, куда направилась та или иная группа. Такие «шангар-шорилэ», или «письма на бересте», в первую очередь использовались в качестве маршрутных карт, которые оставляли в заранее условленных местах. А.И. Гоголев пишет, что «пиктографическое письмо юкагиров нужно рассматривать как зародыш иероглифической письменности» [Цит. по: Гоголев, 2015: 105]. В условиях борьбы за выживание на Севере и реалиях исторического развития края юкагиры не смогли, не успели довести ее до более сложного уровня иероглифической письменности.

Современная письменность юкагиров была создана лишь в 1987 г. на основе кирилловской азбуки. Сегодня юкагирский язык преподают в школах в селах Нелемное Верхнеколымского улуса и Андрюшкино Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Реальность такова, что юкагирский язык сегодня считают родным 30% юкагиров, но владеют им меньше 10% [В помощь учителю…, 2006: 3–4]. Средством же общения являются, как правило, русский и якутский языки.

Анализ Л.Н. Жуковой юкагирских сказок, их сюжетов, наполненных в качестве главных ге-

роев обитателями тайги и тундры, еще раз свидетельствует о том, что основой мировоззрения юкагиров был анимизм, обожествлявший весь окружающий живой и неживой мир. Поклонение природным силам отражено, как видно, прежде всего в сказках. Этот явный доминант в их сюжетах лишний раз подтверждает, что шаманизм не занимал сколь-нибудь значимого места в духовной жизни юкагиров.

Л.Н. Жукова в своей книге прикоснулась к богатейшему фольклору юкагирского народа, который все шире используется в научных исследованиях [Прокопьева, 2021: 156–161; 2022:197-204]. Фольклор во все времена играл очень важную роль в повседневной жизни юкагиров, пронизанной тысячью нитей со своей магией и ритуалами. Именно разнообразный источниковедческий материал юкагирского фольклора, исследованный автором, может косвенно свидетельствовать о существовавших в древности контактов между юкагирами и жителями Китая. Ответы на этот вопрос автор дает, анализируя сюжеты и содержание сказочных материалов обоих народов. Детально изучив мифологические тексты сказок, она вполне определенно выявила наличие сюжетных и структурных параллелей с мифами древних китайцев, с которыми нельзя не согласиться. Автор находит подтверждение своим версиям о влиянии китайской цивилизации на население Ленского края и у современных якутских ученых. Так, например, в наскальных рисунках бронзового века, найденных археологами в южной и центральной Якутии [Алексеев, Пеньков, 2006: 13], в средненеолитических погребальных комплексах [Федосеева, 1968: 39], предметах китайского происхождения в атрибутике якутских шаманов – китайские монеты (монеты «дом» для поимки шаманом злых духов через квадратное отверстие), бронзовые бубенчики с иероглифами, бронзовые зеркала, бисер и бусы, китайские ткани, изображение собаки [Бравина и др., 2015: 1328, 1329, 1332; 2016: 262–266, 270–271; Слепцов, 2007: 95]. Являясь профессиональным исследователем истории одежды юкагиров, Л.Н. Жукова пишет также о наличии в их орнаменте китайских элементов.

Наблюдения Л.Н. Жуковой имеют право на существование и на фоне версий ряда исследователей о южном происхождении юкагиров. Например, якутский историк-этнограф С.И. Николаев (Сомоготто), изучавший фольклор северных народов, был уверен в том, что юкагирский традиционный танец лонгдол очень близок к хороводному танцу у якутов и бурят, у которых сохранился древний обычай очеловечивать птиц [Николаев, 1982: 124].

В целом суждения и выводы автора книги согласуются с парадигмой научных изысканий ведущих отечественных исследователей истории и культуры палеоазиатских народов, хотя ее версия и несет определенную толику научной ответственности перед будущими исследователями. Работа Л.Н. Жуковой подводит к мысли о необходимости сотрудничества со специалистами смежных дисциплин: историками-археологами, этнологами, антропологами, генетиками, а также о реализации совместных научных проектов с зарубежными исследователями, для чего необходимо привлечь филологов-востоковедов со знанием китайского языка, например, магистрантов восточного отделения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова.

Книга Л.Н. Жуковой с ее достаточно высоким научным уровнем убедительно свидетельствует о необходимости продолжения профессиональных дискуссий по заданной проблематике. Самый древний народ Восточной Сибири – юкагиры – по праву должны занять подобающее им место. Не зря ведь их самоназвание одулы (вадулы) означает «сильные, всепобеждающие».

Список литературы:

Алексеев А.Н., Пеньков А.В. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: искусство и материальная культура. Новосибирск: Наука, 2006. С. 12–56.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Масумото Тэсу. Предметы китайского происхождения в атрибутике якутских шаманов // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: Т. III. Пекин: Наука-Пресс, 2015. С. 1327–1334. (Музей Внутренней Монголии, серии Археологического института автономного района Внутренняя Монголия)

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Тэцуо Масумото. Китайские изделия в культовой атри-

бутике якутов // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 259–278.

В помощь учителю юкагирского языка и культуры: учеб. пособие [Сост. В.И. Шадрин; М-во образования Респ. Саха (Якутия), Ин-т проблем малочисленных народов Севера]. Якутск: Офсет, 2006. 112 с.

Гоголев А.И. История Якутии: учебное пособие для вузов. 3-е изд., доп. Якутск: Издательский дом СВФУ. 2015. 292 с. + 56 с. вкл.

Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2022. 76 с.

Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири. Новосибирск: Наука, 2001. 158 с.

История Якутии: в 3 т. Т. 1 [Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова]. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.

История Якутии: в 3 т. Т. 2 [Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. А.А. Борисов, А.И. Макарова, А.П. Николаев]. Новосибирск: Наука, 2021а. 216 с.

История Якутии: в 3 т. Т. 3 [Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. С.И. Боякова]. Новосибирск: Наука, 2021б. 592 с.

Николаев С.И. (Сомоготто). Птицечеловек в хороводных танцах аборигенов Якутии // Полярная звезда.1982. № 4. С. 123–126.

Прокопьева П.Е. Время древних людей в фольклоре лесных юкагиров // Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Евразии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию Анатолия Николаевича Алексеева, Якутск, 28–29 октября 2021 года. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2021. С. 156–161.

Прокопьева П.Е. Личная песня Н.Н. Дьячкова сквозь призму традиционной культуры лесных юкагиров // IV Роббековские чтения: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Якутск, 23–24 марта 2022 года. Якутск: СВФУ, 2022. С. 197–204.

Романова Е.Н., Степанова Р.Б. Антропология болезни. По следам эпидемий Полярного круга: полевые материалы И.С. Гурвича // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 218–230. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-18

Слепцов Е.П. Связь атрибутики шаманского облачения якутов с символикой архаичных обрядов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 21 (51). С. 94-98.

Сулейманов А.А. В.И. Иохельсон и научное изучение юкагиров Якутии // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 1 (13). С. 170–175.

Сулейманов А.А. Этническая идентичность юкагиров Якутии в научном дискурсе XIX – нач. XXI в. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 2 (20). С. 80–90.

Ушницкий В.В., Варавина Г.Н. Исторический ландшафт формирования юкагиров в свете «миграционной» теории // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 108–117.

Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 170 с.

References:

Alekseev A.N., Pen'kov A.V. Novye podhody k poznaniju duhovnoj kul'tury tajozhnyh plemjon drevnej Jakutii: piktograficheskie "teksty" na lenskih pisanicah bronzovogo veka [New approaches to the knowledge of the spiritual culture of the taiga tribes of Ancient Yakutia: pictographic "texts" on the Lena inscriptions of the Bronze Age]. *Drevnosti Jakutii: iskusstvo i material'naja kul'tura* [Antiquities of Yakutia: art and material culture]. Novosibirsk: Science Publ., 2006. Pp. 12-56. (In Russian)

Bravina R.I., D'jakonov V.M., Stepanov A.D., Tjecuo Masumoto. Kitajskie izdelija v kul'tovoj atributike jakutov [Chinese products in the cult paraphernalia of the Yakuts]. *Rossiya i Yuzhno-Tikhookeanskiy region* [Russia and the South-Pacific region]. 2016. № 4 (94). Pp. 259-278. (In Russian)

Bravina R.I., D'jakonov V.M., Stepanov A.D., Tjecuo Masumoto. Predmety kitajskogo proishozhdenija v atributike jakutskih shamanov [Items of Chinese origin in the attributes of Yakut shamans]. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaja, Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri* [Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Vol. III. Museum of Inner Mongolia, series of Archaeological Institute of Inner Mongolia Autonomous Region. Pekin: Science-Press, 2015. Pp. 1327-1334. (In Chinese)

Fedoseeva S.A. *Drevnie kul'tury Verhnego Viljuja* [Ancient cultures of the Upper Vilyui]. Moscow: Science Publ., 1968. 170 p. (In Russian)

Gogolev A.I. *Istorija Jakutii: uchebnoe posobie dlja vuzov* [History of Yakutia: textbook for higher educational institutions]. 3rd edition, revised. Jakutsk: Publ. CVFU. 2015. 292 p. + 56 p. included (In Russian)

Istorija Jakutii [History of Yakutia]. In 3 volumes. Vol. 1. Under the general editorship of A.N. Alekseev; executive editor R.I. Bravina, E.N. Romanova. Novosibirsk: Science Publ., 2020. 536 p. (In Russian)

Istorija Jakutii [History of Yakutia]. In 3 volumes. Vol. 2. Under the general editorship of A.N. Alekseev; executive editor A.A. Borisov, A.I. Makarova, A.P. Nikolaev]. Novosibirsk: Science Publ., 2021a. 216 p. (In Russian)

Istorija Jakutii [History of Yakutia]. In 3 volumes. Vol. 3 [Under the general editorship of A.N. Alekseev; executive editor S.I. Bojakova]. Novosibirsk: Science Publ., 2021b. 592 p. (In Russian)

Ivanov V.H. *Jetnokul'turnye vzaimosvjazi i vzaimovlijanija u narodov severo-vostoka Sibiri* [Ethno-cultural Relationships and Mutual Influences among the Peoples of the North-East of Siberia]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 158 p. (In Russian)

Nikolaev S.I. (Somogotto). Pticechelovek v horovodnyh tancah aborigenov Jakutii [Bird-man in round dances of the natives of Yakutia]. *Poljarnaja zvezda* [Polar Star].1982. № 4. Pp.123-126. (In Russian)

Prokop'eva P.E. Lichnaja pesnja N.N. D'jachkova skvoz' prizmu tradicionnoj kul'tury lesnyh jukagirov [Personal song of N.N. Dyachkova through the prism of the traditional culture of the forest Yukagirs]. *IV Robbekovskie chtenija: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Jakutsk, 23-24 marta 2022 goda* [IV Robbek readings: Collection of materials of the international scientific and practical conference, Yakutsk, March 23-24, 2022]. Jakutsk: SVFU, 2022. Pp. 197-204. (In Russian)

Prokop'eva P.E. Vremja drevnih ljudej v fol'klore lesnyh jukagirov [The time of ancient people in the folklore of the forest Yukaghirs]. *Aktual'nye problemy izuchenija dopis'mennoj istorii Severnoj Evrazii: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 75-letiju Anatolija Nikolaevicha Alekseeva, Jakutsk, 28–29 oktjabrja 2021 goda* [Actual problems of studying the pre-literate history of Northern Eurasia: Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 75th anniversary of Anatoly Nikolaevich Alekseev, Yakutsk, 28-29 October, 2021]. Jakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2021. Pp. 156-161. (In Russian)

Romanova E.N., Stepanova R.B. Antropologija bolezni. Po sledam jepidemij Poljarnogo kruga: polevye materialy I.S. Gurvicha [Anthropology of disease. In the wake of the epidemics of the Arctic Circle: field materials by I.S. Gurvich]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2021. № 3 (54). Pp. 218-230. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-18 (In Russian)

Slepcov E.P. Svjaz' atributiki shamanskogo oblachenija jakutov s simvolikoj arhaichnyh obrjadov [Relationship between attributes of Yakut shamanic attire and symbols of archaic rites]. *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. Aspirantskie tetrad* [Izvestiya RGPU them. A.I. Herzen. Postgraduate notebooks]. SPb., 2007. № 21 (51). Pp. 94-98. (In Russian)

Sulejmanov A.A. Jetnicheskaja identichnost' jukagirov Jakutii v nauchnom diskurse XIX–nach.XXI v. [Ethnic identity of the Yukagirs of Yakutia in the scientific discourse of the 19th – early 21st centuries]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskih i antropologicheskih issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2018. Vyp.2 (20). S. 80–90 (In Russian)

Sulejmanov A.A. V.I. Iohel'son i nauchnoe izuchenie jukagirov Jakutii [V.I. Jokhelson and the scientific study of the Yukagirs of Yakutia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series Historical Sciences]. 2017. № 1 (13). Pp. 170-175. (In Russian)

Ushnickij V.V., Varavina G.N. Istoricheskij landshaft formirovanija jukagirov v svete "migracionnoj" teorii [The historical landscape of the formation of the Yukagirs in the light of the "migration" theory]. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2018. Vol. 14. № 1. Pp. 108-117. (In Russian)

V pomoshh' uchitelju jukagirskogo jazyka i kul'tury: ucheb. posobie [To help the teacher of the Yukagir Language and culture: a textbook]. Comp. by V.I. Shadrin; Ministry of Education Rep. Sakha (Yakutia), Institute of Problems of Indigenous Peoples of the North. Jakutsk: Ofset Publ., 2006. 112 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Jukagirsko-kitajskie fol'klorno-mifologicheskie paralleli (k postanovke voprosa)* [Yukagir-Chinese folklore-mythological parallels (to the question)]. Sankt-Peterburg: Own publ., 2022. 76 p. (In Russian)

Сведения об авторе:

Желобцов Федот Федотович – доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»; г. Якутск, Российская Федерация;

https://orcid.org/0000-0001-6106-740X;
fedotzhel@mail.ru

Information about the author:

Zhelobtsov Fedot Fedotovich – Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University"; Yakutsk, Russian Federation;

https://orcid.org/0000-0001-6106-740X;
fedotzhel@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

В журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. Помимо научных статей, в журнале публикуются рецензии на монографии, вышедшие в последние 5 лет, имеющие отношение к тематике журнала и вносящие новизну в методологию исследований. К публикации принимаются рукописи на русском и английском языках (по согласованию).

Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются. Передавая редакции журнала рукопись статьи или рецензии, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст на интернет-ресурсах, пока не будет принято решение о его публикации в «Северо-Восточном гуманитарном вестнике», и в случае положительного решения воздержаться от его размещения в сети Интернет до выхода журнала в свет.

Объем рукописи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять: для статей – 12–24 страницы (20000–40000 знаков), для рецензий – 12 страниц (20000 знаков). Рукописи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Рукописи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Формат рукописи: А4, интервал 1,5, шрифт Times New Roman, размер 14, поля: сверху, снизу и слева – 2,0 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются. Допустимый формат файла – .doc / .docx.

Содержание рукописи необходимо оформить следующим образом:

1. Код **УДК** (код УДК, соответствующий тематике статьи или рецензии, можно найти по адресу: https://nlrs.ru/to-professionals/Cataloque/udk/index.shtml).

2. DOI (присваивается редакцией).

3. Заголовок статьи или рецензии (Title) должен кратко (максимальная длина заглавия составляет 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи или рецензии, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Сведения о финансировании, благодарность или признательность размещаются в виде постраничной сноски к названию статьи, отмеченной символом (*).

4. Аннотация (Abstract) статьи или рецензии на русском и английском языках (не менее 150 слов). Аннотация не должна содержать формулы, рисунки, ссылки на используемую литературу. Она должна отражать в первую очередь главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи или рецензии, т. е. быть краткой, но содержательной.

Структура аннотации: Научная новизна (Novelty of the research), Цель и задачи (Goal and objective), Методы исследования (Research Methods), Результаты (Results), которые, в отличие от основного текста статьи, даются тезисно.

5. Ключевые слова (Key words) служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей или рецензий в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тему, объект и предмет исследования. Количество ключевых слов – от 5 до 10.

6. Текст статьи должен соответствовать следующей структуре:

I. Введение (Introduction). Представляет собой вступительную часть, в которой идет речь об общей теме исследования, дается постановка проблемы, описываются цель и задачи планируемой работы, актуальность, теоретическая и практическая значимость, а также наиболее известные и авторитетные публикации по изучаемой теме.

II. Материалы и методы (Materials and Methods). Приводятся ссылки на соответствующие фактологические источники. Описываются методы и приемы, при помощи которых проводится изучение обсуждаемой проблемы.

III. Результаты и обсуждение (Results and Discussion). В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективность. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

Структурирование этого раздела статьи подразумевает его деление на смысловые части (подразделы). Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок сообразно изложенной в нем основной идее.

IV. Заключение (Conclusion(s)). Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала следует оформлять фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость.

7. Внутритекстовые ссылки на опубликованные работы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, страница или диапазон страниц, например: [Ефремов, 2010: 47] или [Ефремов, 2004: 47–48].

Неопубликованные источники: документы, архивные материалы, рукописи – нужно указывать постраничными сносками внизу страницы: [1]Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 12. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2об. При повторном упоминании архива приводится его сокращенное название: [2]НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–4.

8. Список литературы приводится после текста статьи. Сначала в алфавитном порядке составляется перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница), если цитируются иноязычные публикации.

Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), полевых материалов автора ПМА, архивных данных, юридических документов, газет и других СМИ, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «**Дополнительные источники и принятые сокращения**». При ссылках на личные ПМА отдельно уточняется конкретная экспедиция, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. При этом указываются имена всех информантов. Если по условиям проведения исследований требуется соблюдать анонимность, то имена информантов могут сокращаться до инициалов или опускаться в соответствии с конкретными требованиями, которые налагаются на автора в рамках его проекта, или другими особенностями сбора полевых материалов.

Список литературы должен содержать не менее 15 наименований. Приветствуются ссылки на труды зарубежных ученых по теме исследования, а также на научные работы, опубликованные в течение последних 5 лет.

Важно правильно оформить ссылку на источник: следует указать фамилию(и) автора(ов), журнал, год издания, том (выпуск), номер, страницы, у электронных источников – адрес доступа в сети Интернет.

● Для книг: указывается место издания, название издательства, год издания и общее количество страниц. Например:

Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. 2-е изд. перераб. Якутск: Бичик, 2017. 256 с.

● Для статей: название журнала, год издания, том, выпуск (или номер), страницы начала и конца статьи. Например:

Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX – начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117–171.

● Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения. Например:

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570 (7760). URL: https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z (дата обращения: 02.11.2022).

Список литературы дублируется на английском языке. Раздел **References** должен быть расположен после списка литературы и включать комбинацию транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок. Название публикации в ссылках должно быть транслитерировано (написано латинскими буквами) и дублировано на английский язык в квадратных скобках […]. При транслитерации нужно воспользоваться ссылкой: https://www.translit.ru (с вариантом BGN). Необходимо указать в скобках язык оригинала статьи, на котором написан полный текст публикации. Работы, написанные на английском языке, не транслитерируются. Например:

Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117–171. (In Russian)

Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.): monografiya* [Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917): monograph]. 2nd edition, revised and enlarged. Irkutsk: Otisk Publ., 2018. Vol. 2. 416 p. (In Russian)

9. Полные сведения об авторе (авторах) (About the author): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать основное место работы автора, в котором выполнялось исследование (постоянное место, место выполнения проекта и др.), должность, ученая степень и ученое звание, e-mail, номер мобильного телефона (необходим для связи с редакцией, не публикуется в журнале), ORCID ID.

Сведения об авторе (авторах) необходимо продублировать также на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения.

В процессе подготовки и отправки статьи или рецензии в редакцию необходимо соблюдать этические нормы соавторства, разработанные COPE (Committee on Publication Ethics).

Статьи и рецензии, поступающие в редакцию, проходят проверку на уникальность (допускается оправданное целями написания статьи или рецензии наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 10% от общего объема рукописи; оригинальность текста должна быть не менее 80%; не более 10% – самоцитирование (допускается упоминание не более 3 источников, принадлежащих автору статьи)) **рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати в порядке очереди.**

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Индекс П2454